

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Самодержавия III. С. 156.

ВЛАД. ЮН. ЮН. А.

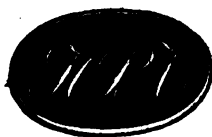
ЗАПИСКИ
РУССКАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,

съ 1823 по 1827 годъ.

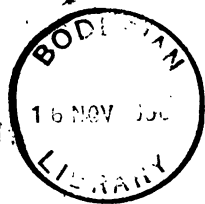
Ч А С Т Ъ І V.

Парижъ. Лондонъ. ГЕРМАНИЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были три экземпляра въ С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 17 дня, 1835 года.

Ценсоръ Пётръ Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV-й ЧАСТИ.

Стран.

ПАРИЖЪ, 1825—1826 года....

Шаткость религии Французовъ. Дѣйствіе Іезуитовъ во Франціи. Пятидесятилѣтній юбилей. Канонизація короля Людовика XVI. Мятежъ въ Парижѣ, по поводу лишенія духовенствомъ почести отпѣванія и погребенія актера Филиппа. Вліяніе Іезуитовъ на публичное воспитаніе1.

ПРОДОЛЖЕНІЕ .

Шаткость правленія Французовъ. Партіи демократическая и аристократическая. Безпокойства въ Парижѣ, по поводу разсужденій въ палатахъ о законѣ наслѣдства. Судъ надъ издателемъ газеты Constitutionnel; торжество оратора Дюпеня..13.

ПРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ.....20.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ

Ученныя общества; учебныя заведенія. Королевскій Луврскій музей; Люксембургская картинная галлерей. Давидъ, основатель новой Французской школы живописи; отличительныя свойства этой школы.....29.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Славянская Библия Острожскаго изданія.....47.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Кабинетъ медалей и древностей. Хранилище художествъ и ремеслъ. Публичныя лекціи Гейлюсака, Тенара, Андриѣ и Дюпеня. Королевскій институтъ или Академія наукъ.....57.

ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗОВЪ О РОССИИ.....69.

ДИОРАМА80.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.....36.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Школы сценическаго искусства: Нѣмецкая, Англійская и Французская, Тальма. Викторъ. Сравненіе Г-жи Дюшенуа съ Г-жею Жоржъ..92.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДІЯ.

Дѣвица Марсъ. Монрозъ.....109.

БУЛЬВАРНЫЕ И ПРОЧІЕ ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.111.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Достопримѣчательныя Парижскія церкви: Notre-Dame; Пантеонъ; Св. Сульпиція; Домъ инвалидовъ. Дворцы Тюльерійскій и Луврскій; Палероаль. Частныя дома и улицы. Бульвары; переходы (passages). Базаръ. Памятники: конныя статуи Генриха IV и Людовика XIV; Вандомская колонна. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ..118.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДНЕВНИКА ВЪ ПАРИЖѢ.

Роковая вѣсть о кончинѣ Императора Александра. Жестокіе морозы въ Парижѣ. Карнаваль. Духъ настоящаго суда-

производства во Франціи. Версаль. Севрская фарфоровая фабрика. Гулянье въ Лоншанъ. Испытаніе въ институтъ глухонемыхъ. Картинная галлерей въ пользу Грековъ. Балетъ: Вулкановы свѣти. Романы Наполеоновскаго гренадера въ Елисейскихъ поляхъ.....138.

ЛОНДОНЪ, 1826 года Іюль....

Англійскій таможенный уставъ. Устройство длинжансовъ и дорогъ. Видъ Лондона. Прогулка по Лондону. Пространство его и населенность. Два противоположныхъ начала въ государственномъ управленіи. Монополія помѣщиковъ. Тщеславие и скупость богачей. Страсть Англичанъ выказывать себя чудаками. Направленіе просвѣщенія въ Англіи. Успѣхи въ механическихъ художествахъ. Моды Англійскихъ дамъ, дѣвицъ и мушницъ. Опрятность въ платьѣ, въ содержаніи домовъ и улицъ.....155.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНА.

Соборъ Св. Павла. Концерты въ соборѣ. Вестминстерское аббатство. Плата въ церквахъ за мѣста. Крѣпость Тауэръ; кровавая башня; Jewel office. Доки для кораблей. Колонна въ память пожара 1666 года. Памятники Ватерлоской победы. Воксалъ. Военные госпитали въ Гринвичъ и Чельси.....172.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОРОЖНОЙ КНИЖКИ.

Англійскіе Цыгане. Брюссель. Ахенъ: дворецъ Карла Великаго; соборная Минстерская церковь; принадлежности Германской имперіи; святыни. Минеральные источники. Причины упадка Ахена. Кёльнъ: причины упадка его промышленности. Соборная церковь; мощи трехъ волхвовъ; распятіе Апостола Петра, картина Рубенса. Взглядъ на Рейнъ. Кобленцъ. Майнцъ. Франкфуртъ. Люценское поле; воспоминаніе о сраженіи съ Французами въ 1813 году. Лейпцигъ; воспоминаніе о знаменитой битвѣ 4, 6 и 7 Октября 1813 года.....181.

ДРЕЗДЕНЬ, 31 Юля.
12 Августа.

Видъ Дрездена. Внутренность города. Церкви. Палата королевскихъ сокровищъ. Палата Японская; Китайскіе и Дрезденскіе фарфоры. Картинная галлерей 209.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА... 218.

БАСТАЙ, *Августа*..... 221.

ДРЕЗДЕНЬ, *Августа*....

Брюлевъ бельведеръ или терраса. Мадная Голгофа на мосту
Памятникъ генералу Моро..... 228.

БЕРЛИНЪ, 1826 года, *Августа*.....

Части города. Разряды жителей. Королевскій замокъ. Липовая улица. Бранденбургскія ворота. Публичные памятники. Площадь и улица Императора Александра. Учрежденія для призванія бѣдныхъ. Благотворительныя общества Еврейскія. Академія наукъ. Академія художествъ. Университетъ и прочія учебныя заведенія. Шарлоттенбургъ: храмъ и мавзолей надъ гробомъ Королевы Луизы. Готическій памятникъ народу и войскамъ на Крейцбергъ. Рыбачій праздникъ въ Стралау. 232.

БРЕСЛАВЛЬ, 20 Августа.
1 Сентября. 247.

КРАКОВЪ..... 249.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сравнительное обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи съ состояніемъ его въ прочихъ государствахъ Европы..... 251.

ПАРИЖЪ, 1825—1826 года....

Шаткость религии Французовъ. Дѣйствіе Іезуитовъ во Франціи.
Пятидесятилѣтній юбилей. Каноизація короля Людовика XVI.
Мятежъ въ Парижѣ, по поводу лишенія духовенствомъ почести отпѣванія и погребенія актера Филиппа. Вліяніе Іезуитовъ
на публичное воспитаніе.

Съ высотъ горы Юры послѣдній поклонъ красотамъ Альпійской природы и первое привѣтствіе Франціи, — спранъ, недавно могущественной и спрашной, нынѣ смирившейся, но все еще обладающей средствами господствовать надъ Европою. Она господствуетъ не силою оружія, сокрушенныхъ вмѣстѣ съ триумфами Наполеона, — не дипломатіею, перемѣнившюю свой повелительный тонъ, и даже не вліяніемъ просвѣщенія и образованности, а просто всеобщностію своего языка, изобрѣшательностію своихъ.

Часть IV. 1

модъ, нарядами и безчисленными игрушками, сдѣлавшимися первою потребностію всего прекраснаго пола Европейскихъ обществъ. Семиспоклъ говаривалъ въ шутку о своемъ сынѣ младенцѣ: „Мой сынъ командуетъ моею женою, моя жена мною, я Аеинами, Аеины всѣми народами; слѣдовательно мой сынъ естъ повелитель всѣхъ народовъ.“ Не поже ли можно сказать и не шутя о Франціи? Она опукала своими цвѣточными цѣпями весь прекрасный полъ Европы; а прекрасному полу покорснваетъ все: и сила и мужество, и ученость и промышленность, и Цинизмъ и Платонизмъ.

Нѣтъ нужды описывать Доль, Дижонъ, Труа и другіе мелкіе города и мѣстечки, черезъ которыя пролегаетъ дорога Женевская въ Парижъ. Они должны быть извѣсны всѣмъ, такъ называемымъ, особамъ благовоспитаннымъ. Благодареніе гувернерамъ и гувернанткамъ, управляющимъ системою нашего домашняго воспитанія, — географія и исторія Франціи въ нашихъ дѣтскихъ урокахъ очень часто предшествоуютъ Русской

азбукъ и знаніе ихъ почитается болѣе нужнымъ, нежели знаніе закона Божія.

И такъ, если угодно, я поведу любопытныхъ прямо въ *Парижъ*. Онъ намъ менѣе извѣстенъ, нежели сколько мы воображаемъ; нѣтъ уже того Парижа, который мы знали за десять лѣтъ, за пять лѣтъ и даже за годъ; самое усиленное вниманіе не можетъ слѣдовать за всѣми его измѣненіями. Съ того времени, какъ въ немъ посажено было древо вольности и пролилась кровь вѣнценоснаго государя, надъ этимъ городомъ прогремѣлъ судъ небесный: „Буди прясыйся;“ — и онъ трясется и въ религіи и въ правленіи и въ нравахъ. Его скрижали блестятъ и разсыпаются, какъ метеоры; его правила являются и исчезаютъ, какъ Кипайскія пѣни.

Начнемъ съ *Религіи*. Приготовленное грубымъ суевѣріемъ и деспотизмомъ духовенства, безвѣріе Якобинцевъ въ дни терроризма съ яростію устремилось на всѣ святыни. 3 аббатства и 63 монастыря мужскихъ, 13 аббатствъ и 70 обителей женскихъ, 80 каплицъ и до 60 приходскихъ

церквей въ одномъ только Парижѣ были разрушены или проданы съ публичнаго торга.

Пустота и мракъ, раскрытые безбожіемъ, привели какъ бы въ изумленіе самихъ невѣрующихъ; они поспѣшили наполнить духовную область существами аллегорическими; посвятили олтари олицетвореннымъ идеямъ вольности, войны, славы и многимъ другимъ. Такимъ образомъ приведено было въ дѣйство изрѣченіе главы ихъ Вольтера: „Если бы не было Бога, надлежало бы изобрѣсти его.“

Опьяненная чадою революціи, Директорія, приходя въ память, нашла нужнымъ прежде всего обнародовать, что она признаетъ бытіе Бога. Это объявленіе, начертанное на фронтонахъ нѣкоторыхъ церквей, оспаривается доселѣ неизглаженнымъ (въ 1825 году); да сохранитъ его время на вѣки, въ урокъ потомству, какъ слѣпа мудрость человѣческая, оспавленная собственнымъ своимъ силами.

Не извѣстно, по внутреннему ли убѣжденію или по однимъ расчетамъ полишники,

Наполеонъ возстановилъ храмы и богослуженіе католическое; но система умѣренности, принятая имъ въ дѣлахъ религіи, согласовалась съ духомъ вѣка и народа. Она примирила враждующія спороны либераловъ и фанатиковъ, оградила совѣсть народа отъ ихъ посягательствъ и обезпечила внутреннюю тишину государства почти во все продолженіе имперіи.

Бурбоны принесли съ собою вѣру опцевъ своихъ, числную Римскую или папешскую, и поручили завѣдываніе духовными дѣлами и публичнымъ воспитаніемъ ордену Іезуитовъ, еще не утвержденному никакимъ постановленіемъ государственнымъ, но уже успѣвшему распространиться во всѣхъ краяхъ государства и върастать во всѣ отрасли правленія.

Тонкіе и хитрые въ пѣсномъ кругу дѣлшій, въ сношеніяхъ съ лицами частными и семействами, — Іезуиты показали себя самыми грубыми полишниками въ дѣлахъ общественныхъ. Схоласпическая, всегда одинакая и съ XVI вѣка ни на шагъ не подвинувшаяся впередъ, метода ихъ воспитанія сбила ихъ

съ полку. Спавя успавъ своего учредителя выше всего, они не дозволяють себѣ никакихъ опъ него опспуленій, пребуемыхъ временемъ и обспояпельспвами.

Первымъ опытомъ вмѣшательства ихъ въ управленіе были духовныя *мисси*, принятыя ими внутри Франціи. Мисси, которыя доселѣ опсправляемы были въ Америку и на востокъ для обращенія невѣрныхъ, однимъ значеніемъ своимъ изумили Французовъ. Принявъ на себя роль Апостоловъ, Іезуиты, по прибытіи въ какой либо городъ, учреждали въ немъ духовныя процессіи, провозглашали на площадяхъ напыщенные рѣчи о обращеніи въ нѣдра Апостольской Римской церкви и спавили на площади или на моспу, въ знакъ своего пріумфа, желѣзный позлащенный крестъ, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа ихъ проповѣди. Такимъ образомъ они переходили изъ города въ городъ; число новообращенныхъ мало помалу увеличивалось; къ нимъ приспавали простолудины, женщины и спарики, — всѣ ни холодные ни теплые къ вѣрѣ, но имѣвшіе

нужду въ новизнѣ догматовъ для успокоенія своей совѣсти.

Ободренные успѣхами въ провинціяхъ, Іезуиты перенесли свои дѣйствія въ столицу. Намѣреніе правительсва къ распросраненію эсихъ миссій нимало не предосудительно; оно видѣло, что къ успокоенію страны, волнуемой легкомысліемъ, своеволіемъ и ложными умствованиями, не оставалось другаго средства, кромѣ возстановленія религіи; къ сожалѣнію, избранные имъ дѣлатели не соотвѣщствовали его высокимъ видамъ. Сначала въ самомъ Парижѣ Іезуиты были приняты не холодно; но когда, проповѣдуя нищету, они спали открыто наполняя свои сокровищницы; когда, уча смиренію, сами начали захватывать бразды правленія и когда въ издаваемыхъ ими книжкахъ спали выставлять себя Боговидцами; тогда многіе и изъ послѣдователей ихъ замѣтили, что пастыри ихъ носятъ личину.

Судя по наружнымъ знакамъ набожности, можно подумать, что нигдѣ въ Католической Европѣ послѣ Рима нѣтъ другого города свѣтлѣе Парижа, и особенно въ настоящее время, въ продолженіе празднованія *пятидесятилѣтняго юбилея*. На колокольныхъ почти ежедневно праздничный звонъ; на улицахъ крестные ходы; на площадяхъ, занимаемыхъ обыкновенно шарлатанами, раскинуты шатры или подвижныя каплицы, обитыя коврами и бархатомъ для встрѣчи процессій. Процессію составляютъ разные чины духовенства съ хоругвями и крестами, миссіонеры, каноники, викарные епископы и архіепископъ, несущій подъ балдахиномъ Святые дары. За ними слѣдуютъ Король съ принцами и принцессами, по извѣстной ихъ набожности, — придворные чины и около 150 ремесленниковъ и женщинъ. Въ одной изъ такихъ процессій обратила на себя вниманіе молодая пригожая дама, въ прекрасной шляпкѣ, въ модномъ плащѣ, въ богатой шали и, вѣроятно для смиренія плоти,

съ босыми ногами. Ее сопровождали два гайдука въ блестящей ливреѣ. Опъ наблюдательнаго взора Парижанъ не укрылось, что смиренница дама имѣетъ прекрасныя маленькія ножки.

По случаю юбилея, обнародованы папскія буллы, дарующія всепрощеніе грѣховъ за самыя малыя пожертвованія, за участіе въ нѣсколькихъ процессіяхъ и прочтеніе нѣсколько разъ *Pater noster* и *Ave Maria*; но быстро распространяющійся іезуитизмъ сдѣлалъ всѣхъ столько недовѣрчивыми, что они смотрявъ на самыхъ ревностныхъ католиковъ, какъ на фарисеевъ. Недавно во всѣхъ магазинахъ, въ которыхъ продаются эстампы, появились литографированныя изображенія духовной процессіи; всѣ участвующія въ ней лица представлены съ разнунными ршми и въ самыхъ изуродованныхъ, карикатурныхъ положеніяхъ. Вотъ общій отголосокъ о крушыхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Іезуитами для обращенія Французовъ въ нѣдра Апостольской церкви.

Не удивительно, что, при такомъ расположеніи духа шакъ холодно былъ принять

священнѣйшій обрядъ канонизаціи или со-
причисленія къ лику святыхъ принявшаго
мученическій вѣнецъ, короля Людовика XVI.
На помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ подъ
сѣкирою и гдѣ Благословенный Александръ
въ 1814 году съ союзными монархами и
войсками приносилъ благодарственные мо-
литвы Богу силъ, благословившему его ору-
жіе,—тамъ въ послѣдствіи (*) приносилась
очистишельная жертва, въ присутствіи
короля, государственныхъ сановниковъ,
войска и всего Парижа. Я не знаю, гдѣ у-
крывались и какую бурю мученій испытыва-
ли въ это время пережившіе свой позоръ,
виновники королевской смерти; но Францу-
зы новаго поколѣнія смотрѣли на это шор-
жесство, какъ на обрядъ для нихъ чуждый;
они не слушали молитвъ, не преклоняли ко-
лѣнъ и оставались съ покрытою головою,
какъ будтобы кровь вѣнчаннаго мученика
не пала на ихъ опщевъ и на нихъ самихъ.

Иезуиты употребляютъ всѣ усилія къ
возстановленію духовнаго управленія сред-
нихъ вѣковъ. Многіе декреты и буллы пап-

(*) Въ Мав 1826 года.

скія приводяпся въ исполненіе епископами южныхъ епархій мимо министерства и палаты, которыя однѣ только имѣютъ право по закону давати разрѣшеніе на ихъ обнародованіе. Многія древнія постановленія каноническія, по несообразности ихъ съ духомъ нынѣшняго времени давно уже опричужденныя и забытыя, снова получаютъ свой ходъ и силу. Одно изъ такихъ постановленій лишало умирающихъ актеровъ и актрисъ почести опѣванія ихъ по чину церковному и погребенія на общемъ католическомъ кладбищѣ. Упрямство и наспойчивость духовенства въ возстановленіи этого правила дали поводъ въ прошедшемъ году къ большому безпокойству и волненіямъ въ столицѣ, по случаю смерти актера Филиппа изъ Труппы Гимназіи Драматической. Лишь только распространилось извѣстіе объ отреченіи священниковъ совершить надъ нимъ погребальныя молитвы, около 100,000 человекъ двинулись съ гробомъ его сперва къ этимъ священнослужителямъ, потомъ въ Тюльерійскій дворецъ къ королю, отъ короля къ министру духовныхъ дѣлъ,

Гермополипскому архіепископу; и, не получивъ ни отъ кого удовлетворенія, рѣшились прибѣгнуть къ самоуправству. Они вторглись силою въ церковь, пробыли въ ней нѣсколько времени съ тѣломъ покойника и потомъ опнесли его на общее кладбище, призывая въ молитвахъ и рѣчахъ своихъ Судію Всевышняго разсудить ихъ прю и поручая его благости душу усопшаго.

При полипикѣ болѣе оспорожной и мѣрахъ менѣе крупныхъ, можно было бы, кажется, дать совершенно другое направленіе этому народу, еще не совсѣмъ подавившему, въ себѣ чувства религіи: но Іезуиты, подобно неперпѣливымъ врачамъ, хопящъ лечить слабыхъ больныхъ сильными, опчаянными средствами; они не гнушъ, а ломающъ Францію.

Вліяніе Іезуитовъ на публичное воспитаніе юношества также съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливается. Почти всѣ учебныя заведенія, среднія и высшія, уже состоятъ теперь подъ вѣденіемъ паперовъ и управляющіе или членами ихъ общества или ихъ агентами. Почти всѣ мѣста учи-

шелей и профессоровъ, соединенныя съ хорошими окладами, перешли въ ихъ руки. Многие изъ прежнихъ наславниковъ, не смотря на ихъ преданность правительству и даже на религіозныя правила, удалены отъ ихъ должностей подъ тѣмъ только предлогомъ, что они не исполняли церковныхъ обязанностей въ определенное время и въ определенномъ мѣсцѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Шаткость правленія Французовъ. Партія демократическая и аристократическая. Безпокойства въ Парижѣ, по поводу разсужденій въ палатахъ о законѣ наследства. Судъ надъ издателемъ газеты Constitutionnel; торжество оратора Дюпена.

Теперь обратимся къ *Правленію*. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ внутреннихъ пере-

воротовъ, Французы переѣздили болѣе десяти образовъ правленія и ни однимъ не удовольствовались. Подобно Лафонтеневымъ искаателямъ форшуну, они рыскали по всему древнему и новому міру, по всѣмъ обласнямъ демократическимъ, директоріальнымъ, консульскимъ, имперскимъ и конспитуціоннымъ; вездѣ искали и спрашивали благоденствія народнаго и доселѣ еще не образумились и не поняли, что истинное благоденствіе находишься только тамъ, гдѣ есть порядокъ, подчиненность и чиновначаліе. Французы знаютъ, что пѣло государственное не можетъ существовать безъ головы, но они въ политическомъ умозспуленіи своемъ воображаютъ, что и ноги способны быть головою. Опъ того все у нихъ идетъ и должно итти вверхъ ногами. Народъ не размышляющій и безразсудный, преслѣдуя одни злоупотребленія въ правленіи, влечетъ за ними тысячу другихъ и, ища Ангеловъ между людьми, самъ первый уподобляется кровавадному звѣрю.

Въ нынѣшнемъ конспитуціонномъ правленіи борятся между собою двѣ партіи:

демократическая и аристократическая. Первую составляют чернь и средній классъ народа; послѣднюю всѣ члены древнихъ возстановленныхъ фамилій, эмигранты, почешное духовенство и Іезуиты. Папронами демократовъ почитаются оппозиціонные ораторы Палапы депутатовъ; прежде генераль Фуа, прозванный Французскимъ Димосеемъ, нынѣ Бенжаменъ Констанъ, Себастіанъ и нѣсколько другихъ. Главою аристократовъ можно назвать графа Виллеля, перваго королевскаго министра. Примѣрно, что перевѣсъ блистательныхъ талантовъ почти всегда остается на сторонѣ оппозиціонной; однако нельзя отрицать чести и у графа Виллеля, одареннаго умомъ оборотливымъ, характеромъ твердымъ и словомъ лаконическимъ. Сколько разъ шумныя рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ разбивались о его холодную и вѣрную силлогистику, какъ волны о скалу, спящую среди моря!

Въ этой общей свалкѣ трудно отличить справедливость. Генераль Фуа въ одной рѣчи своей произнесъ слѣдующія достойныя слова: „Celui qui demande plus

„que la charte, moins que la charte, autrement
„que la charte, celui manque à son serment.“
то есть: „Кто домогается большего; нежели
сколько даетъ харшїя,—меньшого, нежели
сколько дозволяетъ харшїя, и не шакъ, какъ
предписывается въ харшїи; тогдѣ нарушаетъ
свою присягу.“ По смыслу сего изреченїя всѣ
харшїи подлежатъ осужденію въ пресшупле-
ніи данной ими присяги; потому что каж-
дая изъ нихъ присвоиваетъ себѣ болѣе, и
оставляетъ другимъ менѣе, нежели сколько
дано имъ харшїею,—эпою консшипшүціонною
харшїею, кошпоруо онѣ привыкли называть
своимъ палладіумомъ.

Аристокрашическая споррна есть самая
предпрїимчивая, но безуспѣшная; она только
предполагаетъ, а народъ рѣшаетъ; и почти
всякое предпрїяніе первой обращается въ
тріумфъ оппозиціи или народа.

Недавно именемъ короля предложенъ былъ
на разсмотрѣніе Палаты представишелей за-
конъ о предосшавленіи права наслѣдсшва въ се-
мейсшвахъ однимъ только старшимъ дѣшямъ.
Цѣлю эшого закона было распресшраненіе и

усиленіе высшаго дворянства, какъ главной опоры монархическаго правленія; но эту цѣль поняли. Тысячи адресовъ прошивъ предложеннаго закона присланы были изъ департаментовъ въ Палату представителей; и когда дѣло перешло въ Палату перовъ и назначенъ былъ день для его рѣшенія; то Люксембургскій дворецъ осажденъ былъ 50 тысячами народа. Испуганные перы принуждены были уступить желаніямъ демократовъ; они не утвердили закона—и торжествующая чернь въ обыкновенномъ своемъ припонѣ, въ кварталѣ Сентъ-Дениса, праздновала въ шопъ же вечеръ свою побѣду общою иллюминаціею и жаркою спычкою съ эскадронами жандармовъ, покушавшихся разогнать толпы ея.

Въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ (1825 года) главный прокуроръ королевскій представилъ Палатѣ юстиціи (Palais de Justice) обвиненіе на издавеля газетны Constitutionnel въ его посягательствѣ на религію, на правительство, на нравственность. Важность этихъ пунктовъ, подвергающихъ виновнаго суду уголовному, привлекла вниманіе

обѣихъ партій: аристократической и демократической; первая приготавливала себя къ торжеству, послѣдняя къ оборонѣ. Защитникомъ подсудимаго избранъ былъ извѣстный адвокатъ Дюпенъ спаршій. Дюпенъ далъ дѣлу оборотъ совсѣмъ неожиданный; вмѣсто того, чтобы выдерживать нападеніе, онъ самъ повелъ атаку на нападающихъ, сильно и убѣдительно доказывая, что издатель упомянутой газеты восставалъ не противъ религіи, а на Іезуитовъ, не противъ правилъ, а на вмѣшательство паперовъ въ правленіе, не противъ нравственности, а на новыхъ шарлюфовъ, расплывающихъ нравы своимъ фарисействомъ. Дюпенъ говорилъ около трехъ часовъ почти безъ отдыха; рѣчь его исполнена была сильныхъ движеній и колесней; онъ попеременно возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ и общій смѣхъ и негодованіе. По окончаніи рѣчи, присяжные судьи объявили издателя газеты оправданнымъ по всѣмъ тремъ пунктамъ. Сію пысьть народа, ожидавшіе съ нетерпѣніемъ развязки, понесли на рукахъ торжествующаго оратора въ его квартиру съ безпрерыв-

ными, изступленными восклицаніями: „Vive Dupin! A bas les Jesuites!“

Можно сказать, что и Иезуиты, какъ бы предчувствуя свою недолговѣчность, спѣшашъ жить и пользоваться выгодами жизни. Почти всѣ богатые приходы и почтеннѣйшія мѣста въ училищахъ заняты членами ихъ ордена; по однимъ духовнымъ завѣщаніямъ отъ спариковъ и женщинъ уже приобрѣтено ими, мимо законныхъ наследниковъ, болѣе милліона наличнаго капитала.

Таинственность, какою они покрываютъ себя, почти непроницаема. Доселѣ неизвѣстны еще ни мѣстопребываніе, ни состояніе ихъ генерала. Прежде приписывали это званіе архіепископу Гермополитскому; нынѣ, когда онъ торжественно опровергнулъ сіе показаніе въ рѣчи, произнесенной имъ въ Палатѣ перовъ, подозрѣнія пали на графа Виллеля, но безъ основанія и, можетъ быть, единственно только по общему нерасположенію къ нему народа.

Во всякомъ случаѣ, при господствующемъ нынѣ духѣ во Франціи, правительству, кажется, оспаривается одно изъ двухъ: или ошибка

*

запѣся опѣ покровительсва Іезуитамъ,
или приготоуиѣся къ самымъ неприѣпнымъ
слѣдствіямъ.

НРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ опношеніи нравовъ и нравспвенно-
спи Французовъ мы оспаемся въ такомъ же
заблужденіи, въ какомъ Французы относи-
шельно нашей образованности. Они съ дѣш-
скимъ простодушіемъ повтораюпѣ сказку,
что Россія еще доселѣ погружена въ грубое
невѣжесство; мы опѣ добраго сердца вѣримъ,
что Французы сполько же вѣжливы и лю-
безны, какъ бывали прежде; короче сказашъ:
мы думаемъ взаимно думами прошедшаго спо-
лѣшя, не размышляя, что оно опдѣлено

опшъ насъ цѣлымъ рядомъ эпохъ, поглотившихъ династїи и замѣнившихъ весь образъ Европы.

Вѣжливостъ Французовъ прошедшаго вѣка была опблескомъ двора прежнихъ королей, славившагося утонченностїю вкуса и обращенїемъ. Но когда двора не стало и неистовая чернь присвоила себѣ права самодержавїя; съ того времени свойственныя ей грубостъ, невѣжество и суровостъ бросили тѣнь свою и на прочїя сословія. Было даже время, что вѣжливостъ, признакъ хорошаго воспитанїя, почиалась какъ бы личнымъ оскорбленїемъ величества черни, *lèse-majesté du peuple*.

Наполеонъ хотѣлъ дать другое направленїе правамъ народнымъ, одичавшимъ въ продолженїе владычества терроризма. Онъ старался внушить Французамъ какое-то фантастическое понятїе о личной и національной чести; и хвастовство, обыкновенная болѣзнь душъ мѣлкихъ, едѣвалось общимъ недугомъ Французовъ; и мародеръ и поденьщикъ начали швердить о чести, которой они не имѣли. Въ журналахъ непрерывно

спали повпорятыся напыщенные звуки: „Великой народъ! Великая нація!“ — На шапръ, въ роли какого нибудь сержанша, акшеръ, принимая положеніе Кесаря, произноситъ надменно: „Je suis François!“ И самъ Димосеенъ Франціи, генераль Фуа, мужъ съ великими талантами, кричалъ въ припадкахъ своего фантасмическаго патріотизма: „Раздастся эхо по землѣ и скажешъ попомощву, кто были Французы!“ — Точно тоже дѣлають и профессоры на кафедрахъ и художники въ своихъ произведеніяхъ; всѣ льстятъ великой черни, попому что на этой лести основана и слава ихъ и благоденствіе и сущест্বованіе.

Почти всѣ путешественники, посѣщавшіе Парижъ, обвиняють гражданъ его въ приспрасіи къ празднои и разсѣянной жизни, къ щегольству и распочительности, къ удовольствіямъ и забавамъ. Какъ споришь противъ толкаго числа свидѣтелей, находи почти на каждомъ шагу подтвержденіе ихъ показаній,—встрѣчая въ продолженіе цѣлаго дня на всѣхъ площадяхъ, набережныхъ и бульварахъ толпы зѣвакъ, дви-

жущихся безъ плана и оспанавливающихся безъ цѣли, а передъ наступленіемъ вечера цѣлыя колонны, осаждающія входъ театровъ, публичныхъ гуляній, переходовъ (passages) и кофейныхъ домовъ. Но принимая на себя роль наблюдателей, не будемъ дѣлать заключеній по одному глазомѣру. Всмотримся ближе въ эти лица съ разинушими ртами, вслушаемся въ звуки ихъ языка; и тогда, въ крайнему нашему удивленію, откроемъ между ними путь Англичанъ и другихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ сюда для мнимаго успройства и сбереженія своей экономіи, и столько же или еще болѣе иногородцевъ, прибывшихъ въ столицу для коммерческихъ оборотовъ и, какъ водится вездѣ, мѣшающихъ дѣло съ бездѣльемъ. Теперь обойдемъ сады, пассажи, кофейные дома и партеры театровъ; и здѣсь встрѣшимъ тѣхъ же иностранцевъ и иногородцевъ, коихъ среднимъ числомъ ежедневно прибываетъ въ Парижъ до 30,000. Если бы и можно было прибавить къ нимъ 10,000 изъ числа посидящихъ жителей столицы, убивающихъ время по склонности или по обстоятельству,

въ ожиданіи мѣста по службѣ или работы по подряду; то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы сдѣлать по нимъ заключенія о цѣломъ милліонѣ народонаселенія Парижскаго.

Парижъ почищается столицей модъ; но моды соспавляютъ не столько спросъ, сколько особенную опрасъ промышленности его жителей. Граждане и гражданки обыкновенно одѣваются просто и скромно, заботясь болѣе о приличіяхъ и вкусѣ, нежели о новизнѣ и пышности одежды. Кто же эти первенствующіе жрецы и жрицы вѣздъ поклоняемаго идола моды? Это праздношатающіеся непимекры, большею частію иноземные, и праздно-распochaющія красочу свою нимфы Пале-рояля, оперныхъ переходовъ и Италіянскаго бульвара. Послѣднія сущъ живыя вывѣски модныхъ плащевъ, шляпокъ и чепчиковъ; не онѣ одѣваются по моднымъ журналамъ, а модные журналы пользуют ихъ напурою для своихъ карпинокъ. Такимъ образомъ, раскрашенные блондами и лентами ихъ поршрешы развозятся по всей Европѣ и, — совѣстно, но надобно признахся, служашъ образцами вкуса и приличій не поль-

ко честнымъ женщинамъ, но и невиннымъ дѣвицамъ.

Почти всѣ путешественники выѣзжаютъ изъ Парижа съ мнѣніемъ о немъ, какъ о развратнѣйшемъ городѣ въ цѣлой Европѣ и о женщинахъ его, какъ о кокеткахъ первой степени. Эпопѣя пункта обвиненія такъ важна, что мы въ правѣ требовать отъ обвинителей болѣе ясныхъ и сильныхъ доказательствъ, нежели одно ихъ мнѣніе. Справедливо, что въ Парижѣ вездѣ опворены пуши разврату; однихъ женщинъ, обреченныхъ распутству и состоящихъ подъ вѣдѣніемъ полиціи, считается нынѣ около 30,000; число чрезвычайное, ужасное! Но открытый, обнаженный и заклеянный порокъ, поселяющій опвращеніе къ себѣ собственною своею фizioномією, самъ собою теряетъ силу и вліяніе на нравственность семейственную. Отъ него стараются оградить себя каждая женщина, сколько нибудь добросовѣстная; и если не по чувству чести, то по чувству самолюбія, чтобы не быть смѣшанною съ опребіемъ своего пола, поспавляется въ необходимость держать

себя прилично и скромно. И вопшъ что дѣйствительно примѣтно въ Парижѣ въ настоящее время. Можетъ быть самый переломъ нравовъ, послѣдовавшій за революціею, возбуждающею о себѣ самыя ужасныя воспоминанія, много способствовалъ къ улучшенію нравственности здѣшнихъ женщинъ. Коротче сказать: Парижанки средняго класса и даже низшаго менѣе даютъ замѣтить свое кокетство, нежели Нѣмки, Италіянки, Испанки и многія другія. Сама камзель Марсъ для ролей кокетокъ уже не находитъ образцевъ въ настоящемъ обществѣ; и почти всегда невольно впадаетъ въ анахронизмъ, представляя женщинъ прошедшаго вѣка. Между самими служанками уже нѣтъ тѣхъ болтливыхъ, рѣзвыхъ и хитрыхъ, какихъ мы привыкли видѣть во Французской комедіи; нынѣшнія скромницы умѣютъ нескромныхъ мужчинъ держать въ почтительномъ разстояніи.

Я не пишу апологіи Парижанокъ, и зная свойственную имъ вѣтренность, и легкомысліе, не могу даже ручаться за продолжительность ихъ скромности, но представляю

ихъ шакъ, какъ онѣ мнѣ показались въ 1826 году.

Легкомысліе и вѣспренность сунъ наслѣд-
ственныя, завѣшныя и родовыя качества
Французовъ и Француженокъ; но если бы и
въ этомъ отношеніи надобно было найши
исключеніе изъ общаго положенія, то я не-
усумнился бы указать на низшій придвор-
ный шпашъ или на служителей дворца
Тюльерійскаго. Вотъ классъ Парижанъ, мо-
гущій служить образцемъ сепенности.
Они беззаботно пережили всѣ бури револю-
цій и всѣ династіи, ими поглощенные. Они
никогда не вмѣшивались и не вмѣшиваются
въ политику, выходящую изъ предѣловъ
дворца ихъ. Имъ нѣтъ дѣла ни до образа
правленія, ни до имени правителей; они убѣ-
ждены только въ одномъ, что дворецъ ихъ
есть гостинница, правители - гости, а сами
они хозяева, обязанные угощать и чество-
вать всѣхъ гостей, которыхъ угодно будетъ
націи пославить къ нимъ на постой. Сверхъ
того имъ извѣстно, что и консулъ и дик-
шаторъ и Императоръ и король имѣютъ
нужду въ пищѣ, пиньѣ и шеплѣ, и что - во

всемъ этому никакъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ ихъ прислуги; а потому служители придворные увѣрены, и не безъ основанія, что они только одни самыя необходимыя лица въ государствѣ, а слѣдовательно и самыя посполыныя на своемъ мѣстѣ. Правила придворнаго этикета соблюдаются ими съ строгою оппечливостію; на пр. они съ радушіемъ встрѣчали добраго ихъ короля Людовика XVIII, когда онъ возвратился въ Парижъ послѣ долгаго своего изгнанія; плакали, когда провожали его изъ дворца при побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы, и черезъ нѣсколько часовъ опять улыбались и изъясляли живѣйшую радость, привѣпспвуя самаго Наполеона съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ его пущешествія.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Ученныя общества; учебныя заведенія. Королевскій Луврскій музей; Люксембургская картинная галлерея. Давидъ, основатель новой Французской школы живописи; отличительныя свойства этой школы.

Парижъ волшебный городъ. Всѣхъ онъ къ себѣ привлекаетъ; его бранятъ и ненавидятъ и въ тоже время хопятъ взглянуть на него; взглянувши насмотрѣшься, узнаешь его ближе и имъ насладишься. Опъ чего такая борьба мнѣній и чувствованій? Опъ того, что Парижъ имѣетъ всѣ средства удовлетворять всѣмъ склонностямъ, прихотямъ причудамъ и вкусамъ. Въ одно и тоже время онъ доставляетъ и разсѣяность празднелюбцу и ошдыхъ прудолюбивому и заня-

шіе любознапельному. Однимъ словомъ: Парижъ естъ городъ познанія добра и зла. Набросимъ покрывало на его черныя спороны и посмотримъ на одну бѣлую.

Есть много сполницъ, которыя могутъ соперничеспевать въ просвѣщеніи съ Парижемъ: но ни одна не представляеть сполько удобствъ для любители наукъ, искусствъ и художествъ. Въ Лондонѣ, въ Германіи и въ Испаліи ученость и эспепическія наслажденія продаются на вѣсъ, по золотникамъ, и самою дорогою цѣною; въ Парижѣ почти все и всѣмъ дается даромъ и сполько, сколько душъ угодно. Одно исчисленіе здѣшнихъ музеевъ, библіотекъ и учебныхъ заведеній должно изумить наблюдателя. Вотъ списокъ главнѣйшимъ изъ нихъ: королевскій музей, Люксембургская каршинная галлерей, галлерей Палерояльская, библіотека королевская, Мазаринская, Сепш-Женевьевская, городская, медицинская и королевскаго бопаническаго сада, бопанической садъ, его музеи натуральной исторіи и консерваторія художествъ и ремеслъ. Всѣ они открыты для любопытныхъ во всякое время. *Ученныя обще-*

ства: королевскій институтъ, состоящій изъ четырехъ отдѣленій: математическаго, языка и литературы Французской, исторіи и литературы древней и новыхъ художествъ; астрономическое для измѣренія долготъ, королевское медицинское, Академія или общество поощренія художествъ, общество любителей древностей и многія другія. *Учебныя заведенія публичныя*: университетъ или академія Сорбонская, школа образцовая (normale) или педагогическая, семь королевскихъ коллегій, коллегія Французская и Британская, школа живыхъ восточныхъ языковъ, археологическій классъ въ королевской библіотекѣ, институты глухонемыхъ и слѣпыхъ. *Частныя школы*: политехническая, горная, построения мостовъ и шоссе, фармацевтическая, ветеринарная; для изящныхъ художествъ: школы живописи, ваянія, зодчества, классъ иконописанія съ натуры предметовъ натуральной исторіи, школы мозаического художества, гравированія на камняхъ, музыки и декламации; для еллинизма школы верховой ѣзды и плаванія; однимъ словомъ: все есть; чего хочешь, того про-

сше. Здѣсь не поспавляеиъ въ необходи-
мостъ, какъ въ другихъ спранахъ, доволь-
ствовашься нужнымъ; здѣсь можете, и по
часни ученой, имѣшь свои прихои и пре-
давашь роскоши наслажденій.

Ни времени, ни перпѣи не доспанешъ
входишь въ разсмопрѣнїе всѣхъ опраслей
учености и воспитанїа; бросимъ бѣглый
взглядъ на одни важнѣйшіа учрежденїа, имѣ-
ющїа болѣе дѣятельное влїанїе на общеспвен-
ную образованность сполїцы и народа.

Между ними первенство принадлежишь ко-
ролевскому *Луврскому музею*. Онъ заключаешъ
въ себѣ 736 спашуй, бюсповъ, гермесовъ,
барельефовъ, камней съ надписями и другихъ
древнихъ памяшниковъ, и 1,163 каршини
и болѣе 4,000 рисунковъ разныхъ школъ. Въ
1815 году, при повальномъ обыскѣ союзныхъ
войскъ, взято опсюда и возвращено въ Испа-
лію, Германїю и Авспрію все, что заграб-
лено было Наполеономъ; со всѣми шѣми въ
королевскомъ музеѣ оспаешь еще множе-
ство антиковъ и каршинъ шавихъ, копо-
ры ставяшь его на ряду съ первоклассными
музеями Италїанскими. Антики помѣщаюиъ

въ нижнемъ этажѣ стараго Луврскаго дворца: въ одной передней комнатѣ или сѣняхъ (vestibule), въ 18 залахъ и 4 аркадахъ, служащихъ входами въ залы.

Въ сѣняхъ достойна особеннаго примѣчанія колоссальная статуя, представляющая плѣнника изъ сѣверныхъ народовъ, которые въ Римѣ и Греціи извѣстны были подъ общимъ именемъ варваровъ. Костюмъ его, бывшій предметомъ многихъ ученыхъ разсужденій, не похожъ ни на Римскій, ни на Греческій, но имѣетъ разительное сходство съ одеждою Славянскою. Верхняя одежда его не есть Римская туника *colobium*, какъ полагали, а просто рубашка, открывшая съ верху до пояса; исподнее плаще не передникъ Греческихъ атлетовъ *zoma*, а порты; и обувь, называемая учеными *aluta laxior*, есть родъ бахилокъ (лапшей) съ оборками, которыя обвишы наперекрестъ вокругъ широкаго куска полотна или онучей. Полагаятъ, что этою плѣнникъ (вѣроятно Славянскій или Сарматскій князь изъ Дакии) украшалъ триумфъ кого либо изъ Римскихъ императоровъ претяго вѣка.

Часть IV.

3

Изъ прочихъ памятниковъ достопримѣ-
чательнѣйшіе суть: извѣстный борецъ или
Боргезскій *Гладиаторъ*, работы Эфесскаго
Агазія; нѣкоторыя статуи Римскихъ импера-
торовъ; *Гермесъ*, представляющій Алексан-
дра Великаго и почитаемый единственнымъ,
оставшимся отъ древности, подлиннымъ
портретнымъ изображеніемъ сего героя;
группа Центавровъ, древняя копія съ груп-
пы того же имени, найденной въ 1746 году въ
виллѣ Адріановой; *группа Тибра*, открытая
въ концѣ XV столѣтія вмѣстѣ съ Вапикан-
скою группою Нила подлѣ *via Lata*, гдѣ
былъ храмъ Изиды и Сераписа (онѣ служили
украшеніемъ двумъ источникамъ при входѣ
этого храма); колоссальная статуя Минервы
или *Веллепрійская Паллада*, найденная въ
1797 году въ мѣстечкѣ Веллепри, въ окрест-
ностяхъ Рима, между развалинами древней
Римской дачи; колоссальная статуя *Мельпо-
мены*, оставшаяся отъ украшеній театра
Помпеева; *Изида* изъ чернаго мрамора, въ
Греческомъ стилѣ и съ гіероглифическими
письменами (изъ Адріановой виллы); *Психея*,
преслѣдуемая Венерою; *Геркулесъ* и *Телефъ*,

колоссальная группа; *Панъ* изъ Греческаго мрамора съ тремя барельефами на пьедесталѣ, — представляющими судъ Париса, генія ночи въ одеждѣ Митры и генія ушра.

Изъ барельефовъ примѣчательнѣйшіе: *мщеніе Медеи*, въ четырехъ сценахъ со многими фигурами, — обрядъ жертвоприношенія свиньи, овцы и вола *suovetaurilia*, и *жертвогадатель* *agur*срх, единственный памятникъ, оставшійся въ этомъ родѣ отъ древности.

Картинная галлерей представляетъ прекрасный картинный проспектъ, простирающійся по набережной Сены отъ Лувра до дворца Тюльерійскаго и оканчивающійся колоннадою изъ 24 столбовъ разныхъ орденовъ. Она включаетъ въ себѣ многія драгоцѣнныя произведенія школъ Италіанской, Фламандской и Французской. Сперва поражаетъ васъ огромная картина *Павла Веронеза* (Веронскаго), представляющая бракъ въ Канѣ Галилейской; въ ней художникъ изобразилъ поршрепы всѣхъ знаменитѣйшихъ современниковъ, въ томъ числѣ императора Карла V и сестру его Еленору, короля

Французскаго Франциска I съ королевою, королеву Англійскую Марію, Солимана II, султана Турецкаго, и наконецъ себя самаго, играющаго на віолончели, Тинпоретта ему аккомпанирующаго на помѣже инструмен-тѣ и Тиціана, играющаго на басѣ. Далѣе останавливаетесь на разнообразныхъ произведеніяхъ Французовъ: *Ле Сюера, Лебрюна, Николая Пуссея*; и наконецъ улаждаете взоръ и душу изящными произведеніями *Доминикена, Гвертино, Гвида, Корреджіа, Альбана, брашневъ Каратти, Тиціана, Макель-Анджела и Рафаеля*. Въ числѣ картинъ Рафаелевыхъ находятся: извѣстный *Архангелъ Михаилъ*, поражающій демона; *сраженіе Святаго Георгія съ дракономъ*; пять святыихъ семействъ, изъ которыхъ лучшія: такъ называемая *La belle jardiniere* и *младенецъ Іисусъ*, подающій руки изъ колыбели и окруженный двумя ангелами, Предтечею младенцемъ и Св. Іосифомъ. Послѣдняя писана Рафаелемъ за два года до его смерти для Французскаго короля, Франциска I. Сверхъ сего пять портретовъ; въ одномъ изъ нихъ Іоанны Аррагонской, вице-королевы Сицилійской,

голова писана Рафаелемъ, а драпировка *Юлиемъ Романомъ*: двѣ кисти, рѣко одна отъ другой оплечающіяся. Изъ Фламандцевъ картины *Горданса*, *Брейгеля*, *Теньера* и *Павла Потера* хороши, какъ и вездѣ; но воздушныя аллегорическія творенія знаменитаго колориста *Рубенса*, не смотря на изысканство группировки и сценъ, такъ тяжелы, что невольно спянутъ къ землѣ и къ земнымъ помысламъ.

Люксембургская картинная галлерей, въ недавнемъ времени основанная, предназначена для храненія изысканныхъ произведеній живыхъ Французскихъ художниковъ. Она занимательна потому, что даетъ вѣрное понятіе о характерѣ Французской школы и самой націи.

Французская школа живописи раздѣляется на старинную и новую. Старинная, процвѣтавшая во времена Людовика XIV, носитъ на себѣ печать изысканности или многосложности въ изобрѣшеніи, которая часто дѣлаетъ ея произведенія сбивчивыми и шемными; новая начинается только съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка,

виѣспѣ съ *Давидомъ*, почитаемымъ ея главою.

Давидъ, ревностный поборникъ революціи, не имѣлъ ни религіи, ни опечества. Въ дни терроризма онъ участвовалъ въ разрушеніи Парижскихъ храмовъ—и святое вдохновеніе, которыми воодушевляли себя всѣ знаменитѣйшіе художники Испаніянскіе, никогда не посѣщало его. У него нѣтъ опечества, потому что всѣ прежніе подвиги, совершенные королями и при короляхъ, въ глазахъ его—преступленія. Его жизнь гражданская начинается только съ перваго революціоннаго пожара и оканчивается послѣднею кампаніею генерала Бонапарте въ Испаніи. И такъ Давиду, безпріютному сиротѣ политическому, ничего болѣе не оставалось, какъ искать убѣжища въ древнемъ, Греческомъ и Римскомъ, мірѣ. Ошпуда онъ заимствовалъ всѣ мысли для картинъ своихъ и во всѣхъ его картинахъ просвѣчиваетъ не душа чистая и свѣтлая, а духъ мятежный и суровый.

Остановимся передъ лучшими его произведеніями. Вотъ *Погребальный конвой дѣтей Брутовыхъ*, осужденныхъ на смерть самимъ

ощемъ ихъ; ликторы несутъ тѣло преступниковъ между колоннадою; Брутъ, сидя въ курульскихъ креслахъ, бросаетъ изъ подлобы суровый взглядъ; стоящая подлѣ креселъ сшануя Рима осѣняетъ его своею тѣнію: мысль — гениальная и высокан, но, къ сожалѣнію, истекаетъ изъ нечистаго источника; въ ней скрыты и непримиримая ненависть художника къ царямъ и безумная его преданность демократіи. Вотъ другая его картина: *Фермопилы*. Вся дружина Лакедемонская приходитъ въ движеніе, при появленіи Персовъ на вершинѣ горы; одни изъ воиновъ спѣшатъ одѣваться въ броню, другіе разводятъ на жертвенникѣ огонь: а на переднемъ планѣ сидитъ вождь Леонидъ, погруженный въ глубокое мечтаніе. Среди эпического мечтанія въ глазахъ его загорѣлась великая мысль: умереть на мѣстѣ битвы со всѣми храбрыми. Эта картина съ недавняго времени привлекаетъ на себя особенное вниманіе Парижанъ; потому что Тальма върио копируетъ главнаго ея героя въ одной изъ сценъ, представляемой имъ нынѣ съ блиста-

пелымъ торжествомъ,) новой прагедіи:
Леонидъ.

Третья картина Давидова *Сраженіе Сабиняно съ Римлянами* за похищеніе послѣдними дѣвъ Сабинскихъ. Это не ратное поле и не свалка враждебныхъ войскъ, а просто фехтовальное училище съ учениками, на первомъ планѣ копорого изображены вмѣсто вождей два фехтовальные мастера, выпадающіе одинъ противъ другаго по всѣмъ правиламъ своего искусства.

Четвертая картина, всѣмъ извѣстная, *клятва Гораціевъ*. Кто не восхищался ихъ величавыми головами, дышущими негодованіемъ? Но на своихъ ли пуловищахъ эти головы? Что значатъ эти при руки, вышянутыя какъ бы по шнуру, съ премя мечами, опущенными внизъ какъ бы по ватерпасу? И что значатъ эти ноги, раздвинутыя разъ въ разъ, какъ бы по командѣ? Нѣтъ, это не Римскіе граждане простыхъ патриархальныхъ временъ, а Гораціи Французскіе, театральные.

Въ Люксембургской галлерей дорого также цѣнятся картины *Жиродеповы*: сцена

изъ потопа, мятежъ въ Каирѣ, сонъ Эндимиона и похороны Ашшлы; извѣстнаго художника Гро Францискъ I и Карлъ V въ церкви Сентъ-Дениса; *Дроллинговъ* Орфей; *Резуалевъ* Карлъ V съ эшампскою Герцогинею, которой онъ дарилъ свое кольцо; *Горація Вернета* поражение Мамелюковъ при Каирѣ; нѣсколько картинъ Петра и Павлина *Геренсвѣ*, *Ришра*, *Кудера*, *Мейньера* и двѣицы *Леско* (Lescot); но, исключая Гро и Горація Вернета, всѣ прочія болѣе или менѣе подчинены одной манерѣ, стилю и духу.

Вообще въ произведеніяхъ новой Французской школы отражаются: 1) *анпикность*. Способъ учить рисованію по анпикамъ, есть самый точный и вѣрный; но для него въ художнической жизни долженъ быть опредѣленный періодъ. Полезно знать анапомію пѣла во всѣхъ ея подробностяхъ, но привязаться къ ней навсегда значить основать свою славу на скелетахъ; и отъ сего-то соблазна немногіе Французскіе художники умѣютъ предостерегать себя. По мнѣнію моему, анапомію пѣла можно сравнить съ аналитикою краснорѣчія, преподаваемою въ

решорикахъ. Аналитика приучаетъ умъ къ правильному, послѣдовательному и силлогистическому порядку мыслей; но горе тому оратору, который и на каедрѣ, передъ собраніемъ народнымъ, будетъ подчинять не періоды и силлогизмы своему воображенію и чувствамъ, а свое воображеніе и чувства періодамъ и силлогизмамъ.

2) *Театральность*. Французскіе художники, посѣщая театры, ловятъ всѣ граціозныя и величавыя положенія актрисъ и актеровъ. Отъ того такъ часто встрѣчаются въ ихъ произведеніяхъ или манеры Марсъ, Дюшенуа и Жоржъ или Тальма и, что того неслыханно, плечистый и мускулистый Лафонъ. Тальма сдѣлался идоломъ живописи; его вы встрѣтите даже и въ картинахъ церковныхъ. Въ церкви Сентъ-Дениса одна картина представляетъ гоненіе Нерона на Христіанъ; но на протѣ Римскомъ посаженъ Тальма, точно съ тою же фізіономіею, какую онъ беретъ въ роли сего императора въ трагедіи Британникъ, — съ тѣми же движеніями, прическою и драпировкою.

3) Французскіе художники, представляя высокое, почти всегда дѣлаются напыщенными; а изображая граціозное, почти всегда впадающъ въ манерное, копируемое ими съ балетныхъ позовъ Большой оперы. Это общій порокъ Французовъ; они думающъ, что высокое не можешь обойтися безъ подставки, а граціозное безъ прикрасъ. Надобно ожидать, не сдѣлаешь ли какого переворота нынѣшній профессоръ исторической живописи въ академіи художествъ г. *Гро*, который получилъ классическое воспитаніе въ Италіи и непрерывно твердишь ученикамъ своимъ о простотѣ.

4) Въ художественныхъ произведеніяхъ, заимствующихъ содержаніе изъ національной исторіи, у Французовъ очень часто выказывается хвастовство, и хвастовство нелѣпое, ребяческое. Изъ безчисленныхъ примѣровъ я укажу здѣсь только на одну новую картину, привлекающую нынѣ на выставкѣ толпы зѣвакъ. Сцена происходитъ въ Россіи зимою, во время бѣгства Французской арміи. Одинъ, отпавшій какимъ-то образомъ гренадеръ, въ гвардейскомъ мундирѣ

(а это было вѣроятно при 20 градусахъ мороза), настигнувъ былъ большимъ опрядомъ козаковъ. Не теряя нимаго присущаго духа, онъ прикрылъ свой аррьергардъ случившимся шупъ деревяннымъ заборомъ и положивъ ружье на прикладъ, спалъ гордо одинъ противъ тысячъ. Козаки начали вокругъ его маневрированъ и не смѣя напасть на него открыто, послали нѣсколько десятковъ пѣшихъ за заборъ, чшобы схватить или убить его, если можно въ располхъ. „А? Каковы наши гренадеры?“ сказалъ случившійся при этой каршинѣ одинъ знакомый мнѣ Французъ. — Да, опивчалъ я, эта каршина ни чѣмъ не уступитъ нашей лубочной, представляющей Французскихъ мародеровъ въ Русской крестьянской избѣ. Мародеры, присупивъ, какъ говорится, съ ножемъ въ горлу крестьянки, кричали, чшобы она подала все, чшо у ней есть. „Кормильцы мои!“ опивчала испуганная баба; „да у меня уже все взято вашею же брашнєю Французами; осталась только одна коза.“ „Козакъ!“ повшорили въ одинъ голосъ мародеры—и душа у нихъ ушла въ пашки и давай Богъ ноги.

„Ну, это сказка,“ возразилъ мнѣ Французъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я, истинная была, подтверждаемая даже вашимъ соотечественникомъ, графомъ Сегюромъ въ его исторіи кампаніи 1812 года. Прочтите по мѣсто, гдѣ онъ описываетъ тревогу, происшедшую однажды на ночлегъ старой гвардіи и оспанковъ арміи, во время побѣга ихъ изъ Россіи. Одинъ гвардеецъ, говоритъ онъ, идя по улицѣ мѣспечка, гдѣ былъ ночлегъ, закричалъ во все горло, назвавъ по имени своего поварища: *Гонзакъ*; другимъ послышалось: *козакъ*, и это страшное слово перелетало изъ устъ въ уста; въ одну минуту все пришло въ смяшеніе; ударили тревогу и солдаты, не смотря на голодъ, холодъ и усталость, бѣжали къ сборному мѣсту, спроились во фруншъ; самъ Наполеонъ выбѣжалъ опрометью изъ кварширы; и хотя вскорѣ узнана была истинная причина тревоги, однако солдаты, генералы и вождь долго еще не могли опомниться отъ испуга.

„Bon! bon! примолвилъ Французъ, улыбаясь; вы добрый папріонтъ.“

Къ сожалѣнію, подумалъ я, мы, при всемъ нашемъ патріотизмѣ, слишкомъ равнодушны къ славѣ нашихъ соотечественниковъ; и между тѣмъ какъ прочіе народы прибѣгаютъ даже къ вымысламъ, чѣмъ поддерживающъ общій духъ національнаго самолюбія, мы не заботимся о собираніи и обнародованіи истинныхъ анекдотовъ, которыми столь богата эпоха нашей отечественной войны. На пр. кому извѣстенъ оплечный, чрезвычайный подвигъ нашего шпабсъ-рошмистра *Цикляева*, отважившагося съ пятнадцатью только гусарами напасть на сильный конвой Французскій на берегу Западной Двины и принудившаго новымъ, холоднымъ оружіемъ, одними нагайками, сдать въ плѣнъ 220 Французовъ (*) и со всѣмъ ихъ обозомъ? Воспѣтъ ли эпосъ подвигъ нашими пѣвцами поэтами? Разсказанъ ли хотя однимъ журналистомъ? И по крайней мѣрѣ говорятъ ли о Цикляевѣ хотя въ гостининыхъ? Прой-

(*) Подробности маневровъ нашего героя въ этомъ дѣлѣ истинно по пѣтнческія и героическія, достойныя вниманія нашихъ художниковъ и писателей.

день еще нѣсколько времени—и мы сами, если время не сбережешь официальныхъ актовъ, будемъ считать эту чудесную быль за сказку.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛІЯ Острожскаго изданія.

Королевская библиотека находится въ улицѣ Ришельё, не далеко отъ Палероялл. Она заключаетъ въ себѣ 800,000 томовъ печатныхъ книгъ, 72,000 рукописей, 5000 гравюръ и одно изъ богатѣйшихъ собраній антиковъ и медалей. Первое основаніе ей предначертано еще въ XIII столѣтіи Святымъ Людовикомъ, положившимъ, подобно нашему В. К.

Ярославу, въ Святой каплицѣ (въ палатѣ юстиціи) для общаго употребленія Священное Писаніе и книги Святыхъ отцевъ.

Королевская библіотека замѣчательна не мѣстностію и числомъ книгъ, а блатороднымъ и полезнымъ ихъ назначеніемъ. Въ другихъ споліцахъ не охотно пускають въ публичныя библіотеки, чшобы не порпишь лакированныхъ половъ; не ходяшь въ шкапы, что бы не спирашь ихъ позолоты; не дають въ руки книгъ, чшобы не помяшь ихъ роскошныхъ переплетовъ; короче сказашъ, къ эшимъ библіотекамъ можно примѣнишь Русскую припчу: „Споишь человекъ въ водѣ по горло; хочешъ пить, а напишься не можешъ.“ Въ Королевской библіотекѣ совсѣмъ напрошивъ; зданіе ея снаружи похоже болѣе на шюрму, нежели на домъ; внутри полы вешіе, шкапы некрасивые, переплеты невзрачные: за то дѣспинца широкая и оплогая; входъ для публики открытъ два раза въ недѣлю, а для любителей чшенія ежедневно; къ услугамъ ихъ гошovy и кресла за длиннымъ споломъ и чернильница и бумага; прребованія удовлетворяюшся

безъ опговорокъ и безъ малѣйшаго замедленія. Услужливость библіошкарей въ этомъ отношеніи въ полномъ смыслѣ Французская.

Здѣсь не ломають головъ надъ составленіемъ систематическихъ каталоговъ, какъ водится у Нѣмцевъ; но и по старымъ схоластическимъ системамъ все опыскиваютъ съ удивительною скоростію. Я хотѣлъ однажды испытать библіошкаря на самомъ труднѣйшемъ для Француза пунктѣ, спросивъ у него Славянской библіи самаго стараго изданія.

„Мы имѣемъ библію перваго Острожскаго изданія,“ отвѣчалъ библіошкаръ и съ этимъ словомъ, пряся своими сѣдинами, полетѣлъ по лѣспницѣ подъ пополокъ, схватилъ огромную книгу и, спустясь шѣмъ же полетомъ, подалъ мнѣ ее съ видомъ удовольствія.

И вопъ передо мною: „Библіа сирѣчь „книгы вѣхкаго и новаго завѣша по языку „Словенску. 1581.“

Для сличенія съ библіями Острожскаго изданія, находящимися въ нашихъ библіотекахъ, я сдѣлалъ слѣдующія выписки.

Часть IV.

4

Зря сія знаменія кляжите славнаго,
Ихъ же съдръжнѣ домоу его отъ вѣка давнаго.
И разумѣй яко нестуне и не безъ причины,
О чемъ властнѣи и ширѣи новѣсть ты кто нѣмѣй,
Но яко достоинъ дѣлатель своея заплаты,
Не щадяще здравія пшисея утраты.
Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпослать полки,
И разгонялъ съ короны драпежныя волки.
И еще можетъ
Аще Бъ поможетъ.

Послѣ двухъ спрофъ гербъ Московскій
и на другой половинѣ воинъ на конѣ съ
подняпымъ мечемъ; далѣе слѣдующъ еще
три спрофы, вотъ первая:

Возсіяла звѣзда ясно отъ востока,
Послѣдуя провонъ възвѣщенной отъ пророка.
И приводитъ отъ пресиды трехъ царей съ дары,
Поклонитися съ вѣрою Царевнѣ надъ цары.
Твоя звѣзда нынѣ тому же послѣдуетъ Царевнѣ.
Хотя всѣхъ створити жителя раевн.
И убываетъ луна ветхаго завѣта,
Сіяетъ бо соизше непуступнаго свѣта.
Внемъ же ходи непоткнѣтся,
Но паче спасетъся.

Слѣдуетъ молишва на Греческомъ и Сла-
вянскомъ въ двухъ столбцахъ.

Θεε πατερ παντοκρατωρ, Боже Отче вседержи-
αλωγιε, αναρχε και παντο-лю. Превѣчный, безна-
δυναμε. чальный и всесильный.

Въ этой молитвѣ Князь Острожскій проситъ Бога исправить книгу своимъ благоволеніемъ и дѣйствомъ Пресвятаго Духа.

Потомъ обращеніе къ народу Русскому.

• „Вамъ же о Христѣ избраннымъ прежде
вѣкъ, по предувѣдомленію вѣчнаго Бога, въ
народѣ Русскомъ сыномъ церкви воспочина
и пр. Азъ Константинъ, нареченный во
святомъ крещеніи Василіе. Благодарію Бо-
жіею Княжа Острожское, воевода Кіевскіи
Мрашалокъ земли Волынское и прочая. Еже
вамъ нынѣ повсюду предлагаемое зрится,
книги обоего завѣща, глаголемыя Греческимъ
языкомъ Библіа, вся порядку напечатана, въ
Богоспасаемомъ и домоначальномъ градѣ мо-
емъ Острожѣ, въ земли Волынской. Вѣщо
отъ созданія міра, ~~здѣ~~, отъ воплощенія
же отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы вочело-
вѣченія Христа Спаса нашего, ~~дѣла~~ мѣсяца
Августа 11 дня.

*

Избъ предисловія.

Обаче ни дѣла зачати ниже дѣлашелей еже шворипи на сіе изобрѣшохомъ. Ибо и книгъ глаголемыхъ вивліа, възводъ сего дѣла начальшвомъ не имѣхомъ. Дабы нашему изволенію къ начальству сего съдѣнія въ всемъ была доволна. Но и въ всѣхъ справахъ роду нашего языка Словенскаго, ниже единая обрѣшеса свершена въ всѣхъ книгахъ вѣхъаго завѣта. Токмо опъ благочеспица, и въ православіи изрядно сіятельна Государя, и великаго Князя, Іоанна Васильевича Московскаго, и прочая. Богоизбраннымъ мужемъ, Михаиломъ Гарабурдою, писаремъ Великаго Княжества Липовскаго. Съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошеную, сподобихомся пріяши съвършеную библию. Зъ Греческа языка, седмьдесятъ и деѣма преводники, множае цяпи сошь лѣшъ на Словенскіи преведеную еще за великаго Владимира, вреспившаго землю Рускую.

Въ градъ крѣпокъ невозможно виши, развѣ врашы и въ дворъ овчій недостоишъ

входиши, поклоу дверьми. Такъ и всякъ хотяй вниши въ сей градъ Царя великаго, и въ дворъ овецъ Паспыря небснаго, Божественнаго писанія, подобаетъ входиши искусно съ пищаніемъ. Въземше ключъ совѣспи съ вѣрою, сквозъ двери, сего преславнаго възвѣщенія. Да явишя гражданинъ небсній. и овца знающа гласъ паспыря своего.

Инакоже входящихъ, вѣждъ како именуешъ писаніе.

Ибо училища николи же видѣхъ, но понеже людіе молчашъ, каменіе вопиши поудися.

Сія превосходная сказанія, и дво спрочное съгласіе, многогрѣшнымъ Герасимомъ Даниловичемъ съспавлено бѣ.

.....
Отъ блаженна бо корене благій прозлбе плодъ,

Тако бо благословися отъ Бога православный родъ.

Прежде бо Великій Владимиръ крещеніемъ просвѣтилъ,

Всю землю Рускую Богоразуменіемъ освѣтилъ.

И слава послы избранны да увѣдаютъ явъ,

Въ коел церкви уставы къ Божіей славу.

Зразумѣють достойны сихъ послѣдовати,
И на лѣта вѣчныхъ потомству подати.
Они яко искуспи пригѣжно внимали,
И Богоразумно увидѣвши пославшему дали.
Въсточныя церкви яко днѣви начало,
И дѣтвы Богоподобными изрядно сіяло.
Западныя же церкви яко начало ночи,
И поразумѣли древо по его овощи.
Нынѣ же Константинъ Острожское Княжа,
Егоже бѣ самъ избра яко вѣрна стража.
Праотцевъ своихъ изволенію православныя вѣры,
Внембоя показали Божественныя дары.
Нынѣ же преславно явился всемирная радость,
Всесвѣтлыхъ писаній неизглаголанная сладость.
Владимерь бо свои народокрещеніемъ просвѣтилъ,
Константинъ же Богоразуміа писаніемъ освѣтилъ.
Тогда многобожіе упразднися и идольскія лести,
Нынѣ же славится божество единой власти.
Ерославъ зиданіемъ церковнымъ Кіевъ и Черниговъ украси,
Константинъ же едину соборную церковь писаніемъ извыси.
Болше о семъ недоумѣю иже дръзаю писати,
Или бо о семъ множае могутъ и лучше сказати.
Паче же Польска кропика, и рускіи лѣтописецъ,
Свидѣтельствуютъ домъ сей яко побѣдоносецъ.
Являшеся преславно отъ начала даже и донынѣ,
Видимыхъ врагъ и невидимыхъ низлагать грядыиѣ.

„Всесильный и неизрѣченный Боже въ
трехъ сославехъ оупъ всея пшвари поклоняе-
мый и славимый. Ты еси всякая благоспи

начало и вина, поспѣшеніе же и совершеніе. Благоволилъ еси убо православному Князю въ умѣ сіе приати, да мнѣ многогрѣшному и зѣло недостойному повелишь божественное слово швое всѣмъ повсюду писишніемъ печатнымъ предложиши. Тѣмже убо азъ еще и недостойна, и шимѣніемъ грѣха одержима, свѣдый себе. Повинухся повеленію, надѣясь щедрошамъ швоимъ вѣргохся въ пучину неизслѣдимую божественнаго и всесвѣтлаго писанія швоего, купно съ споспѣшники и единомысленники моими. Якоже нынѣ швоимъ чловѣколюбіемъ въ приспанище съвершенія dospitгохомъ. Душа колѣна преклоняюще, и главами нашими въ землю ударяюще, съ слезами радости славимъ и превозносимъ швое шрисвятое и прехвальное имя, ошца и сына и святаго духа. Всѣмже повсюду православнымъ христіаномъ, господіемъ, братіи и другомъ, раболѣпно мешаніе до лица земнаго умилено съспворяю. Опъ усердіяже души прилежно молю, еще приключися нѣкое согрѣшеніе, прощайте; сами же сподобшеся опъ богато давца болшихъ духовныхъ дарованій, исправляйте. Вѣдуще,

яко господиъ винограду сего приѣмлетъ послѣдняго яко и перваго, и опъ единонадесяте часа дѣлавшаго, яко и пятому вседневному вара понесшаго.“

„Сущіяже богопріятныя и душеспасительныя книги вѣсхаго и новаго заѣша, напечаташася мною грѣшнымъ Іоанномъ Теодоровымъ сыномъ Змосквы, въ богохра-нимомъ градѣ Оспрозѣ влѣло опъ созданія міра 7089, опъ воплощенія же Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1581, мѣсяца Августа 12 дня.“

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Кабинетъ медалей и древностей. Хранящіе художествъ и ремеслъ. Публичныя лекціи Гейлюсака, Тенара, Андрю и Дюпона. Королевскій институтъ или Академія наукъ.

При королевской библіотекѣ находится богатый кабинетъ медалей и древностей, составившійся большею частію изъ кабинета графа Кейлюса, нѣвѣснаго анжикварія. Здѣсь можно видѣть скрижали или таблицы Изидины, Египетскій манускриптъ на папирѣ, щиты Аннибала и Сципіона и драгоценное собраніе идоловъ разныхъ народовъ и 80,000 медалей, подробно описанныхъ Г. Міоннепомъ. О щитахъ Аннибала и Сципіона были между учеными споры; нѣкопорые, какъ я уже замѣнилъ, называютъ ихъ просто Римскими союзниками. И дѣйствительно, для чего мѣшались съ дѣломъ шарла-

панство? Для чего шакъ далеко возводишь ихъ родословную, когда испорія ихъ покрыта мракомъ и когда досповѣрно извѣстно только то, что они находились прежде во владѣніи частнаго Базельскаго гражданина.

Хранилище художествъ и ремеслъ (Conservatoire des arts et métiers), огромное зданіе, находится въ улицѣ Сентъ-Мартина, подлѣ воротъ и бульвара сего же имени. Въ этомъ зданіи, въ сѣняхъ и залахъ систематически расположены всякаго рода домашнія утвари, машины и орудія, употребляемыя въ ремеслахъ и художествахъ, начиная отъ плуга до аероспавовъ. Здѣсь собраны разнаго происхождения Французскіе, Швейцарскіе и Нѣмецкіе дома, разныя модели всѣхъ извѣстныхъ машинъ съ начала ихъ изобрѣшенія до усовершенствованія и наконецъ образчики всѣхъ издѣлій, существующихъ нынѣ во Франціи фабрикъ и заводовъ, съ означеніемъ мѣста фабрики, имени фабриканта и цѣны каждому издѣлію. Для распространенія круга дѣйствій этого учрежденія, открыты въ немъ уроки рисованія и описательной геометріи и практическое ученіе разнымъ

ремесла. Ученики принимаются, по пред-
ставленію меровъ и съ разрѣшенія министра
внутреннихъ дѣлъ. Для публики открыто
хранилище художествъ и ремеселъ по вос-
кресеньямъ и чешвергамъ, а для иностран-
цевъ сверхъ того по вторникамъ и пятни-
цамъ.

Публичныя лекціи преподаются въ уни-
верситетѣ, въ коллегіяхъ и въ Париж-
скомъ Апенеѣ, но въ последнемъ не иначе,
какъ съ платою въ годъ 120 франковъ. Для
входа въ университетъ нужно только имѣть
билетъ изъ университетскаго правленія. Въ
продолженіе нынѣшняго академическаго кур-
са гг. *Вильменю* и *Гизо* запрещено читать,
и остаются изъ извѣстнѣйшихъ профессо-
ровъ только *Тенардъ* и *Гейлюсакъ*. Чшобы
имѣть удовольствіе слушать ихъ лекціи,
надобно пришии, точно какъ во Француз-
скій театръ, по крайней мѣрѣ часомъ рань-
ше и занять мѣсто въ хвостѣ, à la queue.
Этимъ пехническимъ выраженіемъ назы-
вается длинная цѣпь посѣтителей, начинаю-
щаяся двумя первыми подлѣ самаго входа и
извивающаяся также по два въ рядъ по

всему двору или по улицѣ. Никто не смѣетъ прерывать ее и спать выше хвоста, если не хочеть быть выгнанъ общимъ голосомъ, а въ случаѣ ослушанія, и силою. Это обыкновеніе устраняетъ всѣ безпорядки, случающіеся отъ тѣсноты при входѣ, и дѣлаетъ почти совсѣмъ излишнимъ присутствіе полиціи, даже и при театрахъ.

Публичныя аудиторіи устроены въ родѣ полукруглыхъ и крурыхъ амфитеатровъ, такъ что лавки, начинаясь отъ авансены и слѣдуя одна за другою, восходятъ почти до самаго потолка. Лавки безъ столовъ и безъ нумеровъ и занимаются слушателями произвольно, гдѣ кто успѣетъ. На полу круглой площадки, остающейся между самою нижнею лавкою и переднею стѣною, находится также полукруглая, широкая и на нѣсколько ступеней поднятая авансена. На ней ставятся каядра профессорская, длинный столъ для опытовъ и разныя машины.

Аудиторія Гейлюсака и Тенара, могущая вмѣстить до 1500 человекъ, всегда бываетъ биткомъ набита. Первый читаетъ физику,

послѣдній химію. Слушатели воспрѣчаютъ и провожаютъ ихъ громкими рукоплесканіями. Гейлюсакъ читаетъ скромно, какъ наспящій профессоръ; онъ даже просилъ слушателей своихъ не аплодировать ему, давая знать, что если они присвоиваютъ себѣ это право, то найдутся и такіе, которые почтутъ себя въ правѣ обвиспывать; а послѣднее, само собою разумѣется, непріятно будетъ для профессора. Тенаръ преподаетъ химію просто, ясно и съ блескомъ, въ полномъ значеніи сего слова; потому что онъ окруженъ бываетъ почти всегда разноцвѣтными газовыми огнями, какъ бы маленькимъ фейерверкомъ. Онъ примѣшиваетъ къ своимъ урокамъ оспрошты и прибаутки, хотя вниманіе слушателей къ нему столь велико, что онъ и совсѣмъ не имѣетъ нужды въ подобныхъ прикрасахъ. Гейлюсакъ и Тенаръ преподаютъ свои уроки изустно, стоя и очень часто запивая сахарною водою; опыты ихъ идутъ всегда удачно. Они даютъ по двѣ лекціи въ недѣлю, каждую по полупора часа; и получаютъ жалованья въ годъ, одинъ около 30,000, другой около 40,000 франковъ.

Преемникъ Лагарпа и Делиля, профессоръ словесности въ Королевской Французской коллегіи (Collége Royal de France), *Андріе*, за преклонностію лѣтъ, читаетъ очень рѣдко, и не иначе, какъ по предварительномъ объявленіи о томъ особою афишкою. Недавно объявлено было, что онъ даетъ лекцію о лучшемъ способѣ учить и учиться краснорѣчію. Слава заслуженнаго профессора привлекла въ его аудиторию въ назначенное время множество слушателей и слушательницъ. Какъ скоро онъ появился, громкія рукоплесканія раздались и продолжались съ минутой во всей залѣ. Андріе, едва движущійся спаредъ, въ полномъ смыслѣ есть развалина прошедшаго столѣтія, съ свойственными тому времени системою, методою и образомъ мыслей. По его мнѣнію, лучший способъ учить и учиться краснорѣчію состоитъ въ выборѣ лучшихъ руководствъ по сей часши и въ ревностномъ, неутомимомъ занятіи симъ искусствомъ. Это и справедливо; но лучшихъ руководствъ настигнуто было имъ слишкомъ много; и между прочимъ опнесены къ нимъ даже и такія, ко-

порья заданы были схоластиками, по мѣрѣ образованности и разумѣнія ихъ вѣка. Въ заключеніе онъ привелъ длинный, страницы въ двѣ цитатъ изъ Institutiones oratoriae Квинтилиана, не смотря на то, что большая часть слушателей и всѣ вообще дамы не понимали ни слова по Латыни. Андріе почти совсѣмъ безъ голоса; онъ читалъ шопотомъ; но въ залѣ такое было глубокое молчаніе, что ни одно слово не могло бытъ проронено. Сухость предмета своего онъ умѣлъ скрасить приличными и весьма забавными оспродами и анекдотами. Вообще, при всей сухости своей, онъ сохранялъ еще живость и веселость,—такія качества, которыя и на кафедрѣ дѣлаютъ его пріятнымъ и любезнымъ.

Извѣстный своими спанистическими выкладками младшій Дюпень, братъ адвоката и оратора, недавно послѣ долговременной своей болѣзни, открылъ свой курсъ въ Консерваторіи или ремесленномъ магазинѣ вступительною лекціею о необходимости геометріи въ ремеслахъ и художествахъ. Слабость голоса и моношон-

ность самой лекціи, которую г. Дюпенъ читалъ сидя и по шепрадѣ, усыпили большую часть слушателей. Въ заключеніе, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: „Я исчислилъ бо ремесла и художества, имѣющихъ, „нужду въ геометріи; оспается еще споль, „ко же, но часы кончились (и вѣроятно всякой подумалъ про себя: слава Богу, что кончились); потомъ, повышая поспешенно голосъ, и какъ бы желая разбудить всѣхъ слушателей, ударилъ крѣпко кулакомъ по столу и прокричалъ извѣстную выходку генерала Фуа: „Раздася эхо по землѣ и ска, „жеть потомству, какой великой былъ нашъ, „родъ Французы и пр...“ Съ послѣдними его словами слились громкія рукоплесканія и общія восклицанія: „браво! браво!“

Между тѣмъ какъ профессоры прибѣгаютъ къ подобнымъ театральнымъ средствамъ для поддержанія вниманія и благоволенія къ себѣ слушателей, *Королевскій институтъ* или академія наукъ идетъ своею каменистою и штернистою дорогою, нимало не заботясь подчинять себя своенравному вкусу легкомысленной публики. Королевскій

Институтъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ или отдѣленій: 1) математическаго, 2) языка и литературы Французской, 3) исторіи и литературы древней и 4) изящныхъ искусствъ. Каждое отдѣленіе имѣетъ свои обыкновенныя засѣданія одинъ разъ въ недѣлю и однажды въ годъ собраніе торжественное. Въ одномъ изъ такихъ засѣданій я былъ свидѣтелемъ чтенія весьма любопытной сшашьи нашего соотечественника г. Остроградскаго (нынѣ дѣйствительнаго члена Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ). Онъ возражалъ въ ней вдругъ противъ теоріи всѣхъ знаменитѣйшихъ Парижскихъ математиковъ. Какъ не математикъ, я не могу ничего сказать о важности этой полемиической сшашьи; но судя, по впечатлѣнію, произведенному ею на академиковъ, надобно полагать, что она очень щекопила самолюбіе Французское. И дѣйствительно, можно ли слушать равнодушно, чтобы молодой человекъ и притомъ еще Русскій, и слѣдовательно Синеъ или Сарматъ, разру-

шалъ однимъ почеркомъ своего пера всѣ под-
мостки славы спариковъ, и при томъ еще
Французовъ. Опъ того, во время чтенія,
вниманіе ихъ было хотя вынужденное, но
глубокое; а, по окончаніи чтенія, они всѣ
минушы съ двѣ сидѣли, какъ бы оглушенные
ударомъ грома; и вѣроятно не скоро бы вы-
шли изъ своего зашруднишельнаго положе-
нія, если бы одному ошважному члену не
пришла мысль сосставишь комитетъ для
внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ доводовъ,
изложенныхъ въ полемикѣ. Послѣдствія оп-
чепсливости этого комитета мнѣ неиз-
вѣсны.

9 Февраля н. с. было публичное собраніе
академіи, по случаю принятія въ члены ея
дюка Монморанси. Въ рѣчи, произнесенной
имъ въ этомъ собраніи, достойно замѣчанія
слѣдующее прекрасное мѣсто, напоминающее
о благотвореніяхъ нашего Александра:
„Ce qu' Alexandre a donné en exemples aux
„trônes, en paix et en repos au monde, en gé-
„nérosité, en desintéressement, en services à
„la France, — la poésie, l'éloquence et l'histoire
„le rendront à sa memoire en eloges, en recon-

„naissance, en immortalité!“ „Что Александръ даровалъ пронаѣ своимъ примѣрамъ, — міру ушверженіемъ въ немъ пышны и спокойствія, — Франціи своимъ великодушіемъ, безкорыстіемъ и пожертвованіями; за все это поэзія, краснорѣчіе и исторія воздадутъ Его памяти похвалами, признапельностію, безсмертіемъ.“ Это сказалъ иностранецъ о Государѣ, уже умершемъ, которому онъ не имѣлъ нужды льстить и живому; — сказалъ мужъ, возбуждавшій общее къ себѣ уваженіе свѣстностію своей жизни и уже споявшій самъ на краю могилы, гдѣ можно говорить одну только истину; дюкъ Монморанси, бывшій воспитателемъ юнаго герцога Беррійскаго, окончилъ жизнь свою 24 Марта (въ Каплическую спрастную пятницу) въ три часа по полудни, черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи изъ церкви.

24 Апрѣля было торжественное собраніе Королевскаго инспитута. Не смотря на цвѣтъ общества, состоявшаго большею частию изъ дамъ и свѣтскихъ людей, академики читали самыя сухія и скучныя сочиненія; какъ то разсужденіе о народонаселеніи дрез-

нлео *Рима*, — разсужденіе о *причинахъ распро-
страненія искусствъ*, наполненное общими мѣ-
стами, тысячу разъ повторенными въ ты-
сячѣ книгахъ. Къ этому Кювье присовоку-
пилъ свои извѣстія о новыхъ химическихъ
открытіяхъ и Суметь опрывокъ изъ своей
поэмы: *Іоанна д'Аркѣ*. Последнее стихотворе-
ніе, хопя и неопличное, было настоящею
прохладишельною росю посреди знойныхъ
степей. Не знаю чему болѣе удивлялся: са-
молюбію ли Парижскихъ ученыхъ, желаю-
щихъ выказываиъ свою ученость споль не
умѣстно и безвременно, или перпѣнію пуб-
лики и въ особенності дамъ, добровольно
подвергающихъ себя ученой пылкѣ въ про-
долженіе чепырехъ часовъ. Миѣ кажется,
къ этому и изъ мужчинъ немногіе способны.
Одинъ изъ Англичанъ, еще посреди упоми-
наемаго мною чтенія, вспавъ съ спула и
сказавъ почти въ слухъ ломанымъ языкомъ:
saue qui peut, бросился къ дверямъ; но въ
дверяхъ и въ сѣняхъ такая была давка, что
не было никакой возможности спастися; и
гордый лордъ долженъ былъ сдаиъся на ка-
пишуляцію академіи.

ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗОВЪ О РОССИИ.

Невѣдѣніе или, полнѣе сказать, невѣжество западныхъ Европейцевъ, въ отношеніи Россіи, превосходитъ всякое вѣроятіе. Какъ будто бы она новая часть свѣта, только что открытая и ни въ простиранствѣ неизмѣренная, ни въ состояніи климата неопредѣленная. Древній географъ Птоломей думалъ, что меопическія болота (Азовское море) простирались въ глубь сѣвера до самаго полюса; въ этихъ понятіяхъ не далѣе подвинулись впередъ и Европейцы нашего вѣка. Когда получено было въ Женевѣ извѣстіе о наводненіи Петербурга 7 Ноября 1824 года; то одинъ гражданинъ, впрочемъ довольно образованный, прибѣжалъ къ намъ захвативъ

шись, спрашивая, далеко ли отъ Петербурга Полтава; онъ боялся, чтобы сынъ его, жившій въ то время въ Полтавѣ, не пострадалъ отъ этого наводненія или чтобы и совсѣмъ не попонуль. Одна Швейцарка, живущая гдѣ-то въ Россіи, увѣдомляла въ прошедшемъ году родныхъ своихъ, что она не можешь писать къ нимъ за неимѣніемъ въ Россіи чернилъ; и въ слѣдъ за симъ отправленъ въ Россію новый родъ *илипорта*, вѣроятно не предусмотрѣнный и въ шарифѣ: добрая кубышка Швейцарскихъ чернилъ! Мы признавались нѣсколько Парижанъ со всею ихъ опроверженностію, какъ они въ первые дни кантонированія нашихъ козаковъ въ 1814 году на Елисейскихъ поляхъ, боялись къ нимъ приблизиться, починая ихъ людодѣлами, и какъ послѣ, познакомившись съ ними короче, удивились, найдя ихъ такими же людьми, какъ и всѣ прочіе, и припомъ еще съ чувствами гражданскими, патриотическими и религіозными.

„Правда ли, что у васъ бываетъ такой жестокой холодъ, что вы принуждены шопить улицы?“

„Изъ какого матеріала дѣлаются маски, которыя вы носите зимою для предохраненія лица отъ спужа?“

„Какимъ вы языкомъ говорите, Ташарскимъ или Греческимъ? Греческимъ или Нѣмецкимъ?“

„Вѣдь вы ѣздили на оленяхъ и на собакахъ?“

На эти и подобные вопросы не знаешь, какъ отвѣчать, чтобы не привести въ замѣшательство самихъ спрашивающихъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже обижаются насмѣлками вашими отвѣтами, думая, что вы надѣваетесь надъ ихъ легковѣріемъ.

Къ невѣжеству присоединяется злословіе. Европа не можетъ смотрѣть равнодушно на могущество Россіи, столько быстрое возрастающей, и не будучи въ силахъ остановить подвиги сего юнаго Геркулеса, преслѣдуетъ его клеветою. Не удивительно, что клеветуютъ Россію тѣ, которые никогда ее не видали; это значитъ только бросать звуки безъ смысла на вѣтеръ, — слабость, свойственная столько же многимъ двуногимъ, сколько и извѣстной породы четверо-

ногимъ. Не удивительно и празднословіе ихъ, которые видѣли Россію, жили въ ней и несли службу частную или общественную; все это еще естественно, потому что слуги рѣдко бываютъ благодарны господамъ своимъ. Но служивъ въ Россіи, бывъ одинъ разъ уже выгнану изъ нея за буйство, опившись ей сочиненіемъ нелѣпаго и огромнаго пасквиля и послѣ всего этого имѣль безстыдство просить о принятіи его снова въ Русскую службу, какъ сдѣлалъ Французъ Масонъ, вотъ это удивительно. Сказываютъ, что вмѣсто отвѣта на его просьбу посланъ изъ Россіи къ нему экземпляръ его пасквиля.

Если не болѣе, то и не менѣе его, услужилъ Россіи одинъ Нѣмецъ,—(а Нѣмцы, извѣстно, большіе пріятели Россіи) сочинитель книги о Московскомъ пожарѣ: *les Desastres de Moscou*, недавно изданной имъ на языкѣ Французскомъ. Изъ предисловія его видно, что онъ служилъ въ Россіи до лѣтъ и дослужился полковничьяго чина и попомъ, какъ примѣрно, бѣжалъ изъ Москвы съ Наполеоновою арміею, а слѣдовательно и не

съ чистою совѣстію. Господи́нь Нѣмецъ на-
падаетъ не только на лица и на сословія, но
и на все Русское: на Русскую землю и небо,
на всѣ Русскія спихи и даже на Русскія
добродѣтели и доблести. Онъ говоритъ,
что не патріотизмъ вооружилъ Русскихъ
въ 1812 году противъ Французовъ, что Рус-
скіе не способны къ такому возвышенному
чувству и что ими управляло просто: *одно
грубое чувство, un sentiment brutal!*... Г. Нѣ-
мецъ не поставилъ своего имени на книгѣ;
вѣроятно намѣренъ снова вступитъ въ Рус-
скую службу.

По источникамъ, изъ которыхъ почерпа-
ются подобныя знанія иностранцевъ и въ
особенности Французовъ, можно судить и
о прочихъ ихъ свѣдѣніяхъ спашистическихъ,
историческихъ и филологическихъ объ Рос-
сiи. Самъ Наполеонъ, на счетъ ея былъ
сбитъ съ толку довѣріемъ своимъ къ по-
сланнику Коленкуру и какому-то Француз-
скому доктору, долго жившему въ Россіи,
но, какъ водится со всѣми иностранцами, не
знавшему ни языка ея, ни духа народнаго,
ни положенія, ни климата.

По часпи исторической (не говорю о мѣ-
кихъ, а упомяну только о знапифишихъ пи-
сателяхъ), извѣстный продолжатель знаме-
ниаго разсужденія Боссюепова о всеобщей
исторіи, въ спашѣ объ Россіи, пишеть,
что Русскіе говорятъ языкомъ Греческимъ,
который будпо бы они заимствовали опъ
Грековъ вмѣстѣ съ крещеніемъ, а крещеніе
принято при Царѣ Владимірѣ въ XV спо-
лѣтіи. Надобно замѣпитъ, что это гово-
ритъ членъ Королевскаго инспитуша, мно-
гихъ академій и множества ученыхъ об-
щесствъ, котораго ученыя пишла занима-
ють всю первую спраницу его книги.

Этого недовольно; авторъ новой книги,
вышедшей въ прошедшемъ году подъ пишу-
ломъ: *проектъ соединенія церквей Восточной и*
Западной, выказываетъ еще большую глу-
бину мудрости исторической. Прежде всего
онъ разсуждаетъ о томъ, что никогда не
было споль благопріятнаго времени для со-
единенія означенныхъ церквей, какъ нынѣ,
когда одной воли Императора Александра,
какъ главы Восточной церкви, достаточно
для того, чтобы подчинитъ ее папѣ. Далѣе

авторъ увѣряетъ, что Россія до XV вѣка исповѣдовада Римскую Католическую вѣру, что въ XV вѣкѣ Константинопольскій Паш-ріархъ Фотій (т. е. Фотій, который жилъ въ IX вѣкѣ и при которомъ послѣдовало раздѣленіе церквей) послалъ одного изъ своихъ Епископовъ въ Липву для обращенія Липовцевъ въ Греческую вѣру, но, не успѣвъ въ своемъ посольствѣ, отправился въ Москву къ Царю Ивану Васильевичу и убѣдилъ его присоединиться со всею Россіею къ Восточной церкви!

По выходѣ въ свѣтъ проэкта соединенія церквей, я думалъ, что Французскіе ученые изобличатъ невѣжество автора; но, къ крайнему моему удивленію, его бредни повторены были по крайней мѣрѣ въ пяти, если не въ десяти, журналахъ, безъ всякихъ измѣненій и замѣчаній, и наконецъ почто въ томъ же видѣ внесены и въ новую книгу: Жизнь Императора Александра, — вышедшую немедленно послѣ Его смерти. Невольнымъ образомъ подумаешь, что на все Французское просвѣщеніе нашла густая Египетская пѣна! —

Послѣ всего этого должно ли удивляться, если какой нибудь Французскій журналъ или книга назоветъ какого нибудь нашего липерашурнаго Ерему Оомою, а Оому Еремою или и совсѣмъ ничѣмъ. Недавно наши патріоты княжны Р.... очень основательно доказывали одному здѣшнему профессору, что Русская поэзія въ комедіи и трагедіи уступаетъ Французской, въ апологъ съ нею равняется, а въ лирикѣ превосходитъ ее. Но когда онѣ наименовали Державина и начали изображать его живыми красками, профессоръ вспыхнулъ и, потерявъ все приличіе, имѣлъ смѣлость сказать: „Прошу извинить меня, княжны; я худо вѣрю въ вашего Державина и увѣренъ, что въ исторіи вашей липерашуры не только нѣтъ и не бывало поэта съ такими достоинствами, но и съ этимъ именемъ.“ Княжны нашли нужнымъ предоставить рѣшеніе этого вопроса прешейскому суду, избравъ судьей меня; но я, при всѣхъ моихъ усиліяхъ могъ только колебать, а не уничтожить упорство профессора.

Къ счастью, вскоре послѣ этого спора случай доставилъ мнѣ орудіе пропивъ Француза собственное же Французское. Однажды, проходя подъ аркадою Палерояля, я увидѣлъ на одной колоннѣ огромную на красномъ листѣ афишку, печатанную липерами по крайней мѣрѣ въ вершокъ величиною. Это было объявленіе объ опкрытіи уроковъ языковъ Французскаго и Польскаго, космографіи и математикѣ. Желаящіе пользоваться сими уроками приглашались для полученія билетовъ къ г. Маріи Де ла Френе (Marie de la Fresnaye), въ Масонской улицѣ, въ № 17 го-спитальницы Мира. Нѣсколько ниже въ той же афишкѣ припечатано: „Тамъ же одинъ изъ профессоровъ по понедѣльникамъ и четвергамъ въ 6 часовъ вечера будетъ безъ всякой платы объяснять оды *Пиндара*, *Горация* и знаменитаго *Державина*. „Des lectures gratuites, soit d'une ode de Pindare, d'Horace ou du „fameux Derjavinn; le tout traduit librement en „vers Français dithyrambiques. *Ἦμος πασι λαμπει.*“ и. е. Солнце свѣтитъ для всѣхъ. Глаза мои разгорѣлись на эпоштѣ красный листъ; я никогда во всю жизнь мою не присвоилъ себѣ

чужой собственности; даже и будучи въ школѣ, ничего не похищалъ у моихъ товарищей, ни чернилъ, ни пера, хопя самъ очень часто спрадалъ опъ ихъ набѣговъ: но теперь, во чшобы ни спало, рѣшился завладѣль краснымъ листомъ, не только какъ орудіемъ для опмищенія профессору за оскорбленіе нашего національнаго самолюбія, но и какъ памяшникомъ, присуждающимъ нашему барду право лирическаго пріумвирашства на парнасѣ, на ряду съ двумя первыми лириками древности. Я выждалъ минуту, пока толпы проходящихъ пережились, сорвалъ красный листъ и скрылся изъ Палерояля опромешью, безъ оглядки.

Въ послѣдствіи времени я нашелъ случай познакомиться съ эшимъ безсребреннымъ профессоромъ Марією Де ла Френе; эшо человекъ пожилыхъ лѣтъ, спрастный любитель древнихъ и новыхъ геніевъ поэзіи. Онъ издалъ на Французскомъ языкѣ переводъ одъ Пиндара и Горация и подражаніе одъ *Богъ Державина*. Послѣдней онъ далъ форму драматическую, назвавъ ее *Oratorio Psalmique, ou Hymne à Dieu, imitée du grand*

Poëte Russe Derjavin. Сочинитель имѣлъ фантазію представивъ въ своей орапоріи одно папріархальное семейство, воспѣвающее славу, могущество и благость Творца своего. Дѣйствующихъ ихъ лица: 1) le bisaïeul (прадѣдъ), 2) l'aïeul (дѣдъ), 3) отецъ, 4) его супруга, 5) его сынъ, 6) юная дочь и 7) дѣвственница шешка. Конецъ гимна поется всѣмъ хоромъ.

Надобно признаться, что въ этой орапоріи нѣтъ и тѣни Державина, но Французскій поэтъ въ предисловіи къ орапоріи, не скрываетъ и самъ своего ничтожества предъ Русскимъ бардомъ. Въ немъ по крайней мѣрѣ похвально самоопроверженіе его, и желаніе рѣдкое во Французѣ, заплашивъ должную дань удивленія великому генію, безъ отношеній къ его языку и націи.

Д І О Р А М А .

Съ распротраненіемъ въ новѣйшія времена круга свѣдѣній физическихъ и въ особенностяхи оптики, перспективная живопись оказываешь успѣхи исполинскіе, неимовѣрные. За важными открытіями слѣдуютъ другія важнѣйшія ; отъ любопытства переходишь къ удивленію, отъ удивленія къ очарованію. Искусство раскрашиваешь, спавишь и освѣщаешь шептральныя декораціи и панораму, преврапило точки и линіи въ пространство, перпендикулярную плоскость въ горизонтальную, положило въ атмосферу, въ воду и въ землю съ распротирающимися по нимъ облаками, зданіями и растеніями. Оставалось дать этой жертвой природѣ движеніе и жизнь ; перспектива и оптика

своими чарами и заклинаніями совершили и сіе послѣднее чудо.

Диорама помѣщается подлѣ Храмоваго бульвара въ каменномъ зданіи, имѣющемъ деревянный куполъ. Подилвшись по оплгоой лѣстницѣ во второй этажъ, вы входите въ темный амфитеатръ, приближаеься къ окну, открытому въ передней стѣнѣ, и не успѣли еще осмотрѣться, какъ уже перенесены какимъ то волшебнымъ духомъ подъ знойное небо Испаніи, сливающееся съ небомъ Африки. Этого искушающій духъ поставилъ васъ на одной изъ огромныхъ башенъ, оставшихся отъ Мавровъ, и раскрылъ передъ вами новую землю съ тысячами прелесней. Тамъ крѣпость Пунталесъ, Кортадура, островъ Леонъ, мысъ Трокадеро и Порто-Реаль; тамъ цѣль горъ Сьерры де Рода и холмы, усѣянные монастырями; на концѣ горизонта Кадиксъ, Гибралтаръ и флотъ Французскій; здѣсь гавань Сентъ-Марія, окруженная войсками и народомъ, собравшимися для встрѣчи короля. Онъ только что сошелъ съ корабля и держитъ за руку королеву; его привѣтствуютъ гер-

Часть IV. 6

погъ Ангулемскій и Французскіе генералы; духовенство, въ церковномъ облаченіи, преломило передъ нимъ колѣна.

Между тѣмъ какъ зритель, развлекаемый тысячами предметовъ, приковалъ взоръ свой къ ихъ прелестямъ, онъ и не примѣтилъ, что густое облако, которымъ подернута была западная часть горизонта, уже повисла надъ гаванью. Заливъ моря началъ рябѣть отъ падающихъ капель дождя; вы слышите ихъ шорохъ; онъ постепенно усиливается, шумитъ и поспешенно запихаетъ.

Солнце проглянуло снова; уже вы начинаете впитывать въ себя растворенный прохладой воздухъ, какъ вдругъ раздается глухой подземный ударъ; башня и окрестности колеблются; прелестные виды убѣгаютъ; вы уноситесь со всѣмъ амфитеатромъ; спускается густой мракъ и передъ вами мелькаютъ однѣ только тѣни великихъ волшебниковъ искусства: Рафаеля, Тиціана, Рубенса, Рембрандта.

Черезъ минуточку покрывается ночная сцена въ Эдинбургѣ. Играющій вами волшебный духъ теперь поставилъ васъ въ замкъ Го-

лирудсколѣ, посреди развалинъ монастыря, основаннаго въ 1128 году королемъ Давидомъ. Съ правой стороны видны оспашки колоннъ Готпической каплицы, въ которой долгое время хранились гробовые склепы королей Шотландскихъ и въ которой несчастная Марія Стюартъ два'раза сочелась бракомъ. На переднемъ планѣ, на одной, повидимому недавно сооруженной, гробницѣ шеплился лампада; передъ гробницею стоишь блѣдная прекрасная дѣвушка съ распущенными по плечамъ волосами, съ поникшею головою и съ сложенными на груди руками. Съ лѣвой стороны подлѣ стѣны примѣтны какіе-то бѣловатые призраки; ихъ нельзя различить во мракѣ. Небо покрыто тонкими облаками, но восточная часть его какъ бы освѣщена восходящею луною; и въ самомъ дѣлѣ, черезъ четверть часа луна начала подниматься надъ стѣною и слабыя лучи ея, скользя черезъ монастырскія ворота, освѣтили еще нѣсколько древнихъ гробницъ. Вокругъ васъ царствуетъ мертва, ничѣмъ непрерываемая тишина; вдругъ раздается тихій голосъ флейшы, столько же печальный

и меланхолическій, какъ ваша душа ; голосъ приближается , играетъ за стѣною , снова удаляется и умираетъ. Это, можетъ быть, запоздалый поселянинъ, повѣряющій ночи чувства своего сердца.

Вообще въ діорамахъ какъ неподвижные предметы, такъ и феномены природы представляются съ такою живописію, что производимый ими оптический обманъ составляетъ задачу для самихъ искусныхъ художниковъ. Г. Гро ошкроленно въ академіи признался, что онъ не понимаетъ и половины пайнъ, употребленныхъ въ этомъ изображеніи. Одинъ изъ зрителей, не хотя вѣрить, чтобы стоящая передъ гробницею дѣвушка была рисованная, а не живая, и желая открыть подлогъ и вывести всѣхъ изъ заблужденій, (разумеется, это былъ Англичанинъ), бросилъ въ нее апельсинъ и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ, что и дѣвушка и монастырь съ гробницами и небо съ луною, — все вдругъ зашрясло; однимъ словомъ: весь холстъ, на которомъ изображены были эти предметы и который ви-

сѣмъ опть зришелей только на нѣсколько локтей.

Діорама изобрѣшена очень недавно художниками *Бутонолибъ* и *Пагерролибъ* (Paguette). Если бы однимъ или двумя сполѣшїями они жили раньше, то безъ сомнѣнїя признаны были бы волшебниками и заплашили бы за то жиизнїю; нынѣ, благодаренїе просвѣщенїю, — виѣстѣ съ данїю удивленїя, щедро плапятъ имъ и денежную дань. Увѣрають, что видъ развалинъ Голирудскаго замка уже купленъ въ Англіи, и вѣроятно со всѣмъ секретомъ освѣщенїя, за 60,000 франковъ.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.

Кто не зналъ въ Москвѣ Француза А..., жившаго въ ней за нѣсколько лѣтъ передъ сего? Когда онъ оставилъ Францію, какъ прибылъ въ Россію, кто и что онъ таковъ, объ этомъ ни кому не было извѣстно, да и спрашивать объ этомъ почитается у насъ неприличнымъ. Какъ для Француза, для него доспапочно было одной ловкой манеры войти и поклониться, чтобы привлечь на себя вниманіе высшаго класса публики и приобрести себѣ право на занятіе должности наставника и гувернера въ одномъ изъ лучшихъ Московскихъ пансіоновъ.

Въ фізіономіи, чувствахъ и словахъ А. было множество противорѣчій и спранныстей. Онъ имѣлъ отъ роду около 30 лѣтъ,

но всегда выдавалъ себя за двадцатилѣтняго; онъ былъ веселаго нрава, но часто опъ веселости вдругъ переходилъ къ глубокой меланхоліи, среди которой нахмуренныя бѣлыя брови опѣнялись облакомъ какихъ-то воспоминаній, примѣтно превозжившихъ его сердце. Въ припадкахъ этой меланхоліи иногда большіе глаза его выкапывались какъ бы до половины и лице подергивалось страшными судорогами.

Мнѣ случилось однажды слышать, что Л..., еще до прибытія въ Москву, занималъ мѣсто гувернера въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и что за безпокойный нравъ свой и за возмущеніе учениковъ прошивъ своего начальства, былъ удаленъ опъ должности, но что выживъ его изъ казеннаго дома, не иначе могли, какъ съ помощію полиціи, которая вынуждена была побросать его пожизки на улицу. Всѣ эти подробности я слышалъ опъ весьма достоверной особы, но я ихъ никому не сообщалъ, зная напередъ, что такого рода слухи были бы приняты за сплетни и приписаны неблагонамѣренности и даже необразованности

тѣхъ, которые ихъ разсѣваютъ. По крайней мѣрѣ такъ принимается у насъ усердіе всякаго паппріюша, желающаго предостеречь Русскихъ дѣшей отъ заразы какого нибудь пришельца и прошлеца.

Мусье Л.... пробылъ въ Москвѣ не болѣе двухъ лѣтъ и выбылъ совсѣмъ неожиданно, воспользовавшись случаемъ быть спутникомъ одной замужней Француженки мадамъ О...., отправлявшейся во Францію только на время и безъ мужа, для свиданія съ своими родственниками. Не нужно напоминать, какое искреннее сожалѣніе оставилъ онъ о себѣ между родителями, почтившими поперю безцѣннаго наставника ничѣмъ невозвратимою.

По прибытіи моемъ въ Парижъ, нашъ Москвичъ А. А. І. увѣдомилъ меня, что мусье Л.... находишся въ Парижѣ, но что онъ, при самомъ первомъ свиданіи съ нимъ, въ одномъ собраніи молодыхъ людей, оповѣдая его въ сторону, съ безпокойствомъ просилъ не называть его прежнимъ именемъ Л...., а новымъ О..., и. е. именемъ той дамы, которую онъ сопровождалъ

изъ Москвы. Мы посмѣялись надъ этою его заботливостію и не думали ничему иному приписать ее, какъ одной только Французской въпрелости, нашедшей новое имя болѣе благозвучнымъ, нежели прежнее.

Однажды, прогуливаясь по бульварамъ съ А. А., мы захоули видѣть кабинетъ восковыхъ фигуръ. Орашоръ кабинета прежде всего показалъ намъ конференцію Вѣнскаго конгресса, поражающую чрезвычайнымъ сходствомъ поршреповъ и костюмовъ; потомъ объяснялъ значеніе другихъ группъ; потомъ, остановясь передъ грудною фигурою, держащею въ правой рукѣ опсѣченную и окровавленную руку, продолжалъ: „это „зодѣй Л....., который опрубилъ руку у „своей мапери...“ При этомъ имени, — оно было тоже самое, подъ которымъ извѣстенъ намъ былъ упомянутый гувернеръ, — и при разительномъ сходствѣ съ нимъ этой фигуры, — мы вздрогнули и по невольному движенію взглянули другъ на друга и схватились руками. Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; я уже не могъ слушать со вниманіемъ всѣхъ подробностей расказа и за-

помню только то, что мать, — добрая, но слабая женщина, пожертвовала послѣднимъ своимъ доспоианіемъ для воспитанія сына, надѣясь найти въ немъ опору и утѣшеніе своей спароспи, но что сынъ, войдя въ совершенный возрастъ, предался разврату и съ каждымъ днемъ дѣлалъ ей новыя и большія огорченія, и что однажды, когда онъ по обыкновенію своему возвратился домой слишкомъ поздно и въ пьяномъ видѣ и мать начала выговаривать ему и напоминая о своихъ жертвованіяхъ, — онъ схватилъ шопоръ и закричалъ въ изступленіи: „О! Я уже наскучилъ пвоею моралью; „дъ чоршу же эша рука, которая на бѣду „меня поила, кормила и нячила!“

Лучше избавишь десяти преступниковъ отъ заслуженнаго ими позора, нежели предашь суду одну невинную жертву: я всегда благоговѣлъ передъ эшимъ закономъ. Я готовъ утѣшать себя мыслію, что и шождештво имени и сходштво поршпрепа изверга Л.... съ извѣстнымъ намъ лицомъ еспь одна только игра случая; готовъ скорѣе предполагать, что первый могъ быть толь-

ко ближайшимъ родственникомъ и даже бра-
томъ послѣдняго: но если это есть одно и
тоже лице; если эти припадки ипохондріи
и судорожныя движенія были опголоскомъ
спрашнаго внутренняго судіи — совѣсти;
если онъ принялъ имя мужа или сына обо-
щенной имъ женщины для того, чтобы за-
щипиться имъ отъ преслѣдованій закона;
однимъ словомъ: если это чудовище, найдя
случай избавиться отъ плахи, укрывалось
въ Россіи подъ одеждою крошקה паспыря
агицевъ, для того только, чтобы пригото-
вить ихъ расхищеніе: то да будутъ мои по-
дозрѣнія предостереженіемъ и спаситель-
нымъ урокомъ всѣмъ легкомысленнымъ, пред-
починающимъ свѣшскость и ловкость вос-
питателя его нравственности и вообще
спавящимъ воспитаніе чужеземное и ломкое
выше національнаго, основаннаго на вѣрѣ и
благочестіи.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

ШКОЛЫ СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА: НѢМЕЦКАЯ, АНГЛІЙСКАЯ И
ФРАНЦУЗСКАЯ. ТАЛЬМА. ВИКТОРЪ. СРАВНЕНІЕ Г-ЖИ ДЮШЕНУА
СЪ Г-ЖЕЮ ЖОРЖЪ.

Никто изъ артистовъ нашего времени не пользуется такою общеою, Европейскою извѣстностію, какъ Тальма, и, надобно признаться, никто столько не заслуживаетъ ее, какъ этотъ корифей Французской мелломены. Чтобы видѣть въ полномъ свѣтѣ всѣ заслуги, оказанныя имъ искусству, надобно напередъ сообразить, въ какомъ состояніи онъ засталъ театръ вообще въ Европѣ,—что онъ заимствовалъ отъ мelpоды или школы и чѣмъ обязанъ собственному своему генію.

Въ собственномъ смыслѣ, для сценическаго искусства, какъ и для всѣхъ другихъ, должна быть только одна школа, основанная на единствѣ изящества; но время, мѣсто и нравы народовъ, давая особенныя направленія вкусу, раздѣлили ее на разныя отрасли. Главнѣйшія изъ нихъ въ наше время суть *Нѣмецкая, Англійская и Французская*. Бросимъ взглядъ на каждую изъ нихъ порознь.

Нѣмецкая школа отличается преимущественно своими странностями. Нѣмцы глубокіе теоретики, мѣлкіе практики. На ученыхъ кафедрахъ они проповѣдываютъ романтизмъ, а на дѣлѣ строго держатся предписаній покойнаго Аббата Бампѣ, требовавшего, чтобы трагическіе актеры вѣрно разговора пѣли, а ноги и руки ихъ танцовали. Пѣніе ихъ отличается рѣзкимъ крикомъ, всхлипываніями и монотонією. Одна и таже пѣсня безпрерывно повторяется отъ начала до конца трагедіи. Не надобно смѣшивашь неумѣстнаго крика съ высокимъ и громкимъ произношеніемъ. Последнее есть языкъ спрастей, употребляемый всѣми знатнѣйшими артистами во время сильныхъ душевныхъ

волненій; а неумѣстный крикъ есть рѣзкая
ноша, невѣрно взятая; онъ поже въ декла-
маціи, что въ оркестрѣ фальшивый тонъ
трубы, покрывающей собою гармонію про-
чихъ инструментовъ. Между драматически-
ми актерами Нѣмецкими мнѣ извѣсны
только два исключенія изъ ихъ школы. Въ
Вѣнѣ на Императорскомъ придворномъ те-
атрѣ старикъ *Колѣ*, очаровывающій своею
естественною рѣчью, и Берлинскаго коро-
левскаго театра молодой артистъ *Крюгерѣ*.
Впрочемъ г. Крюгеръ не совсѣмъ чуждъ
привычекъ своей школы; въ сильныхъ мѣ-
стахъ голосъ его также впадаетъ въ пѣніе;
послушь его проща, но онъ не любитъ спо-
яшь на мѣстѣ, какъ Тальма; и расхаживаясь
по сценѣ, скрываетъ черпы лица своего отъ
публики; движенія рукъ у него очень выис-
канныя; пальцами играетъ какъ бы на фор-
тепианѣ. Я не говорю о прочихъ актерахъ и
актрисахъ, изъ коихъ нѣкоторые, даже и на
Петербургскомъ Нѣмецкомъ театрѣ, во все
продолженіе драмы или трагедіи танцуютъ
минуешь, въ полномъ значеніи этого танца,

не перерывая его даже и въ самыхъ прогательныхъ сценахъ.

Англійская школа, принявшая въ основаніе выраженіе духовной природы, описывается преимущественно мимикою и естественною рѣчью. Естественная рѣчь появилась въ новѣйшія времена вмѣстѣ съ возобновленіемъ представленія Шекспировыхъ трагедій; но первая мысль ввести ее въ трагедію принадлежитъ Грекамъ. Аристофель приписываетъ введеніе самаго ямба въ трагедію единственно тому, что эта мѣра есть удобнѣйшая для разговора. Англійская школа обязана своею славою преимущественно гению Гаррика и Кина. Сей послѣдній малаго роста, неуклюжій и неблагозрочный, игра его вообще неровна; но бываютъ моменты вдохновенія, когда онъ поражаетъ электрическимъ самыми каменными сердца зрителей. Вдохновеніе есть главная стихія Англійской школы; искусственный восторгъ — школы Французской.

Прочія требованія первой ясно опредѣлены самимъ ея родоначальникомъ Шекспиромъ. Гамлетъ его (явленіе II, дѣйствіе III) да-

есть актеру следующее наставленіе: „Произноси стихи, какъ я тебѣ читалъ ихъ — легко и безъ напряженія; если же ты сплнешь возглашашь подобно многимъ актерамъ нашимъ,—я сполько же бы хотѣлъ ихъ слышать отъ городского крикуна. Не рѣжь руками такъ сильно воздуха; но соблюдай во всемъ приличіе, храни умѣренность; она придаетъ видъ кротости всякой сцены въ самомъ ея потоцѣ, вихрѣ, такъ скажешь, бурѣ.—О! Мнѣ обидно до крайности слышать, какъ иной рослый, въ парикъ наряженный невѣжа перзаешь сцены на часы, на куски и раздражаешь уши черни, способной ушѣшаться только непонятнымъ кривляньемъ и крикомъ.“—„Соглашай движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно старайся не пресступать границъ естественной простоты: всякая чрезмѣрность не сообразна съ цѣлю представленія, которая первоначально, какъ и теперь, была и есть — представить зеркало природы.“—„Карпина непомѣрно рѣзкая или слишкомъ слабая можетъ понравиться невѣждамъ, но оскорбитъ вкусъ разсудительныхъ, изъ которыхъ

миѣніе одного должно быть для насъ важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающихъ.“

Французская школа, строго держащаяся начала подражанія, такъ называемой, пластической или внѣшней сторонѣ природы, ведетъ начало свое еще опъ Грековъ и Римлянъ. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ, какъ извѣстно, выбирали актеровъ высокорослыхъ и обували ихъ въ кошурны, чтобы они казались гигантами. вмѣсто разговора они пѣли и эпо пѣніе сопровождаемо было флейпою и пѣмодвиженіями особаго актера, соспавлявшими условный панпоминный языкъ. Все эпо на древнемъ театрѣ не нарушало вѣроянія, потому что дѣйствующія лица въ древнихъ прагедіяхъ были боги или баснословные герои, требовавшіе особаго образа выраженій, а равно и потому, что стихи у древнихъ не имѣли другаго назначенія, кромѣ пѣнія. Эпа поющая декламація удержалась въ речипашивахъ Италіянскихъ оперъ, заступившихъ мѣсто древнихъ арѣлицъ, а потомъ перенесена была Французами и на ихъ театр. Введеніе ея во Французскую

трагедію несправедливо приписывается Тальмъ; извѣстно, что она употреблялась еще во времена Людовика XIV и что знаменитый Люлли многіе речитативы свои сочинялъ съ декламаціи Шаниелле. Что касается до Тальмы, онъ, воспользовавшись въ молодости, во время пребыванія своего въ Лондонѣ, наставленіями и примѣрами первыхъ Англійскихъ трагиковъ, почувствовалъ еще съ того времени несообразность пѣнія въ трагедіи; и если не могъ въ послѣдствіи совсѣмъ изгнать его съ Французской сцены, то по крайней мѣрѣ онъ успѣлъ опредѣлить мѣсто и тонъ сему напѣву, употребляя его преимущественно только въ тѣ минуты, когда душа наспроена къ лирическимъ чувствамъ. Напр. въ трагедіи *Леонидъ*, при вѣспивуя опечесство и скалы Термопильскія, голосъ его издавалъ, въ продолженіи четырехъ стиховъ, какъ бы одинъ и тотъ же тонъ, подобно низко напянутой и дрожащей струнѣ.

Тальма въ послѣднее время раскрылъ во всемъ блескъ преимущества естественной игры и рѣчи или дикціи въ трагедіяхъ:

Силла, La démente de Charles VI и въ драмѣ Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*; но предразсудки публики, привыкшей къ уродливости своей школы, столь велики, что едва доспаетъ всего могущества генія, чшобы ихъ разсѣять. Въ роли Силлы Тальма превосходенъ; но, мнѣ кажется, Французы шерпятъ его потому только, что онъ представляетъ въ ней живаго Наполеона со всѣми его приемами, движеніями, тономъ и взглядомъ.

Въ роли Карла VI, впавшаго въ помѣшательство ума во время несчастной войны съ Англіею, Тальма принимаетъ голосъ чело-
вѣка болѣзненнаго и убишаго горестію; припомъ является на сцену въ шлафрокъ и обросшій бородою. Французы оскорбляются этимъ мнимымъ нарушеніемъ, приличій трагической сцены; но когда король, въ припадкѣ умоизступленія, воображая себя окруженнымъ толпою народа, приступающею къ нему съ воплемъ, — останавливается на семь фантомъ опуманенный взоръ и произноситъ слѣдующія слова: „За чѣмъ вы здѣсь? „Нѣтъ у меня хлѣба!“ Тогда Францу-

*

зы, принимая искусство за самую природу, плачущъ и забывающъ о своихъ припязаніяхъ. Въ драмѣ Коцебу, въ роли неизвѣстнаго, Тальма явился въ Нѣмецкомъ кафканѣ и съ простію; говорилъ почти во все продолженіе дѣйствія однимъ тономъ, низкимъ, ошпысиснымъ, мрачнымъ. Роль Эйлалиа играла мамзель Марсъ. Увлеченные новоспію романтической піасы, новымъ родомъ игры и самымъ положеніемъ арписпа и арписпи, въ первый разъ только явившихся въ этомъ родѣ драмы, Французы заливались слезами, такъ что въ послѣдней сценѣ послѣдняго дѣйствія игра на нѣсколько минутъ была прервана; — случай почти небывалый во время представленія Французскихъ трагедій. Но эта шумка не прошла даромъ мамзели Марсъ и Тальма, особливо послѣднему. Не далѣе какъ на другой день ушромъ, во всѣхъ газетахъ осыпали его ругательствами за то, что онъ дозволилъ себѣ упасъ съ прона Кесарей въ Нѣмецкую грязь. При этомъ не забыли сдѣлать ему замѣчаніе и на счетъ неуваженія его къ публикѣ, когда онъ, въ минушу примиренія съ Эйлалиею, прижи-

мая къ груди прехлѣтнюю дочь свою, опъ неловкості обнажилъ ее нѣсколько неблагоприсойно.

Въ разсужденіи пластики Тальмы, по естѣ положенія плѣа и движенія рукъ, у насъ господствуетъ ложное мнѣніе. Многіе воображаютъ его какою-то древнею спашуею, убѣжавшею изъ Рима и безпрестанно принимающею всѣ граціозныя и величественныя положенія всѣхъ своихъ знакомыхъ по Вашикану. Вѣроятно они сославили подобное понятіе о Французскомъ трагикѣ, по извѣстной его заботливости о уборкѣ волосъ и драпировкѣ костюмовъ; такъ какъ въ роляхъ Греческихъ и Римскихъ онъ дѣйствительно бралъ самыя вѣрныя слѣпки съ древнихъ бюстовъ и спашуй. Но если въ этомъ отношеніи онъ прихотливъ, какъ женщина; то во всемъ прочемъ, можно сказать рѣшительно, онъ не выказываетъ никакихъ пристразій. Тальма никогда не ходилъ мѣрными шагами; лѣвая рука его занята погою; правою дѣлаетъ изрѣдка только полуоткрытыя движенія; короче сказать: этогъ царя театра знаетъ, что простота неразлучна

съ величіемъ и что трагедія имѣетъ свой характеръ и свои средства, отличныя отъ тѣхъ, кои употребляются въ балетѣ. Я увидѣлъ его въ первый разъ въ самой блистательной его роли *Нерона*; не бывъ пригласованъ къ его важному, неподвижному спокойствію, нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшимъ подлѣ меня Французамъ съ вопросомъ: Тальяма ли это? И не прежде въ этомъ увѣрился, какъ въ концѣ II дѣйствія, когда онъ, ославляя принцессу Юнію и произнося послѣдній стихъ: „Madame, en le voyant, songez que je vous vois,“ принялъ осанку, взглядъ и позу, въ которыхъ раскрылась вся душа пирана. Въ подобный обманъ вовлекаемы были имъ не одни иностранцы, въ первый разъ только его видѣвшіе; самъ Наполеонъ, соскучивъ мнимымъ бездѣйствіемъ и разсѣяннымъ видомъ его въ той же роли *Нерона* въ четвертомъ актѣ, въ продолженіи укоризнъ и выговора, обращенныхъ къ нему матерью *Агриппиною*, совѣщивалъ ему по крайней мѣрѣ перебирать руками тогу или рвать ее онъ нетерпѣнія; но Тальяма не послушался своего повелителя, кошо-

рый въ пантомимикѣ былъ только ученикомъ его. Въ вышепомянутой трагедіи *Леонидъ*, созданной почти исключительно для пластички и составляющей настоящее шожество его, онъ также проситъ до самой той сцены, гдѣ, опершись на жертвенникъ, погружается въ думы, и даже до той минуты, когда, тихо приподнявшись съ жертвенника, ловитъ усмерленнымъ въ даль взоромъ высокую мысль: *умереть съ дружиною при Фермопилахъ*, и когда вдохновенное лице его покрывается какимъ-то небеснымъ, неизъяснимымъ сіяніемъ.

Таковъ Тальма! Чшо же дѣлають его подражатели? Тоже, чшо школьники, выдерживающіе изъ разныхъ сочиненій цѣпы краснорѣчія и связывающіе ихъ въ одинъ пучекъ. Они выпверживаютъ разные граціозныя и величественныя формы своего идеала во всѣхъ его роляхъ, нанизываютъ ихъ на себя въ каждой роли и гонятся за блесками, впадають въ спилъ жеманный и напыщенный. Эпохъ спилъ опразился въ тѣло движеніяхъ народныхъ ораторовъ, на кафедрахъ духовныхъ и ученыхъ и въ самой Па-

римской академіи художествъ, которой Тальма, какъ я уже замѣнилъ выше, безъ всякаго умысла сдѣлалъ болѣе вреда, нежели Давидъ умышленно. Этопъ спилъ перешелъ и къ намъ въ Россію, разумѣется черезъ десятины руки, и нашелъ ревностныхъ своихъ послѣдователей въ Москвѣ и Петербургѣ.

Впрочемъ слабоспъ и уродливоспъ подражателей доказывають только могущество генія, спавшаго выше подражаній. Короче сказать: Тальма возвелъ трагедію классическую на такую степенъ выспы, на которой послѣ него, можеспъ быспъ, уже никто не въ состояніи будетъ поддержать ее.

Я не нахожу нужнымъ исчислять здѣсь всѣхъ частныхъ опличій Тальмы: его важной Римской фizioноміи, грозы нахмуренныхъ бровей, выразительности взгляда въ малѣйшихъ движеніяхъ, игры лица во всѣхъ оппѣнкахъ спраспей и наконецъ его благороднаго и важнаго тона, возбуждающаго невольное къ нему уваженіе въ самихъ артистахъ, его окружающихъ. Все это въ немъ спакъ совершенно, что дало поводъ къ молвѣ, будто бы самъ Наполеонъ бралъ у него

уроки для своей царственной роли. Наполеонъ дѣйствительно часто съ нимъ видался и даже сохранялъ къ нему дружбу; но эти дружественныя отношенія Императора къ артисту объясняются одною лишь признательностію перваго къ благородному безкорыстію послѣдняго; Тальма, бывши еще самъ не богатымъ, имѣлъ радушіе оказать Наполеону пособіе, когда онъ былъ еще въ чинѣ камишана, и, по прибытіи своемъ въ первый разъ въ Парижъ, находился въ спѣснительныхъ обстоятельствевахъ.

Послѣ Тальмы, изъ всѣхъ Французскихъ прагическихъ актеровъ, можно упомянуть только о Викпорѣ. *Викторъ*, бывший первымъ прагикомъ Одеона, нынѣ занимаетъ роли молодыхъ героевъ на первомъ театрѣ Французскомъ. Онъ самъ хорошій стихотворецъ и спалъ извѣстенъ одною, сочиненною имъ трагедіею. Соединеніе этихъ талантовъ и вмѣстѣ спранныя судьба его предубѣждаютъ зрителей заранѣе въ его пользу. Будучи сынъ богатыхъ родителей, онъ получилъ хорошее воспитаніе и назначаемъ былъ къ приличному роду службы. Но спрасъ къ

театру открылась въ немъ очень рано; и наконецъ до такой степени усилилась, что онъ, не смотря на угрозы отца, скрылся изъ его дома и посвящилъ себя совершенно театральному искусству. Отецъ съ своей стороны, не смотря на ходатайство друзей, не хотѣлъ просить ему этого поступка и оспаивался непреклоннымъ. Наконецъ молва о талантахъ молодого актера убѣдила его идти въ театръ во время представленія трагедіи Гамлета. Въ эту самую минуту, когда Гамлетъ является передъ урной родителя, Викторъ, вообразивъ живо собственное положеніе, своимъ плачемъ изнорготъ слезы у отца и своимъ изступленіемъ привелъ его въ ужасъ. Отецъ вскакиваетъ изъ ложи, въ которой онъ скрывался, бѣжитъ за кулисы и, обнимая сына, говоритъ ему: „Оспивайся на помъ поприщѣ, въ которому призвала тебя природа.“ Съ того времени Викторъ всегда играетъ Гамлета съ особеннымъ чувствомъ. Онъ высокаго роста; имѣетъ важную осанку; голова его Римская. Часто однимъ движеніемъ глазъ онъ выражаетъ многое; такъ въ Танкредѣ,

при имени Орбасана, очень естественъ переходъ его къ ярости, хотя онъ и не говоритъ ни слова. Въ роли Нерона (въ трагедіи *Britannicus*) онъ приближается къ Тальмъ. Съ такою же припворною покорностію слушаетъ угрозы мапери, — съ такимъ же злымъ вздохомъ начинаетъ открывать наперснику свое варварское сердце и почти такимъ же грознымъ тономъ говоритъ княжнѣ: „Иди, но знай, что Неронъ видитъ и слышитъ тебя вездѣ.“ Викторъ во многомъ подражаетъ Тальмъ, — не исключая и всѣхъ недоспашковъ его. Напр. въ пѣхъ мѣспахъ, гдѣ надобно выражать жалобу, скорбь или нѣжныя чувства, онъ пѣнетъ всегда съ такимъ воркованіемъ или съ монопоніею, какою не чуждъ и его учитель.

О г-жѣ *Дюшенуа* я говорилъ уже довольно подробно, разбирая ея представленія на Женевскомъ театрѣ. Къ чести ея можно присовокупить, что Тальма никогда безъ нея не играетъ. Съ нею очень долго соперничествовала дѣвица Жоржъ, извѣстная своею величавою красотою и осанкою. Дебюты ихъ, продолжавшіеся около года, раздѣляли

публику на разныя партіи; но Дюшенуа, не
смогши на невниманіе къ ней природы, ош-
казавшей ей въ правильномъ очерпаніи ли-
ца, наконецъ воспоржеспвовала надъ всѣми
и, такъ сказать, силою вырвала пальму
первенства у своей опасной соперницы.
Сравнивая ихъ обѣихъ, можно положишь
слѣдующее между ними различіе. Послѣ игры
Жоржъ, нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ
или картинъ остаются въ воображеніи, не
достигая глубины души; послѣ игры Дю-
шенуа, ея голосъ вездѣ васъ преслѣдуетъ,
и безъ умолку вамъ твердитъ: спрашисъ и
ты подобной судьбы: „Homo sum, humani ni-
hil a me alienum puto.“

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДИЯ.

Дѣвица Марсь. Монрозъ.

На первомъ театръ Французскомъ даются представленія попеременно, въ одинъ день трагическою труппою, въ другой комическою. Говоря о послѣдней, надобно начать и кончить почти исключительно одною дѣвицею *Марсь*. Ее можно назвать представительницею и идеаломъ Французской комедии. Вообразите женщину съ прекрасною шалію, съ пріятнымъ лицомъ, съ блестящими глазами, съ умною улыбкою, съ голосомъ сладкимъ, очаровательнымъ, съ рѣчію хорошаго, образованнаго тона, съ выраженіемъ всегда нѣжнымъ и вѣрнымъ, — такова Марсь. Она играла въ придворныхъ и гражданскъ, спару-

шекъ и шапereinъ, кокетокъ и скромницъ, всѣхъ съ равнымъ умомъ, приличіемъ и естественностію. Г-жа Марсъ удивительное существо; ей уже 45 лѣтъ, но она играетъ еще молодыхъ дѣвицъ, влюбленныхъ и даже невинныхъ, и при томъ съ прелестію, остроуміемъ и простодушіемъ, восхищающими зрителей до безумія. Объ ней - то можно сказать, что сама Талія улыбалась ей при рожденіи и сами граціи ее воспеивали и образовали.

Изъ комиковъ перваго театра Французскаго достойнъ вниманія, можешь быть, только одинъ Монрозъ. Онъ очень естественнo представляешь слугъ. Быстрые глаза его, вздернутый къверху носъ, черты лица и улыбка выражаютъ хитрость. Проворство въ движеніяхъ,—поступъ то сѣмая, то робкая,—голосъ то тихій, то напыщенный,—все въ немъ забавно. Треугольная шляпа его съ короткими крыльями никогда не перемѣняется; но онъ даетъ ей всегда разныя положенія; то надвигаетъ ее напередъ, то на бокъ, смотря по удачамъ и неудачамъ, въ которыхъ онъ находишься. За то, когда

Монрозъ является въ другихъ роляхъ, онъ уже выходящъ изъ предѣловъ естественности, и болѣе или менѣе, всегда выказываетъ тонъ и приемы своего происхожденія, какъ мѣщанинъ во дворянствѣ.

БУЛЬВАРНЫЕ И ПРОЧІЕ ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

На *театрахъ бульварныхъ* барствуетъ *Потье*. Онъ не рѣдко переходящъ изъ одного въ другой, водя всегда за собою слѣпую форму съ рогомъ изобилія. Тамъ, гдѣ Потье, всегда набиты бишкомъ и театръ и театральная касса. Кромѣ отличной игры своей, онъ имѣетъ еще даръ украшать свои роли острыми аллегоріями и импровизаціями. Опытъ

этого дара имъ случилось видѣть недавно въ одной сценѣ его съ двумя другими хорошими актерами: *Брюнетомъ* и *Одье*, въ театръ des Variétés. Кто-то изъ нихъ сбился съ роли, а суффлёръ на ту пору потерялъ изъ виду то мѣсто, которое надобно было чипанъ ему. Передъ такою неперпѣливою публикою, какъ Парижская, положеніе артистовъ было очень непріятное; но Пошье, не теряя присутствія духа, обращается къ Одье съ вопросомъ: „Чтожъ ты сповишь, какъ жень? Сполбнякъ что ли на шебя нашель?“ Одье отвѣчалъ ему серьезно: „Я жду, что скажешь мой сосѣдъ.“ Брюнетъ присовокупилъ: „Я люблю прежде думать, а потомъ говорить.“ Изъ этихъ споровъ и перекоровъ сошпавилась цѣлая вставочная сцена, исполненная мыслей и оспроствъ. Пошье, какъ умный фарсёръ, извѣстенъ всѣмъ любителямъ театра; но, можетъ быть, немногимъ извѣстенъ его драматическій талантъ, раскрытый имъ недавно въ пьесѣ *le Chiffonier*. Онъ играетъ въ ней главное лицо,—милліонщика, доведеннаго несчастіями до совершенной нищеты, снискивающаго себѣ насущный хлѣбъ самымъ

бѣднымъ промысломъ: собираніемъ вѣпошей на улицѣ, и, что всего горѣше, принужденнаго скрывать свое имя опъ собственной дочери. Въ той сценѣ, гдѣ юная дочь его, воспитывающаяся у одной сострадательной женщины, поетъ ему свой любимый романсъ: *Il n'ose pas embrasser sa fille*, и гдѣ отецъ ея, чувствуя всю тягость своего положенія, спарается казаться веселымъ и шупливымъ,—Потѣе своею двусмысленною игрою заставляешь плакать всѣхъ зрителей.

Дѣвица *Фей*, извѣстная подъ именемъ *Маленькой Леонтины*, *la Petite Leontine*, сдѣлалась уже большою. Она перешла отъ дѣтскихъ ролей къ ролямъ взрослыхъ дѣвицъ; въ послѣднихъ она мила, но въ первыхъ была неподражаема. Я видѣлъ ее за два года передъ симъ; она играла дѣвочекъ и мальчиковъ, добрыхъ и избалованныхъ, послушныхъ и упрямыхъ, смиренныхъ и шалуновъ, съ такою естественностію, которая открывала въ ней необыкновенный въ ея лѣта даръ наблюдательности.

Музыкальная Академія или *Большая Опера* всегда привлекаетъ къ себѣ толпы зрителей своими прекрасными балетами, великолѣпными декораціями, отлично устроеннымъ оркестромъ и легкостью своего зефира *Полл*, своей *Флоры Монтессю* и *Венеры Нобле*.

Колизейская Опера держится нынѣ только однимъ новымъ произведеніемъ г. Бюлье, *Бѣлою дамою*, la Dame blanche.

Театръ Водвилей примѣтно пустѣетъ и упадаетъ. Не удивительно, что это уродливое произведеніе Мома могло держаться во Франціи, гдѣ нѣтъ народныхъ пѣсень и нѣтъ музыкальнаго слуха; но удивительно и непонятно, какимъ образомъ оно могло войти въ моду въ Россіи, гдѣ каждый ребенокъ имѣетъ врожденную склонность и къ мелодіи и къ гармоніи. Какъ согласить, чтобы молодые благовоспитанные юноши и дѣвицы, знающіе хорошо Италіанскую музыку, могли слушать равнодушно эти аріетки, наполненные пошлыми остроумиями и составленные на одну и ту же погудку, повторяемую безъ складу и ладу?

О здѣшнемъ *Италіянскомъ театрѣ* нѣтъ нужды распространяться; довольно замѣтивъ, что онъ находится подъ непосредственнымъ управленіемъ самаго *Россини* и что имѣлъ своими примадоннами знаменитую *Каталани*, мадамъ *Сесси* и нашу Русскую пѣвицу г-жу *Меньвиль Фодоръ*. Нынѣ украшаетъ его собою г-жа *Паста*, отличная актриса и первая пѣвица въ Европѣ въ настоящее время. Недавно явилась на здѣшней сценѣ дѣвица *Зонпагъ*. Послѣ перваго дебюта ея въ *Цырюльникѣ Севильскомъ* журналы справедливо замѣтили сходство ея методы съ методою г-жи *Фодоръ*. Въ продолженіе втораго дебюта въ *la Donna del'l'ago* многіе начинали явно и въ слухъ возставать противъ нея; но г-жа *Зонпагъ*, которая, какъ примѣтно, сберегаетъ всегда свои силы къ концу, въ самой послѣдней аріи пріятными и быстрыми переливами своего голоса и нѣжностію выраженія присыдила своихъ хулителей и восхитила всю публику; журналы, замѣчая это, не пропустили случая присовокупить нѣсколько привѣтствій и ея красотѣ. Послѣ третьяго дебюта, въ которомъ

*

она выполнила съ блескомъ одну изъ труднѣйшихъ музыкальныхъ ролей въ *Донъ Жуанъ* Моцарта, были пылчи голоса за ея искусство и уже ни одного не слышно было противъ. Не извѣстно, оспивается ли на Ипполитанскомъ театрѣ г-жа Паспа, послѣ условій, заключенныхъ дирекціею съ дѣвицею Зонпагъ; но то неоспоримо, что послѣдняя не можетъ вполне замѣнить первой, которая только одна заслуживаетъ нынѣ титулъ царицы пѣнія. По крайней мѣрѣ между ними нѣтъ ничего общаго или не болѣе, какъ между родами искусства анакреонтическимъ и героическимъ. Зонпагъ имѣетъ голосъ высокій, пріятный и игривый, но еще не совсѣмъ твердый; при переходѣ отъ низкихъ тоновъ къ высокимъ есть у нея одинъ тонъ фальшивый; Паспа обладаетъ голосомъ обширнымъ, сильнымъ и вѣрнымъ. Первая играетъ трудностями искусства; послѣдняя сама ихъ выдумываетъ, чтобы дерзновеннымъ ихъ преодоленіемъ изумлять и поражать слушателей.

Первымъ пѣвцемъ почитается здѣсь Синьоръ Рубини, теноръ-сопрано пріятный

и нѣжный, но слабый въ сравненіи съ
спраспнымъ и пламеннымъ Давидомъ, ко-
торого послѣднюю лебединую пѣснь я слы-
шалъ за три года передъ симъ въ Вѣнѣ.

Изъ Француженокъ на Италіанскомъ
театрѣ играетъ одна только дѣвица *Cinti*,
которую мадамъ Капалани перекрестила въ
Чинти, давая симъ знанье, что подобный
талантъ есть принадлежность Италіанки
и одно только исключеніе или игра случая
во Француженкѣ. Впрочемъ *Cinti* занимаетъ
здѣсь однѣ второклассныя роли. Голосъ ея
не обширный, но чистый, ясный и ров-
ный.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Достопримѣчательныя Парижскія церкви: Notre Dame; Пантеонъ; Св. Сульпиція; Домъ инвалидовъ. Дворцы Тюльерійскій и Луврскій; Палеяоль. Частныя дома и улицы. Бульвары, переходы (passages). Базаръ. Памятники: конныя статуи Генриха IV и Людовика XIV; Вандомская колонна. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ.

Между памятниками зодчества, по древности, первенство принадлежитъ *Собору Пресвятой Дѣвы Notre-Dame*. Утверждаютъ, что первое основаніе ему положено было на развалинахъ жертвенника, который посвященъ былъ Галлами Юпитеру, Вулкану, Кастору и Поллуксу. Въ 356 году сей храмъ распространенъ королемъ Хилдебертомъ, а по нынѣшнему плану выпроенъ въ XII столѣтіи. По споронамъ фасада возвышаются

двѣ башни, а внутренность имѣетъ видъ Латинскаго креста съ 45 придѣлами. Своды храма, углообразные, поддерживаются 120 колоннами, копорыхъ капители украшены лисьями дубовыми, капустными и чертополоховыми. По стѣнамъ есть множество рѣзныхъ медальоновъ съ изображеніями добродѣтелей, пороковъ, зодіаковъ, городскихъ и сельскихъ работъ и даже нѣсколько лицъ изъ Римской міѳологіи. На южныхъ дверяхъ представленъ въ рельефѣ страшный судъ.

Базилика Святой Женевьевы, покровительницы Парижа, извѣстная подъ именемъ *Пантеона*, имѣетъ видъ Греческаго креста и состоитъ изъ трехъ главныхъ члусовъ: фасада, колоннады и огромнаго сферическаго купола, висѣщаго надъ окнами и оканчивающагося фонаремъ. Внутренность ея украшена также колоннами, позолотою, барельефами и живописью на стѣнахъ, работы *Гро* и другихъ знапильныхъ художниковъ. Подъ поломъ базилики находятся погреба съ смертными останками маршаловъ, кардиналовъ, министровъ и сенапоровъ; съ верхняго фонаря обширный и прекрасный видъ

Парижа и его окрестностей. Пантеонъ основанъ только въ прошедшемъ столѣтїи королемъ Людовикомъ XV, по плану архитектора Суффло.

Церковь Св. Сульпиція достопримѣчательна по своему великолѣпному фасаду орденовъ Дорическаго и Ионическаго, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ. По сторонамъ фасада стоятъ двѣ высокія башни съ телеграфами; одинъ изъ нихъ направленъ къ Спразбургу, другой къ Италіи.

Къ изыскнѣйшимъ и первокласснымъ произведеніямъ архитектуры Французской принадлежатъ также *Домъ инвалидовъ*, основанный Людовикомъ XIV и распространенный Наполеономъ. Два эшажа главного входа украшены колоннами ордена Дорическаго и Коринтскаго, съ фронтономъ; третій этажъ состоитъ изъ круглой колоннады Коринтской, четвертый изъ оконъ меньшаго размѣра. Надъ окнами крушой и легкій куполъ, весь вызолоченный; на немъ фонарь, оканчивающійся шпикомъ и крестомъ. Отъ основанія до креста считается 300 футовъ вышины. Внутри зданія, подъ куполомъ нахо-

дипся шесть придѣловъ и гробницы двухъ знапийшихъ Французскихъ генераловъ, Тюреня и Вобана. Лицевая сторона дома, обращенная къ Сенѣ, простирается на 102 шаза. Всѣхъ инвалидовъ помѣщается въ немъ до 7,000; для облегченія ихъ недуговъ и услажденія воспоминаній есть галлерей военныхъ картинъ, собраніе плановъ въ рельефахъ всѣхъ Французскихъ крѣпостей и библіотека, состоящая изъ 20,000 томовъ.

Между дворцами достойны примѣчанія *Тюльерійскій* и *Луврскій*. Первый, построенный въ XVI столѣтіи Капериною Медичисъ, носитъ на себѣ печать зодчества феодальныхъ временъ; онъ представляетъ странную смѣсь вкуса Греческаго съ Готическимъ. Надъ параднымъ входомъ возвышается сферическій куполъ съ развѣвающимся на немъ королевскимъ флагомъ, а по концамъ главнаго корпуса, вмѣсто башенъ, поднимаются пристройки въ родѣ нашихъ старинныхъ перемовъ съ крупными крышами. Прямо противъ подъѣзда съ лицевой стороны, стоятъ триумфальныя карусельныя воропа, сооруженныя въ 1806 году въ честь большой

арміи. Они построены по образцу арки Септимія Севера, съ тремя аркадами. На эпихъ воротахъ спояли, во время Наполеона, извѣстные Коринѣскіе кони, украшающіе нынѣ фасадъ соборной церкви Св. Марка въ Венеціи. По другую сторону дворца находится Тюльерійскій садъ, состоящій изъ цѣлой рощи, пересѣкаемой тремя аллеями и изъ нѣсколькихъ бассейновъ, украшенныхъ статуями. За садомъ лежитъ осмигранная площадь Людовика XV; на этой-то площади 30 Мая въ 1770 году празднованъ былъ бракъ Людовика XVI, бывшаго въ то время еще дофиномъ; 21 Генваря въ 1793 году онъ принялъ здѣсь мученическую смерть; въ 1814 году память его почтена была здѣсь торжественнымъ молебствіемъ союзныхъ Государей, и наконецъ здѣсь же въ нынѣшнемъ году происходилъ описанный мною выше обрядъ соприсчисленія его къ лику святыхъ. За площадью простираются *Поля Елисейскія*; главная ихъ аллея, находящаяся на одной линіи съ главной Тюльерійской, оканчивается торжественною *Аркою Звѣзды*, начатою въ 1806 году и еще недостроенною.

Луврскій Дворецъ опдѣляется опгъ Тюльерійскаго Карусельною площадью и нѣсколькими десятками домовъ вѣшкихъ, грязныхъ и нагроможденныхъ безъ всякаго плана. Дворецъ сей начашъ еще въ 1528 году Францискомъ I, на мѣсто прежде бывшаго адѣсь Голпическаго. Въ поспроеніи его участвовали многіе знашнѣйшіе архитекторы, Французскіе и Ипіаліянскіе; но сочиненіе главнаго плана его принадлежитъ Пьеру Лескопу, а рисунокъ колоннады или периспиля врачу Перолыпу (Perrault), никогда не бывшему архитекторомъ. Эпоть периспиль почищается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній новой архитектуры. Весь фасадъ дворца, простирающійся на 80 сажень ($87\frac{1}{2}$ фуазовъ) длины и имѣющій 17 сажень вышины, состоитъ изъ двухъ периспидей и прехъ аван-коровъ (avant-corps). Каждый изъ периспидей обнесенъ 12 колоннами Коринтскаго ордена, разспавленными попарно въ промежуткахъ оконъ и каждый изъ аван-коровъ украшенъ 8-ю колоннами, а средній сверхъ того и фроншономъ. Самою высочайшею точкою фроншона еспь бюспъ Людо-

вика XIV; Минерва ставитъ его на подиумъ, а Муза исторіи пишетъ внизу слѣдующія слова: *Ludovico Magno*. Весь дворецъ составляетъ правильный, огромный квадратъ, котораго всѣ стороны, какъ наружныя, такъ и обращенныя на дворъ, также украшены колоннами и фронтонами. Дворецъ эпохъ со времени Людовика XV совсѣмъ былъ заброшенъ и только при Наполеонѣ снова обратили на него вниманіе. Издержки, исчисляемыя на постройку его, неимоверны; только въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ до 1813 года употреблено на него болѣе 22,000,000 франковъ; а всего на окончательную отделку предполагалось до 50,000 000.

Дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Палероля*, по наружности своей болѣе похожъ на частный домъ, нежели на дворецъ. Онъ и дѣйствительно сначала принадлежалъ кардиналу Ришелье; но кардиналъ духовнымъ своимъ завѣщаніемъ отказалъ его королю, а король отдалъ во владѣніе герцогскаго Орлеанскаго дома. Во время революціи Палероля обращенъ былъ въ респораціи и нѣсколько времени носилъ названіе *Дворца*

равенства, Palais-égalité, которое самъ покойный герцогъ Орлеанскій далъ ему, изъ лести и потворства Парижской черни. Фасадомъ своимъ онъ выходитъ на улицу Сентъ-Оноре, а заднею стороною обращенъ къ Палерояльскому саду, отдѣляясь впрочемъ отъ него нѣсколькими рядами крытыхъ деревянныхъ лавокъ и прилавковъ, гдѣ помѣщаются и сапожники и портные и модистки и книжный магазинъ извѣстнаго книгопродавца Лавока.

Бывшій въ 1798 году пожаръ истребилъ и таинственныя, изъ древесныхъ вѣтвей составленныя гроты, спойившія кардиналу Ришелье до 300,000 франковъ, и циркъ или подземельный театръ съ окружавшими его 30 лавками. Нынѣ отъ всего прежняго сада осталось только три аллеи съ изсохшими деревьями, изрѣдка разбросанными и не дающими никакой тѣни, Но все это замѣнено постройкою вокругъ сада прехъ огромныхъ корпусовъ въ чешыре эпажа. Въ нижнемъ эпажѣ помѣщаются кофейные дома, модные магазины и лавки съ галантерейными вещами и со всѣми предметами роскоши. Подлѣ

нихъ подъ арками со всѣхъ сторонъ
нянутся галлерей, служація мѣстомъ гуль-
бища для любопытныхъ и для искателей
приключеній. Бель-этажъ занятъ рестораці-
ями, игорными домами и квартирами содер-
жащелей магазиновъ, въ верхнихъ этажахъ
живетъ всякое опребіе женскаго пола. Меж-
ду прочимъ достойны здѣсь примѣчанія ко-
фейный домъ *Мира*, de la Paix, и кофейный
или питейный домъ *Слѣпыхъ*, des Aveugles.
Въ первомъ есть театръ, въ которомъ
каждый вечеръ даются представленія безъ
нежно. Его логи и партеръ загромождены
скамейками и столами; на столахъ разстав-
лены вино, кофей, баваруазъ, мороженое и
фрукты; пестрыя группы посѣтителей и
посѣпительницъ пресыщаютъ въ одно вре-
мя всѣ чувства. Въ кофейномъ домѣ *Слѣ-
пыхъ*, въ продолженіе вечера, безпрестанно
играетъ оркестръ, составленный изъ слѣ-
пыхъ мущинъ и женщинъ. Они помѣщаются
въ подвалѣ, но игру ихъ опчаспи можно
слышать сквозь рѣшетчатое отверстіе,
выходящее въ галлерей. Сказываютъ, что
съ этимъ подваломъ имѣющъ сообщеніе какіе-

по подземельные коридоры съ грошами, исключительно посвященными оргіямъ. Такииъ образомъ гнѣвъ небесный, испребившій огнемъ одни вертепы разврата, попускаетъ существованіе другихъ, приготавливая въ нихъ, можетъ бытъ, новое наказаніе народу за замышляемое имъ вновь отступничество отъ вѣры, отъ благочинія и отъ всѣхъ связей гражданскихъ.

Убѣгая отъ сего острова Цирцей, превращающихъ людей въ звѣрей, обратимся вновь къ памятникамъ искусства и остановимъ ~~взоръ~~ нашъ на *домъ Академіи Наукъ*; сихъ благотѣлельницъ челоувѣчества, улаждающихъ насъ дома и въ странствованіи, питающихъ нашу юность и общающихъ намъ отрадную старость. Домъ сей состоитъ изъ храма съ великолѣпнымъ предѣлнѣмъ и куполомъ и изъ прилегающихъ къ нему зданій, пріятно рисующихся въ воздухѣ своими восходящими и нисходящими линіями. Остановимъ взоръ нашъ на *перемахъ Дворца Люксембургскаго* или на *Готической башни Ратуши* или на легкой, воздушной колоннадѣ вновь сооружаемой *Биржи*. Вотъ

зданіе, дѣлающее честь и архитектору Бронниарду (Brongniard) и вкусу настоящаго времени. Оно состоитъ изъ двухъ этажей, изъ которыхъ верхній назначается для коммерческаго Трибунала, а нижній для собранія негоціантовъ; въ длину имѣетъ 250, въ ширину 130 футовъ; вокругъ со всѣхъ сторонъ украшено 66 колоннами Коринтскаго ордена. Между колоннами и стѣнами, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ, идутъ кругомъ широкія галлерей. Биржа построена на вновь расчищенной площади противъ театра Комической Оперы. Впечатлѣніе, производимое ею на зрѣніе, ново и пріятно; это воздушный, сквозной павильонъ, въ которомъ нѣтъ почти совсѣмъ стѣнъ, а есть только колонны и между ними огромныя двери и окна.

Частныя дома въ Парижѣ имѣютъ самую невыгодную наружность; обыкновенно закопѣлые и высоты неровной, — большею частію отъ 5 до 9 и даже 10 этажей; иногда длинныя, иногда только въ 4 или 3 окна. Дворы обыкновенно малые, квадратныя, похожіе болѣе на колодцы, наполненные

спертымъ, зараженнымъ опъ неподвижности, воздухомъ. Улицы во всѣхъ спарыхъ часпяхъ города шакъ узки, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ возможности разѣхаться двумъ карешамъ, а иногда и одна длинная навошечья шелѣга при поворотѣ загоразиваетъ вдругъ нѣсколько улицъ. Эта пѣснопа и поспоянная пѣнь, бросаемаа домами, изъ которыхъ многіе никогда не освѣщаются солнцемъ, даетъ нѣкоторымъ улицамъ видъ каналовъ или трубъ, спроемыхъ для провода грязной воды и всякой нечистоты.

Вырываясь изъ этихъ часпей города на *булевары*, выходишь въ другую атмосферу и дышешь болѣе чистымъ воздухомъ. *Булевары* опоясываютъ городъ со спороны Сѣверной и Южной; первые простираются на 2,490 фуазовъ или 2184 сажень, послѣдніе на 3,680 фуазовъ или 3348 сажень. Они имѣютъ по споронамъ аллеи, изъ нѣсколькихъ рядовъ деревьевъ. На сѣверныхъ булеварахъ, подлѣ аллей пянупся ряды домовъ съ лавками, магазинами и великолѣпными кофейнями. Магазины, съ стеклянными дверьми, напoлнены модными издѣліями, бронзами, мебелью, фар-

форомъ, аспаннами и всѣми предметами роскоши, нашіе только промышленность и изобрѣтательность человѣческая могли выдумать. Здѣсь же находятся и театры, называемые подъ именемъ бульварныхъ. Въ аллеяхъ разбросаны прилавочки съ мѣлочными товарами, показываючися разные диковинки шарлашами и радаются звуки разныхъ музыкальных инструментовъ. Это разноцвѣтная, разногласная и никогда непрерывающаяся армонка.

Мысль замѣнить далекіе обходы по кривымъ и нечислымъ улицамъ устройствомъ переходовъ (passages) есть самая счастливая. Переходы не что иное, какъ обширные вѣридоры, крытые стеклами и вымощенные плитнякомъ, между двумя рядами магазиновъ, убранныхъ со всею роскошью вкуса. Одни изъ нихъ состоятъ изъ прямыхъ линий, какъ переходы *Панорамы*, *Монпескѣ* и *Фейдо*; другіе изъ прямыхъ и поперечныхъ, образующихъ видъ шахматъ, какъ переходъ *Большой Оперы*. Вновь отстроенный переходъ *Вигиенскій* имѣетъ крутой поворотъ подъ прямымъ угломъ, въ родѣ триугольника безъ основы;

и по срединѣ двѣ арки съ зеркальнымъ простѣякомъ. Днемъ они освѣщаются сверху сквозь стеклянную крышу, вечеромъ горящими въ магазинахъ газами. Вечеръ какъ въ Палероялѣ, такъ и въ переходахъ 'продолжается опѣ сумерокъ до 11 часовъ ночи, и во все это время движущся непрерывно впередъ и назадъ группы мужчинъ и дамъ, рисуясь въ распавленныхъ по сторонамъ зеркалахъ.

Вмѣсто испребленного пожаромъ на бульварѣ *Базара*, недавно выпроеитъ новый въ улицѣ Сенпъ-Оноре. Это естѣ огромное зданіе въ родѣ манежа, состоящее изъ двухъ отдѣленій, сообщающихся между собою двумя арками. Одно изъ нихъ имѣетъ крышу обыкновенную, другое стеклянную. Въ каждомъ изъ отдѣленій находишся по нѣскольку рядовъ лавокъ и прилавочекъ, съ разнородными, но большею частію мѣлочными товарами. Базаръ вечеромъ освѣщается газомъ, но посѣщителей и покупателей бываетъ въ немъ очень мало, вѣроятно по невыгодному его положенію, удаленному отъ бульваровъ, Продавцы жалуются, что многіе изъ нихъ

*

не могутъ выручить даже той суммы, которая употреблена ими на наемъ лавокъ и на закупку товаровъ.

Изъ публичныхъ памятниковъ я упомяну здѣсь только о важнѣйшихъ: о конныхъ статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и о Вандомской колоннѣ.

На западной оконечности острова, образуемаго рукавами Сены и сообщающагося съ берегами ея посредствомъ Нового моста (Pont-Neuf), до революціи стояло конное изваяніе Генриха IV. При началѣ волненій, народъ заспавлялъ всѣхъ проѣзжающихъ выходя изъ экипажей и поклонялся образу короля, хотѣвшаго устроить благосостояніе своихъ подданныхъ до того, чтобы каждый изъ нихъ могъ ѣсть курицу въ супѣ (la poule au pot); но въ продолженіе мятежей этотъ же народъ разрушилъ и лѣтъ обожимаго имъ государя. По возвращеніи Людовика XVIII на престолъ, онъ отдалъ повелѣніе о восстановленіи всѣхъ памятниковъ на прежнихъ ихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе этого повелѣнія и добровольныхъ пожертвованій, вылита изъ бронзы литейщи-

комъ *Лемотомбъ*, по модели *Роньера* (Rognier), и поставлена въ 1817 году на означенномъ мѣстѣ спатуя добраго короля Генриха. Въ двухъ барельефахъ, украшающихъ пьедесталь, изображены двѣ примѣчательнѣйшія эпохи въ его жизни: вшествіе его въ Парижъ и дозволеніе провозити въ него съѣстные припасы въ то время, когда онъ еще былъ въ осаждѣ.

Конь Генриха IV представленъ въ покойномъ движеніи, а конь Людовика XIV на дыбахъ и въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда сей государь, держа въ правой рукѣ свой маршальскій жезлъ, опадаетъ какое-то важное приказаніе. Эта послѣдняя спатуя вылита также изъ бронзы, по модели *Бозио*, и поставлена на площади Побѣды (Place des Victoires) въ 1822 году. Людовикъ одѣтъ въ Римскую тогу, а голова его покрыта огромнымъ парикомъ XVII столѣтія. Привычка Французовъ къ парикамъ, вышедшимъ изъ моды только со времени революціи, столько еще сильна, что они нисколько не подозреваютъ несообразности ихъ съ Римскимъ одѣяніемъ. Знакомы особенно удивляются въ

эпохи памятникъ красотъ формъ коня, соразмѣрности всѣхъ частей его и гармонической совокупности всего цѣлаго. Вся эта масса бронзы держится на двухъ заднихъ ногахъ и на хвостѣ коня. Художникъ имѣлъ здѣсь въ виду монументъ Петра I, но все это усидіе есть только слабое подражаніе неподражаемому творенію Фальконета.

Вандомская колонна, получившая свое имя отъ площади, на которой она воздвигнута, безспорно должна занимать первое мѣсто между памятниками Парижа. Подобно колоннѣ Антониновой, она вся обита барельефами, вылитыми изъ пушекъ, взятыхъ у Австрійцевъ въ продолженіе кампаніи 1805 года. Всѣхъ барельефовъ, на которыхъ изображены дѣйствія этой войны, числомъ 276, и всѣ они сплочены и расположены винпобразно, восходя съ низу въ верхъ. Колонна оканчивается галлереею и куполомъ, на которомъ развѣвается бѣлый флагъ. Въ галлереею есть входъ по внутренней лѣстницѣ. Подножіе колонны есть квадратное, и на каждой сторонѣ его представлены также въ барельефахъ профей или разнаго рода

вооруженія. Вокругъ колонны надъ подножіемъ виситъ огромный бронзовый ящичъ, поддерживаемый на всѣхъ четырехъ углахъ одноголовыми орлами. Въ сооруженіи этой колонны участвовали архитекторы Леперъ и Гондуенъ, скульпторъ Денонъ, рисовщикъ Бержеретъ, липейный мастеръ Делонга и рѣшникъ Реймондъ. Она имѣетъ, выспѣ съ подножіемъ, 155 футовъ высоты и 22 футовъ поперечникъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ размѣщается нынѣ флагъ, прежде стояла статуя Наполеонова; въ 1814 году Французы изъявляли свое желаніе замѣнить ее изваяніемъ Императора Александра, но Императоръ на это не согласился. Не знаешь, чему болѣе удивляешься въ этомъ великомъ Государѣ: необыкновенной ли умѣренности Его, какъ побѣдителя, или необыкновенной прозорливости, какъ политика, сколько хорошо знавшаго характеръ Французскаго народа. Подобную умѣренность показалъ Александръ при другихъ предложеніяхъ. Французы просили у него дозволенія назвать его именемъ одну изъ лучшихъ улицъ Парижа, идущую отъ Вандемской площади на бульвары; но

Императоръ отвѣчалъ имъ: „Пустъ она называется улицею Мира Rue de la Paix,“ и эпо имя остается при ней доселѣ. Они просили также дозволенія разрушить Аустерлицкій мостъ, построенный Наполеономъ въ память побѣды, одержанной имъ при Аустерлицѣ надъ войсками Австрійскими и Русскими; но побѣдитель Франціи отвѣчалъ: „Лучше напишите на этомъ мосту, что въ 1814 году Императоръ Александръ прошелъ по немъ съ своими войсками;“ и эпошъ высокій отвѣтъ исторія напишетъ на своихъ скрижаляхъ золотыми буквами.

Въ память пребыванія Императора Александра въ Парижѣ выбита здѣсь медаль. На лицевой ея сторонѣ изображенъ Государь въ лавровомъ вѣнкѣ; на задней сторонѣ, подъ сѣнію лавроваго дерева крылатый геній (побѣда или слава), сидя на камнѣ, пишетъ грифелемъ на доскѣ слѣдующія слова: „Séjour d'Alexandre à Paris“ (пребываніе Александра въ Парижѣ).

Достойно замѣчанія, что нынѣшній король иначе не выѣзжаетъ изъ дворца, какъ

въ сопровожденіи цѣлаго эскадрона ; между
тѣмъ какъ Императоръ Александръ въ
продолженіе своего пребыванія въ этомъ
городѣ, для него чуждомъ и за нѣсколько
недѣль или дней бывшемъ ему враждебнымъ,
являлся всегда безъ шлохранищелей и безъ
свишты, сопровождаемый одними восклицані-
ями народа, съ неперпѣніемъ желавшаго
насладиться его рѣчами и даже однимъ ли-
цезрѣніемъ? Какой рѣдкій даръ привлекалъ
къ себѣ сердца и однимъ взглядомъ обезору-
живалъ самихъ враговъ своихъ!—

ВЫПИСКА ИЗЪ ДНЕВНИКА ВЪ ПАРИЖѢ.

Роковая вѣсть о смерти Императора Александра. Жестокие морозы въ Парижѣ. Карнавалъ. Духъ настоящаго судопроизводства во Франціи. Версаль. Севрская фарфоровая фабрика. Гулянье въ Лоншанѣ. Испытаніе въ институтѣ глухонѣмыхъ. Картинная галлерей въ пользу Грекова. Балетъ: Вулкановы сѣти. Романы Наполеоновскаго гренадера въ Елисейскихъ поляхъ.

ДЕКАБРЬ, 1825 года.

Первое извѣстіе о кончинѣ Императора Александра получено было здѣсь изъ Берлина, въ двѣнадцатый день послѣ Его смерти, — наканунѣ воскресенья, въ кошорое при-гошовлялся по какому-то случаю при дворѣ балъ. Немедленно разосланы были повѣстки

объ опмѣнѣ его, и всѣхъ особы, которыя имѣюшъ приѣздъ ко двору, — въ день праздника, вмѣсто бальнаго плащя, одѣлись въ шрауръ.

Мы Русскіе узнали эту новостъ только въ воскресенье, во время обѣдни, въ Русской церкви, — и поражены были, какъ бы ударомъ грома. Миръ и тишина, водворенные Александромъ въ Европѣ, — могущество, до котораго онъ довелъ Россію, и наконецъ слава, какою благословилъ Его Небесный Промыслъ и какою никто изъ смертныхъ никогда не вѣнчался, — все это уже давно заставило насъ забыть, что онъ долженъ умереть, какъ и всякой человѣкъ; и вся эта надежда, эта вѣра наша вдругъ рушилась и разсыпалась, какъ пріятный, быстроемный сонъ.

Послѣ обѣдни я зашелъ въ одну изъ библиотекъ новоспелъ; Парижане, прошивъ обыкновенія своего, не сидѣли и не читали, а сшояли группами посреди залы, — пасмурные, задумчивые; только изрѣдка слышно было имя Александра.

Прежде всего попалась мнѣ одна изъ краснорѣчивѣйшихъ спашей, написанная Шато-брианомъ и уже оппечатавшая не помню въ какой газетѣ. Лишь только я началъ читать ее, слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Одинъ изъ Французовъ, проходя мимо меня и замѣтивъ, что я закрываюсь, спросилъ тихо: „Вы вѣрно Русскіе?“ Вы угадали, оппечатавъ я оппечатавъ. „Плачьте, продолжалъ онъ; вы имѣете причину плакать, не скрываясь; мы искренне раздѣляемъ вашу горестъ.“ Я поблагодарилъ добраго Француза, и не желая обратитъ на себя вниманіе прочихъ, немедленно оставилъ библіотеку.

По полученіи официальнаго извѣстія по-сольствомъ нашимъ о кончинѣ Императора, намъ разосланы были поспѣшь повѣстки о имѣющей быть панихидѣ. Въ назначенный часъ церковь наполнилась какъ Русскими, такъ и Французами. Она вся обитна была черными сукномъ и освѣщена тусклымъ сіяніемъ свѣчъ. Печальный обрядъ начался Литургіею. Тихое служеніе священника, унылый напѣвъ пѣвчихъ и гармоническій, превосходно выполненный шремъ голосами, кон-

церить изъ извѣстнаго списка Давидова : „Господи! скажи кончину мою и число дней моихъ,“ — все это волновало душу и разди- рало сердце. Но когда началось пѣніе самой панихиды и раздались возгласы о успокоеніи души Того, Кому въ молитвахъ своихъ мы привыкли доселѣ испрашивать благоден- ственное житіе и здравіе; тогда настала общій плачь, превратившійся наконецъ въ рыданія. Всѣ плакали, — мы о своемъ опцѣ, Французы объ одномъ изъ великодушнѣйшихъ своихъ побѣдителей и благодѣтелей.

Смерть великаго Государя заставила умолкнуть самую зависть и соединила пе- редъ Его гробомъ всѣ партіи; всѣ, — не ис- ключая и либераловъ, какъ бы опомнив- шись, отдали ему въ журналахъ послѣдній долгъ справедливости, раскаянія, призна- тельности и благословеній.

Споръ, возникшій между двумя порфи- родными Братьями, не о томъ, кто имѣетъ болѣе права на вѣнецъ Имперіи, вмѣщающій въ себѣ полсвѣта, а о томъ, кто имѣетъ болѣе права быть подданнымъ, — споръ небывалый и безпримѣрный въ лѣпопи-

сяхъ исторіи, — изумилъ Парижъ и всю Францію.

Извѣстія, получаемыя изъ Германіи и сообщаемыя въ журналахъ, наконецъ успокоили насъ совершенно и удостовѣрили, что Небесный Промыслъ, изливающій на новаго своего Помазанника дары мудрости, правосудія и мужества, скрываетъ въ этихъ дарахъ залогъ благоденствія, могущества и славы Россіи.

ЯНВАРЬ, 1826 года.

Въ первыхъ числахъ Января н. с. выпалъ здѣсь снѣгъ; въ слѣдъ за тѣмъ, въ теченіи двухъ недѣль, морозы постоянно продолжались отъ 12 до 15 градусовъ. Дома не снабжены ни печами, ни двойными стеклами; каминны ни сколько не нагреваютъ

комнатъ. Ночью, въ постели, надобно было одѣваться во крайней мѣрѣ двумя толстыми шерстяными одѣялами и закрывать ими всю голову. Къ утру, на верхнемъ одѣялѣ, отъ дыханія образовался всякой разъ ледъ.

Въ окрестностяхъ Парижа, на дорогахъ, находили замерзшія шѣла пѣшеходцевъ. Въ этой гибели виноваты не столько морозы, какъ сами жители, не принимающіе прошивъ него никакихъ предосторожностей. Они во все продолженіе осени и зимы, остаются большею частію въ однихъ серпучкахъ или курткахъ, п. е. въ томъ же плащѣ, которое носятъ весною и лѣтомъ. Это едвали въ состояніи перенести и мы Русскіе, рожденные на снѣгахъ и укрѣпленные вьюгами,—и въ особенности мы, мирные граждане Россіи. И послѣ этого Французы все еще продолжаютъ упорствовать въ мнѣніи, будто бы ихъ большая армія истреблена одними нашими морозами!

Ф Е В Р А Л Ъ.

7, 8 и 9 числа н. с. былъ *карнавалъ*. Онъ начался процессіею мясниковъ, провождавшихъ по улицѣ Сентъ-Оноре большого бѣлаго вола, распещренного разноцвѣтными лентами. Дойдя до Тюльерійскаго дворца и получивъ отъ короля даръ, они отправилась обратно съ тѣмъ же воломъ въ свои бойни. Въ продолженіе всѣхъ трехъ дней, съ 1 часа по полудни до самой ночи, всѣ бульвары и прилегающія къ нимъ улицы наполнены были народомъ и экипажами. Кареты внутри и снаружи набиты были маскированными, которые кривлялись, говорили рѣчи, пѣли, ревѣли, блеяли, мяукали.

М А Р Т Ъ.

1-го числа издатель коммерческой газеты за смѣлыя выраженія прошивъ палаты депутатовъ былъ приговоренъ просидѣть въ тюрьмѣ одинъ мѣсяцъ и заплатить штрафу 100 франковъ. Достойнъ примѣчанія духъ настоящаго судопроизводства во Франціи: смѣлыя выраженія, сказанныя прошивъ палаты депутатовъ, почишающія преступленіемъ; а шѣже самыя выраженія, сказанныя прошивъ палаты перовъ и прошивъ короля, не вмѣняющіяся даже и въ проступокъ; за нихъ не штрафуютъ, не судятъ и къ суду не зовутъ.

9-го мы были въ *Версали*, отстоящей отъ Парижа на 20 верстъ. Въ залахъ дворца и въ церкви есть прекрасныя картины Павла Веронеза и фрески Лебрюна и Лемуана; въ оперной залѣ, нѣкогда шумной и великолѣпной, нынѣ совершенное запущеніе. Въ боль-

шомъ Трианонъ показывается собраніе антиковъ и пошель знаменитой Меншенонъ. Въ маломъ Трианонъ аллея и тропы сада, прудъ, храмъ Венеры и деревенскіе домики представляютъ прекрасную картину. Въ паркѣ дворцовомъ, котораго устройство принадлежитъ знаменитому Ленотру, фонтаны съ группами Аполлона и Нептуна великолѣпны. Въ оранжереѣ есть множество столѣтнихъ деревьевъ всѣхъ частей свѣта и между прочимъ четырехъ-сотъ-лѣтнее поморанцовое дерево, извѣстное подъ именемъ *великаго Бурбона* (le grand Bourbon). Въ 1530 году, когда оно перешло въ королевскую оранжерею изъ одной частной описанной въ пазну, ему было уже болѣе 100 лѣтъ; со всѣмъ тѣмъ оно еще во всей своей красѣ и силѣ.

16-го мы ѣздили осматривать *Северскую фабрику*, въ сопровожденіи г. Одуана, профессора минералогіи въ королевскомъ ботаническомъ саду. Начиная отъ фарфоровой земли, онъ показывалъ и объяснялъ намъ всѣ процессы фабрики: фарфоровую муку, способъ ея заквашиванія, работу на станкахъ,

обжиганіе, составленіе красокъ и производство живописи. Въ магазинѣ есть одна ваза въ 27,000 франковъ; другая, на которой изображенъ Гомеръ у горшечника, въ 25,000; — претѣя круглая съ аллегорическими изображеніями органовъ чувствъ въ 20,000.

22, 23 и 24 числа было гулянье въ поляхъ Елисейскихъ и въ Лоншанѣ. Спеченіе народа большое и при ряда экипажей. Средній рядъ исключительно назначенъ для посланниковъ, для придворныхъ и для почетнаго Французскаго дворянства, такъ какъ, за сорокъ лѣтъ передъ симъ размежеваны были наши большія дороги. У насъ это размежеваніе не имѣло успѣха; наши дворяне вскорѣ принуждены были смѣшаться съ простолюдинами, оставивъ свою полосу, поросшую подорожникомъ, на приволье прогоняемымъ по дорогамъ гуртамъ; въ Парижѣ напротивъ годъ отъ году средняя линія гулянья становилась полнѣе, потому что число дворянъ умножается безпрестанно какъ возвращеніемъ во Францію эмигрантовъ, такъ и новыми производствами. Эмигрантамъ, въ вознагражденіе претерпѣнныхъ

ими во время революціи потерь, ассигнованы опть казны огромныя суммы, и сверхъ того, для большаго облегченія ихъ, удвоены и даже утроены штатны по всей арміи; такъ что, при нынѣшнемъ составѣ войска, каждое штабъ и оберъ-офицерское мѣсто занимается тремя офицерами, т. е. однимъ налицо и двумя заштабными, большею частію безъ всякихъ заслугъ и способностей, но съ полными окладами. Не нужно пояснять, какія чувства возбуждаютъ въ народѣ всѣ эти нововведенія (не исключая и геральдическаго этикета на гуляньяхъ), — столь мало согласныя съ духомъ конспиративной харпін.

30-го были мы на испытаніи учениковъ инспиритивна глухо-нѣмыхъ. Эпштъ инспиритивъ, основанный аббатомъ Де л'Эпе и распространенный достойнымъ его преемникомъ аббатомъ Сикаромъ, нынѣ находишься въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Метода ученія глухо-нѣмыхъ, будучи согласована съ главными началами психологіи, основана вся на постепенномъ и систематическомъ развитіи ихъ способностей. Обыкновенно пока-

жываюць нмъ сперва вещи, попомъ ихъ качества, употребляя и для выраженія ихъ сперва естесивенные знаки, попомъ условные. Разговариваюць съ глухо-нѣмыми посредствомъ движенія губъ, рукъ и лица. Каждой буквѣ соотвѣтствуетъ особое образованіе пальцевъ; и эти образованія или фигуры рисуются такъ быстро, что безъ привычки никакой глазъ не успѣваетъ за ними слѣдовать. Глухо-нѣмыхъ учатъ читать, писать, арифметику, закону Божію, географіи, исторіи, основаніямъ геометріи и даже метафизики. По окончаніи каждаго мѣсяца дѣлается имъ публичное испытаніе, на которомъ всѣ вопросы, предлагаемые имъ какъ отъ наставника, такъ и отъ посѣщителей, разрѣшаюцца почти всегда самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Что адѣсь нѣтъ никакого подлога, мы удостоверились вполне опѣтми ихъ на собственные наши вопросы, предложенные нами на нисѣмъ. Одинъ изъ этихъ вопросовъ заключалъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: „Какое чувство должно преимущественно одушевлять глухо-нѣмыхъ воспитанниковъ.“ По прочтеніи этихъ спровъ

вопрошаемый глухонѣмой, повидимому, сначала очень затруднился. На лицѣ и въ глазахъ его видны были все усиліе и работа ума. Потомъ вдругъ лице его прояснилось; онъ схватилъ перо и началъ писать на доскѣ: „C'est celui de la reconnaissance aux grands „hommes qui sont parvenus à nous rendre à la „société et à nous donner une majestueuse idée „de l'Être Suprême etc...“ „Чувство признательности къ тѣмъ великимъ людямъ, которые своими усиліями возвратили насъ обществу и дали намъ величественное понятие о Существѣ Высочайшемъ и пр...“ Признаюсь, читая эту столь умилительную описку, вылившійся прямо изъ чистаго и невиннаго сердца, я не могъ удержаться отъ слезъ; тоже самое дѣйствіе онъ произвелъ почти и на всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ сего испытанія мы осматривали шокарныя и разныя механическія издѣлія глухонѣмыхъ: ибо, по уставу инспитута, каждый глухонѣмый обязанъ еще учиться шокарному искусству и какому нибудь ремеслу, по собственному его выбору, для обезпеченія будущаго своего состоянія.

М А Й

Въ пользу Грековъ открыта особая картинная галлерей, состоящая большею частью изъ новыхъ произведеній Французской школы. Въ ней между прочимъ выставлена новая картина Давидова, представляющая прехъ Грацій; Граціи вѣроятно писаны съ натуры Голландокъ, но съ натуры грубой и тяжелой.

Въ *Панорамѣ* нынѣ показывается прекрасный видъ Ріо-Джанейро; въ *Косморамѣ* виды Термопилъ, Аэона, Аѳинъ и Миссолунги; въ *Диорамѣ* окрестности Парижа и развалины или внушенность монастыря Сент - Вадриля; оба сіи вида, изъ которыхъ послѣдній оживленъ движеніемъ листьевъ на деревьяхъ и порывами вѣтра, суть произведенія художника Буфона. Для рѣзкости кспати упомянушь здѣсь и о *Жеорамѣ* или Георамѣ. Это въ большомъ размѣрѣ ландшафты, обращенныя

лицемъ къ центру земному, занимаемому обыкновенно зрительмъ.

Новый балетъ *Вулкановы* същи начинаешся рожденіемъ Венеры. Въ ту минуту, какъ она является изъ морской пѣны, приходишь въ движеніе цѣлая вселенная. Боги Олимпа, земли, океана и даже шаршара, всѣ съѣшашь видѣшь небывалое въ мірѣ чудо: богиню красоты. Эпизодъ минута торжественна; дѣйствіе машинъ столь многосложно, и вмѣстѣ столь быстро, чисто и исправно, что глаза разбѣгаются невольно, съ верху въ низъ, съ низу то въ одну, то въ другую сторону. Главная декорация этой сцены или мѣсто дѣйствія списано съ Женевского озера и его окрестностей; художникъ опчаспи правъ, потому что видъ сего озера такъ прекрасенъ и величественъ, что едвали можно замѣнить его какимъ либо фантасматическимъ. Вулкановы кузнецы, Олимпъ съ богами и сонъ также превосходно представлены. Дѣвица Нобле играетъ Венеру, Монпессю Флору, Жюлія Терпсихору, шанцовщикъ Поль Зефира. Декорации этого балета стоили 180,000 франковъ; но онѣ скоро окупятся;

охотниковъ видѣшь выходящую изъ пѣны Венеру такъ много, что, несмотря на безпрерывныя представленія, недостаешь бжлешовъ.

І Ю Н Ъ.

Теперь (лѣпомъ) всѣ гуляютъ въ Ботаническомъ саду, въ Тиволи, въ предмѣстіяхъ, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Болонскомъ лѣсу и другихъ окрестностяхъ. Все ищетъ свою прелесть на своемъ только мѣстѣ и въ свое время; лѣпомъ я люблю лучше проводить вечера въ поляхъ Елисейскихъ, нежели въ театрахъ, и слушаю лучше романсы Французскіе, нежели серенады бродящихъ пѣвцевъ и пѣвицъ Заальпійскихъ. Эти серенады увлекаютъ подъ роскошное небо Италіи; а я хочу спать здѣсь, подъ густыми вѣтвями каштановыхъ деревьевъ, чтобы видѣшь, передъ собою природу дѣй-

спивительную: Парижанъ и Парижанокъ, вупцовъ, чиновниковъ, воиновъ и эту руну Наполеоновой гвардіи,—высокаго, смуглаго и усаспата вешерана. Вотъ онъ открываетъ свои сѣдины, кладетъ фуражку къ ногамъ и густымъ дрожащимъ басомъ начинаетъ пѣть о своихъ походахъ, о битвахъ, о ранахъ и судьбѣ, его постигнувшей; побѣда его оставила; опечесство его опвергло; любовь и дружба ему измѣнили; онъ оспался безъ крова, безъ приюта. Таково содержаніе романсовъ одного спараго гренадера, собирающаго вокругъ себя толпы въ поляхъ Елисейскихъ. Не мое дѣло судить, хорошо или худо дѣлаетъ правительсво Французское, оставляя безъ призранія всѣхъ, уцѣлѣвшихъ опрѣ Наполеоновыхъ армій, вешерановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они, по преданности своей къ Наполеону и его фамиліи, не могутъ быть вѣрными королю ни въ какой службѣ: но съ другой стороны нельзя не предвидѣть, что рано или поздно жалобныя ихъ пѣсни найдутъ отголосокъ во многихъ сердцахъ.

ЛОНДОНЪ, 1826 года *Июль*...

АНГЛІЙСКИЙ таможенный уставъ. Устройство diligenciov и дорогъ. Видъ Лондона. Прогулка по Лондону. Пространство его и населенность. Два противоположныя начала въ государственномъ управленіи. Монополія помѣщиковъ. Тщеславіе и скупость богачей. Страсть Англичанъ выказывать себя чужаками. Направленіе просвѣщенія въ Англіи. Успѣхи въ механическихъ художествахъ. Моды Англійскихъ дамъ, дѣвицъ и мушкетъ. Опрятность въ платьѣ, въ содержаніи домовъ и улицъ.

Утомленный и почти измученный впечатлѣніями предметовъ хорошихъ и худыхъ, полезныхъ и вредныхъ, пріятныхъ и безобразныхъ, — всего того, чѣмъ можешь служить свѣтомъ для ума, образцомъ для вкуса и предостереженіемъ или урокомъ для жизни, — наконецъ я оставилъ Парижъ 2 Іюля, въ особенно веселомъ расположеніи духа. Общесво наше въ diligenciov примѣрно ладило; и, можешь быть, именно отъ того, что оно составлено было изъ стихій, опредѣленно одна другой противоположающихся. Изъ легкаго,

какъ воздухъ, Француза, изъ холоднаго, какъ вода, Англичанина, изъ тяжелаго сына земли—Нѣмца и изъ пламеннаго, какъ огонь, Русскаго. Мы всѣ отправлялись въ Лондонъ, исключая Нѣмца. „Я не люблю моря“, сказалъ послѣдній, расставаясь съ нами въ Булони; Англичанинъ, перекрестивъ его, прочиталъ прощально: „Земля еси и въ землю пойдешь.“

Въ *Кале*, до котораго отъ Парижа считается 260 верстъ и 32 почты, мы пріѣхали 3 числа въ 6 часовъ вечера. На другой день, въ 8 часовъ утра, мы отправились на пароходъ и черезъ 2½ часа были уже въ *Дувръ*. Здѣсь съ самаго начала дали мнѣ почувствовать, что я нахожусь въ такой странѣ, гдѣ право ѣсть, пить, читать и даже дышать цѣнились вѣсомъ золота. Лишь только я успѣлъ расплашиться въ гостиницѣ и пошвился сѣсть въ дилижансъ, мнѣ подали изъ шаможни записку, кою порою пребывалось съ меня около 20 шиллинговъ за право ввоза книгъ, бывшихъ въ моемъ чемоданѣ. Я не имѣлъ нужды въ этихъ книгахъ и предлагалъ оставить ихъ въ шаможнѣ до моего

возвращенія изъ Лондона, но мнѣ оповѣтали, что означенная сумма уже внесена въ приходную таможенную книгу. Существуетъ ли въ Англіи законъ навязывать путешественникамъ подобныя права пропивъ ихъ воли, или штрафовать ихъ за незнаніе Англійскихъ законовъ, не предвзявъ о ихъ существованіи, — разбирашь было поздно; дилижансъ уже споялъ на дорогѣ.

Отъ Дувра до Лондона счищается спанцій 10, Англійскихъ миль 71, что равняется 106½ нашимъ верстамъ. На счетъ устройсва дилижансовъ нельзя не отдать справедливости Англичанамъ: карета покойная и легкая; лошади сѣдлавыя; сбруя красивая; ѣзда скорая; на перемѣну лошадей употребляется не болѣе двухъ или пяти минутъ. Дорога, не булыжникомъ покрытая и укашываемая экипажами, какъ во Франціи и Германіи, а уже укашанная и гладкая, какъ шокъ, идетъ по возвышенностямъ и равнинамъ, по полямъ, оплочно воздѣланнымъ, — мимо фермъ, украшенныхъ садами, — черезъ города Кеншербури, Рочесперь и наконецъ по берегу Темзы, одушевленной движеніемъ кораблей, бѣгу-

щихъ въ верхъ и въ низъ на распущенныхъ парусахъ, подъ разноцвѣтными флагами.

Мы приѣхали въ Лондонъ 5 числа въ 6 часовъ утра, когда правый берегъ Темзы, низкій и ровный еще покрытъ былъ туманами, а весь лѣвый, уже облипый лучами восходящаго солнца, представлялъ песструю, сплошную и безконечную полосу зданій, простирающуюся отъ запада къ востоку и восходящую отъ рѣки къ сѣверу. Надъ этимъ амфитеатромъ господствуютъ великолѣпный соборъ Святаго Павла, монументъ, крѣпость и около 30 храмовъ съ шпицами, похожими на стрѣлы, устремленные къ небу.

Устроивъ мою кварширу во Французской гостинницѣ Жонне (de Jaunay) на Лейчестерской площади (Leicester-square), прежде всего я хотѣлъ ознакомиться съ наружностию Брипанской столицы и ея жителей. Этому бѣглый взглядъ на города въ сущности своей есть только первый актъ полного зрѣлища; но, подобно многимъ путешественникамъ, не имѣя средствъ и времени слѣдовать за полнымъ ходомъ драмы, я довольствуюсь однимъ ея началомъ; полагая, что

на театрѣ политическомъ, какъ и во всѣхъ художественныхъ, можно по первымъ сценамъ составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе объ общихъ чертахъ главныхъ актеровъ.

Лондонъ можно раздѣлить на пять главныхъ частей, отличающихся межд. собою наружностію, составомъ и назначеніемъ. Первою изъ нихъ назовемъ самую верхнюю по положенію рѣки, — *Вестминстерскую*. Она состоитъ изъ старыхъ излучистыхъ улицъ, окруженныхъ обширными пустырями, и заключающихъ въ себѣ общ. камеры парламента, большую часть присутственныхъ мѣстъ и контору для иностранцевъ Alien-office. Впослѣдствіи, простирающаяся отъ Вестминстерской на сѣверъ и отъ всѣхъ прочихъ на западъ, известна подъ именемъ *Западной* West end. Въ ней находятся Сентъ-Джемскій и другіе дворцы, дома посланниковъ, лордовъ и богатыхъ негоціантовъ, театры и модные магазины. Она окружена парками и имѣетъ много площадей съ садами (Squares); положеніе улицъ довольно правильное. *Улица Регента* съ превосходною мостовою и широ-

кими прошеуарами есть одна изъ первыхъ въ Лондонѣ; а полукруглый поворотъ ея или такъ называемый Quadrant, состоящій изъ 140 огромныхъ липыхъ колоннъ, составляющій единственную въ своемъ родѣ колоннаду во всей Европѣ. Третья часть города, извѣстная собственно подъ именемъ *City* или городища, проспирася отъ Веспингстерской, внизъ по теченію Темзы, до башни или древней Лондонской крѣпости Tower of London. Эту часть можно назвать мѣстомъ склады всѣхъ предметовъ внутренней и внѣшней торговли. Промышленность и дѣятельность купечества кипятъ въ ней съ утра до вечера. Въ знаменитой ея биржѣ, можно сказать, продаются съ молошья всѣ близкія и отдаленныя части свѣта, не исключая и Англіи. Вблизи биржи находящіяся Англійскій банкъ, всѣ частныя банки и магазины. Главнѣйшія улицы Strand, Fleet и другія, проходящія мимо великолѣпнѣйшаго храма Св. Павла, составляютъ непрерывную цѣпь блестящихъ и роскошныхъ лавокъ, на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Четвертая и, по теченію Темзы, самая низкая

часть города вся покрыва лѣсомъ кораблей. Она заключаетъ въ себѣ, на пространствѣ чепырехъ миль длины, приспань Лондонскую, бассейны или доки (docks) Вест-Индскій, Лондонскій и Остъ-Индскій, въ кошорыхъ корабли непрерывно выгружаются, починиваются и снова нагружаются. Пятая часть *Southwark* и весь южный берегъ Темзы загромождены фабриками желѣзо-плавильными, стекляными, мыловарными, красильными, шляпными и п. п. Улицы ея грязны; воздухъ зараженъ срадомъ. Надъ домами носятся вѣчныя облака дыма. Противуположная сей послѣдней, вновь спроющаяся на сѣверѣ, есть самая красивая и самая здоровая часть города. Она вся состоитъ изъ квадратовъ, образующихъ родъ шахматъ и пересѣкается двумя улицами, идущими во всю длину ея отъ запада къ востоку *Паддингтоноуи* и *Оксфортскою*, соединяющеюся съ *Гольборноуи*. Регенпозъ циркъ и паркъ вдаются въ нее заливомъ со стороны сѣвера; на приличныхъ разстояніяхъ устроены квадратныя и круглыя скверы или площади съ садами. Сады обыкновенно обнесены же-

Часть IV. 11

лѣзною вызолоченною рѣшеткою и украшенны внутри или памянниками или проспектами. Улицы всѣ правильныя, широкія, съ кирпичными пропугарами; дома выпроены изъ кирпича и некрашеные; кирпичный цвѣтъ съ клѣпчатыми фигурами даетъ имъ видъ Гошическій.

Самая большая длина Лондона отъ запада къ востоку простирается на $7\frac{1}{2}$ миль, ширина отъ сѣвера къ югу на 5 миль; въ окружности имѣетъ онъ около 30 миль; а въ площади до 18 квадрашныхъ миль, включая въ это отъ счетъ и русло Темзы, занимающей 7 миль въ длину и около $\frac{1}{4}$ мили въ ширину.

По исчисленію г. Лейга (Leigh), автора книги *Nouveau tableau de Londres*, Лондонъ содержитъ нынѣ 70 скверъ, 8,000 улицъ и переулковъ, 160,000 домовъ, 1,100,000 жителей и около 200,000 гостей инородныхъ и иностранцевъ (*).

Изъ всѣхъ этихъ цифръ видно, что своимъ пространствомъ Лондонъ не уступаетъ

(*) По вѣдомостямъ 1831 года Лондонъ имѣетъ 174,000 домовъ и 1,474,000 жителей.

даже Москвѣ, — по народонаселенію, превышаетъ болѣе, нежели прешью, Парижъ, — по движенію торговли, можно назвать его всемірнымъ базаромъ, — гаванью Европы, имѣющею прямыя сношенія со всѣми частями свѣта.

Въ мірѣ политическомъ, какъ и въ нравственномъ, есть два начала: доброе и злое. Въ первомъ скрывается источникъ благоденствія, во второмъ источникъ злополучія народовъ. Первое состоитъ въ строгой, безкорыстной подчиненности; второе въ безусловномъ, мнимомъ равенствѣ или братствѣ. Тамъ, гдѣ есть подчиненность, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и непрерывное звено порядка гражданскаго и личной безопасности или свободы; подчиненный въ одно и то же время покоряется высшимъ; закономъ поставленнымъ, властямъ и самъ властвуетъ по закону надъ низшими; онъ всегда подъ эгидою однихъ и служитъ щипомъ для другихъ. Тамъ, гдѣ ищутъ мнимаго равенства или братства, недоросли братья, не имѣющіе надъ собою никакой опеки, не имѣющіе и никакого ручательства ни въ своей

*

собственности, ни в своей жизни. Они безпрестанно мѣряются между собою силами и никто изъ нихъ не знаетъ, что сулитъ имъ завтрашній день: минное господство или неволю, цѣпи и эшафотъ.

Англичане держатся обоихъ началъ: безусловная подчиненность на флотѣ дала имъ первенство надъ всѣми народами на моряхъ; равенство правъ произвело въ Англіи вѣчную борьбу между классомъ рабочимъ и хозяевами, между производителями и непробитыми.

Преобладаніе силы порождаетъ насилие. Въ Азіи малое число деспотовъ, недовольствуясь лишеніемъ личныхъ правъ большинства числа ихъ рабовъ, опнииаешъ у нихъ плоть, кровь и кости отъ костей, — ихъ женъ, невестъ и дочерей; отъ того на одной сторонѣ гаремы и многоженство, на другой жизнь анахоретская, скитальческая. Въ Англіи нѣсколько тысячъ владѣльцевъ размежевали между собою всѣ земли и урочища, и нѣсколько сотенъ капиталистовъ завладѣли всѣми грудами сокровищъ, оставивъ всѣхъ прочихъ безъ домовъ, безъ недви-

жиной собственности и даже безъ средствъ существованія. Спрасъ, прихоти и нужда произвели въ Англичанахъ общую, неутолимую жажду къ золоту, замѣнившую у нихъ всѣ благородныя порывы чести и доблестей гражданскихъ; золото сдѣлалось для всѣхъ первою потребностію жизни, первымъ пиломъ обществу, первымъ идоломъ ихъ върованія; всѣ поклонились золотому тельцу.

Изобиліе Англійскихъ богачей почти всегда сопровождается ихъ тщеславіемъ или скупосцію. Тщеславіе есть слабосъ лордовъ, владѣльцевъ помѣстій; они щедрыми руками сыплютъ золото, споль легко добытое ими опъ отдаваемыхъ въ наемъ полей и угодій. Скупосъ есть недугъ капиталистовъ, пріобрѣтающихъ сокровища трудами рукъ своихъ или неусыпною работою ума своего. Можешъ бышъ, ни у одного образованнаго народа нельзя найти такихъ образцовъ скупоски, какіе встрѣчаются въ Англіи. Здѣсь не рѣдки случаи, что богачи миліонщики играютъ роль нищихъ во всю жизнь свою, испощая себя голодомъ и холодомъ, единственно для того,

чтобы не имѣть несчастія видѣть почтеными свои полные сундуки или чтобы эною ролью опвесити опъ себя зоркіе глаза мошенниковъ и воровъ.

Нигдѣ нѣтъ такого множества чудаконъ какъ между Англичанами; но нельзя не примѣтити, что большая часть ихъ странностей происходитъ не столько опъ ихъ флегматическаго сложенія, сколько опъ мѣлочнаго желанія обращать на себя вниманіе другихъ. Когда мнѣ случалось встрѣчать, — а встрѣчи эти не рѣдки на твердой землѣ, и особливо въ Швейцаріи и Италіи, — двухъ идущихъ рядомъ дженплеменовъ, одного въ длинномъ фракѣ съ короткимъ лифомъ, въ шапашныхъ шароварахъ, и въ низенькой дѣтской шляпкѣ, — другаго въ нарядѣ жокея, въ сапогахъ съ опворотами и въ шляпѣ длиннополой, имѣющей по крайней мѣрѣ около аршина въ поперешникѣ; мнѣ всегда приходило на память изрѣченіе Греческаго философа: „Сквозъ эти лохмотья ваши я вижу ваше тщеславіе.“

Ходъ просвѣщенія въ Англіи соразмѣряется съ господствующею страстію Англичанъ

къ приобрѣшеніямъ. У нихъ науки не цѣль духовная, а только средства жизни матеріальной; и отъ того ихъ умственичныя способности не достигли ни въ чемъ такого развитія, какъ въ химіи, математицѣ и механикѣ. Химія открыла имъ способы составлять самыя прочныя краски для ихъ издѣлій, замѣнявъ горючія вещества газами, превращая неблагородныя металлы въ благородныя. Математика приучила ихъ умъ къ смѣшивости, гибкости и дальновидности, столь необходимымъ въ коммерческихъ оборотахъ; механика открыла имъ тайну замѣнять тысячи рукъ и часовъ одною машиною и нѣсколькими минушами. Въ механическихъ художествахъ ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ соперничать съ Англичанами. Самыя швердыя вещества падаютъ на ихъ машинахъ, какъ воскъ; самыя грубыя становяпся нѣжными; наши пенья и лень превращаются въ тончайшія полотна и башмачи, вѣпоши въ воздушную бумагу, пепелъ и песокъ въ хрустальное стекло, стекло въ пенку и лень. Я имѣю мошокъ этого льна, похожаго на паушину и блестящаго,

сдѣланнаго при мнѣ въ нистерской г. Фанна (въ Регеншовой улицѣ). Самые простые снаряды, — мѣхъ и шруба или насосъ, направляющъ огонь ночника на стекло, расширявающъ его въ нѣсколько минутъ и дающъ формы мѣжнѣйшихъ пшницъ и расщѣпъ, со всѣми оплывами цвѣтовъ, жилокъ и плевъ.

Во Франціи и Россіи самымъ ремесламъ стараются дать назначеніе изящно-художественное, напр. Гобеленовымъ тканьямъ: въ Англіи напрошивъ изыскиваютъ способы производить живопись и рисованіе посредствомъ машинъ; въ Лондонѣ есть автоматы-художники, весьма вѣрно снимающіе абрисы со всякаго лица.

Нигдѣ съ такимъ искусствомъ не поддѣлываютъ зубовъ, глазъ и другихъ пошеряныхъ частей тѣла, какъ въ Англіи. Извѣстенъ анекдотъ, какъ одинъ путешественникъ, возвращавшійся изъ Лондона, остановясь въ гостиницѣ и ложась въ постель, приказалъ служишело гостиницы опвинишъ ему сперва ногу, потомъ руку и наконецъ, зашпивъ испугъ служишеля и желая надъ нимъ еще болѣе позабавишъ,

сказалъ: „Ну! теперь опиши мнѣ голову;“ и простидушный слуга, принимая его за дьявола и ограждая себя крестомъ, ни живъ ни мертвъ опъ него скрылся.

Англичанки, какъ и всѣ женщины въ Европѣ,—ревностныя жрицы моды; но въ ихъ нарядахъ примѣтно болѣе прихотей, нежели вкуса. Было время, — и оно еще у всѣхъ въ памяти, — когда знатныя дамы въ Англіи носили платье газовое, все прозрачное и сквозное; нынѣ, какъ бы послѣ общей повальной простуды, онѣ всѣ закушались по самую шею въ непроницаемыя, ситцевыя или шелковыя ткани. Прибавьте къ этому длинныя ихъ лифы, уродливыя на грудяхъ нашивки узенькія шляпки съ опущенными по бокамъ полями и въ заключеніе всего этаго мѣдныя и высокія вершка въ два подножки, копоры въ сухую погоду онѣ носятъ въ рукахъ, а въ сырую подвязываютъ къ башмакамъ: вотъ обыкновенный костюмъ Лондонскихъ дамъ среднего класса, а опчасп и высшаго.

Дѣвицъ здѣсь держатъ по крайней мѣрѣ до 16 года въ бѣлыхъ фаршукахъ, какіе употребляютъ у насъ въ пансіонахъ; а съ это-

го времени ихъ одежда почти ни чѣмъ не отличалась отъ одежды замужнихъ, не исключая и нашивныхъ на грудяхъ сосковъ, столь рѣзко противурѣчащихъ цѣломудрію, скромности и приличіямъ ихъ возраста. Одна только уборка волосъ ихъ проста и прелестна; они обыкновенно завиваются въ локоны, рассыпающіеся вокругъ алебастровой шеи.

Въ мужескомъ полѣ надобно отличать негочипсовъ отъ дженплеменовъ; первые малымъ чѣмъ разнятся отъ прочихъ Европейцевъ, послѣдніе всегда имѣютъ на себѣ или въ себѣ что нибудь особое; ихъ легко можно распознать по огромнымъ въ четверть аршина вышины галстукамъ, по длиннымъ лифамъ кафтановъ, — по выгнутому фертикомъ рукамъ, зашитымъ въ карманы или, какъ говорятъ у насъ, въ зимнія кварширы, — и особенно по разсѣянной ихъ физиономіи и вѣчно открытому рту.

Хороши или худы костюмы Англичанъ и Англичановъ, но они принадлежатъ ихъ народу, согласованы съ ихъ климатомъ и обычаями или по крайней мѣрѣ производятся ихъ изобрѣтательностію. Эта черта не

есть одно слѣдствіе безвкусія, какъ у насъ обыкновенно думаютъ; но, можешь быть, и плодъ благородной гордости и неуклончиваго характера.

Опрятность Англичанъ, доходящая до щегольства и даже до тщеславія, въ Лондонѣ бросается въ глаза на каждомъ шагѣ. Она видна въ ихъ платьѣ, въ сполѣ, въ убранствѣ домовъ и даже въ содержаніи улицъ. Рубашки и споловое бѣлье перемѣняется ежедневно; комнашы убираются каждое утро; внутри покоевъ и на лѣспницахъ разосланы богатые ковры; двери на улицу изъ дубоваго или краснаго дерева съ мѣдными или бронзовыми ручками; передъ дверьми прошуары въ сырую погоду усыпаны пескомъ; улицы въ жаркіе дни поливаются непрерывно. Доспойно замѣчанія, что въ Лондонѣ, гдѣ считается 174,000 домовъ, во всѣ дома посредствомъ подземныхъ каналовъ проведена вода изъ Темзы и изъ каналовъ и въ каждомъ домѣ, какъ въ кухняхъ, спроюющихся обыкновенно въ подвалахъ, такъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно, есть краны, дающіе чистую воду.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНА.

СОВОРЪ Св. ПАВЛА. КОНЦЕРТЫ ВЪ СОВОРѢ. ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО. ПЛАТА ВЪ ЦЕРКВАХЪ ЗА МѢСТА. КРЕПОСТЬ ТАУЭРЪ; КРОВАВАЯ МАШИНА; Jewel office. ДОКИ ДЛЯ КОРАБЛЕЙ. КОЛОННА ВЪ ПАМЯТЬ ПОЖАРА 1666 ГОДА: ПАМЯТНИКИ ВАТЕРЛОСКОЙ ПОБѢДЫ. ВОКСАЛЪ. ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ ВЪ ГРИНВИЧѢ И ЧЕЛСѢ.

Здѣшній *Соборъ Св. Павла*, по красотѣ Греческаго стиля, почищается первымъ храмомъ послѣ Римской церкви Св. Петра. Онъ построенъ въ началѣ прошедшаго столѣтiя архитекторомъ Христофоромъ Реномъ на мѣстѣ прежняго Готическаго, разрушеннаго пожаромъ въ 1666 году; и простирается въ длину на 500 фузовъ, въ ширину на 285, въ вышину на 340. Съ 1790 года внутренность храма украшена многими

памятниками, сооруженными въ честь зна-
менимыхъ мужей. Примѣчательнѣйшій изъ
памятниковъ принадлежитъ адмиралу *Нель-
сону*. Онъ предсавленъ въ Турецкой шубѣ,
опирающимся на якорь. Съ одной стороны
Англія показывается его двумъ молодымъ
морьякамъ; съ другой стоитъ Англійскій
левъ; на подножіи начертаны слѣдующіе
при слова: *Копенгагенъ, Нилъ, Трафальгаръ*.
Во время богослуженія, которое оканчивается
здѣсь въ 9 часовъ утра и въ 3 часа по
полудни, хоры пѣвчихъ привлекаютъ своими
концертами множество народа. Въ Маѣ мѣ-
сяцѣ, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго
званія, дается въ соборѣ большой концертъ,
въ которомъ участвуютъ лучшіе артисты
духовные и свѣтскіе, и между прочимъ хоры
Вестминстерскаго аббатства и придворные.
Сверхъ сего въ Іюні, отъ 6 до 8 тысячъ
дѣтей изъ приходскихъ училищъ даютъ во-
кальный концертъ, въ пользу бѣдныхъ.

Полагаютъ, что древняя церковь Св.
Павла и церковь Св. Петра, нынѣ извѣст-
ная подъ именемъ Вестминстерскаго аббат-
ства, были первыя изъ Христіанскихъ хра-

мовъ, воздвигнутыхъ въ Британіи во время владычества Римскаго. Догадка сія подтверждается опкрытою, при рытіи фундамента нынѣшняго Павловскаго Собора, древнею ризницею или дарохранилищею *Presbyterium*, образующею полукруглое зданіе.

Вестминстерское аббатство многократно строилось, разрушалось и возобновлялось. Нынѣшнею пышностію Готическихъ своихъ украшеній оно обязано зодчему Рену. Это узорчатый каменный шатеръ, прицѣпленный къ двумъ башнямъ и поддерживаемый внутри 48 колоннами изъ сѣраго мрамора и прекраснымъ портикомъ, который Англичане называютъ Соломоновыми вратами. Аббатство имѣетъ много придѣловъ; изъ нихъ примѣчательнѣйшій есть *Генриха VII*. Каменный пополокъ его обремененъ различными изображеніями, стѣны украшены тонкою деревянною рѣзбою, полъ вымощенъ бѣлымъ и чернымъ мраморомъ. Въ этомъ придѣлѣ, назначенномъ исключительно для погребенія королевскихъ фамилій, находятся гробницы Генриха VII, королевы Елисаветы,

Эдуарда V, брата его Ричарда и Маргариты Дюглась.

Одинъ изъ приѣловъ посвященъ преимущественно поэтамъ *The Poets' corner*. Между памятниками его занимаетъ первое мѣсто гробница Шекспирова съ его изображеніемъ, держащимъ въ рукѣ свитокъ собственныхъ его стиховъ; на подножіи представлены главные лица его трагедій: Генрихъ V, Ричардъ III и королева Елисавета.

Въ зданіяхъ, принадлежащихъ аббатству, примѣчательна комната, называемая Іерусалимскою *Jerusalem chamber*, въ которой скончался Генрихъ VII. Ему предсказано было, что онъ умретъ въ Іерусалимѣ.

Всѣхъ церквей и каплицъ въ Лондонѣ: Англійскихъ болѣе 100, квакерскихъ 6, около 200 диссидентскихъ и 5 синагогъ.

О Лондонѣ тоже можно сказать, что говорили о древнемъ Римѣ: *omnia venalia!*... (все продажно). Мѣста въ церквахъ нанимаются въ годъ и по шрепямъ, также какъ и въ театрахъ; просто за входъ въ Веспминстерское аббатство платится одинъ шиллингъ и пять пенсовъ; а за входъ въ со-

боръ Св. Павла, въ его библіотеку, въ верхнюю галлерей и колокольню, — всего около 4 шиллинговъ, т. е. около пяти рублей.

Лондонская крѣпость *Tauэръ* (*Tower of London*) стоитъ на сѣверномъ берегу Темзы, въ самой нижней части города. По шремъ золопыимъ медалямъ и другимъ аншикамъ, откерышымъ при рышій ея фундаменша, нѣкопорые изъ аншикваріевъ заключають, что здѣсь была прежде крѣпость Римская. Нынѣшнія стѣны успавлены пушками и обведены ровомъ, но, по вычисленіямъ инженеровъ, онѣ могушъ держаться пропиевъ канонады непріятельской не болѣе чешверти часа. Тауэръ имѣетъ тройные ворота; они отворяются и зашворяются ежедневно съ болѣшею церемонією, для копорой содержипся нарочно довольно значительный шпашъ.

Одна изъ здѣшнихъ башенъ называется кровавою the Bloody Tower; полагають, что въ ней умерщвлены малолѣтний Эдуардъ V и братъ его Ричардъ, по повелѣнію дяди и опекуна ихъ герцога Глочестерскаго, завладѣвшаго послѣ ихъ смерти престономъ.

Jewel office есть небольшая темная комната, въ которой хранятся королевская утварь; какъ-то короны, державы, скипетры и пр. Она освѣщается только небольшою люспрою, производящею игру въ алмазахъ и другихъ драгоцѣнныхъ камняхъ. За входъ въ нее платится около 5 шиллинговъ.

Нѣсколько ниже крѣпости находящся бассейны или доки (docks): *Вестъ-Индскій* для 300 кораблей, *Лондонскій* для 500 и *Остъ-Индскій*, исключительно для судовъ, прибывающихъ изъ Восточной Индіи (*). Товары обыкновенно выгружаются посредствомъ желѣзныхъ блоковъ и переносятся въ близъ лежащіе магазины. Лѣсъ корабельныхъ мачтъ, движеніе машинъ, шумъ и гамъ работниковъ свидѣтельствуютъ о необычайной торговой дѣятельности.

Нѣсколько выше крѣпости, противъ Лондонскаго моста, господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ Дорическая колонна (*the Monument*), сооруженная по проекту Христофора Рена въ воспоминаніе о пожарѣ, истребившемъ Лондонъ въ 1666 году. Колонна эта считается высочайшею въ цѣломъ мірѣ;

(*) Въ 1829 году открыты еще Екатерининскіе доки.

потому что она поднимается на 202 фута высоты, между тѣмъ какъ Аншонинова въ Римѣ имѣетъ только $172\frac{1}{2}$, а Вандомская въ Парижѣ не болѣе 140 футовъ.

Всѣхъ мостовъ на Темзѣ семь; самый красивый изъ нихъ есть недавно построенный *Ватерлоскій*. Въ память Ватерлоской побѣды сооружена еще въ Регеншовой улицѣ церковь Св. Филиппа, съ очень хорошимъ портикомъ, — и воздвигнута въ Гидъ-паркѣ колоссальная бронзовая статуя Геркулеса, посвященная Лондонскими дамами герцогу Веллингтону и его храбрымъ сподвижникамъ. Она имѣетъ 18, а съ пьедесталомъ 36 футовъ высоты и вылита изъ пушекъ, взятыхъ у Французовъ въ сраженіяхъ при Саламанкѣ, Виппоріи, Тулузѣ и Ватерлоо.

Въ *Британскомъ музеѣ* достопримѣчательно собраніе окаменѣлостей и Египетскихъ древностей. Здѣсь же находится Индѣйскій идолъ *Гуламбъ*, поволоченный, съ остроконечною шапкою, съ поджатыми ногами.

British Institution и Национальная галлерей заключающъ въ себѣ множество картинъ Италіанской и Голландской школы и весьма

малое число Англійскихъ. Въ одной частной галлерей показывается Наполеоновъ портретъ во весь ростъ, въ порфирѣ. Онъ подаренъ былъ Наполеономъ графу Секюру, а снѣ послѣднимъ проданъ въ Англію.

19 Іюля въ день коронаціи Георгія IV былъ праздникъ въ *Воксалѣ*. Посреди сада возвышался храмъ съ открытымъ портикомъ, въ которомъ помѣщался оркестръ. Колонны и другія принадлежности храма унизаны были разноцвѣтными огнями. Надъ куполомъ его находилась корона, — подражаніе той, копорая хранилась въ Тауэрѣ. Боковыя аллеи сада превращены были въ галлерей съ огненными сводами, коронами, гербами и знаменами. Въ залѣ Воксала даны концерты и небольшой балетъ, заключенные пѣсню: „Боже, храни Короля.“

Въ *Гринвичѣ* госпиталь мажоровъ помѣщается въ великолѣпномъ дворцѣ. Англійскій король Вильгельмъ III спросилъ Петра Великаго, что болѣе понравилось ему въ Англіи. „То, описывалъ Петръ, что дворецъ вашего величества походитъ на госпиталь, а госпиталь на дворецъ.“ Точно тоже можн

*

запѣ и нынѣ о госпитали Гринвической, въ сравненіи ея съ дворцами Сентъ-Джемскими и прочими. Съ террасы, вдоль Темзы, видно множество кораблей и открывается почти весь Лондонъ съ прелестными его окрестностями. Архитектура церкви превосходна. Въ такъ называемой расписной залѣ примѣчательны модель Римскаго корабля, изображение Африки со львомъ и шпагой адмирала Гове и вице-адмирала Нельсона. Подлѣ самаго города устроены обширный паркъ съ обсерваторіею, черезъ которую Англичане проводятъ первый меридіанъ.

Въ Челсѣ есть другой военный госпиталь, *In subsidium et levamen emeritorum, senio belloque fractorum* (*), какъ сказано въ надписи на фронтонѣ. Устройство больницы, опрятность въ комнатахъ, порядокъ въ спаленныхъ, дисциплина, благочиніе и управленіе въ обѣихъ сѣхъ госпиталей могутъ служить образцами для всѣхъ подобныхъ заведеній.

(*) Для пристанища и призванія заслуженныхъ воиновъ, удрученныхъ лѣтами и изнуренныхъ войною.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОРОЖНОЙ КНИЖКИ.

Англійскіе Цыгане. Брюссель. Ахенъ: дворецъ Карла Великаго; соборная Минстерская церковь; принадлежности Германской имперіи; святыни. Минеральные источники. Причины упадка Ахена. Кельнъ: причины упадка его промышленности. Соборная церковь; мощи трехъ волхвовъ; распатіе Апостола Петра, картина Рубенса. Взглядъ на Рейнъ. Ковленцъ. Майнцъ. Франкфуртъ. Люценское поле; воспоминаніе о сраженіи съ Французами въ 1815 году. Лейпцигъ; воспоминаніе о знаменитой битвѣ 4, 6 и 7 Октября 1815 года.

Изъ Лондона я выѣхалъ въ дилижансѣ 23 Іюля въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ утра, а въ Дувръ прибылъ въ 7 $\frac{3}{4}$ по полудни.

Подлѣ *Ротестера* мы встрѣтили Цыганскій таборъ. Здѣшніе *Цыгане*, также какъ и Русскіе, промышляютъ пляскою, музыкою и ворожбою; бродяшъ съ одного мѣста на

другое и живутъ подь открытымъ небомъ, укрываясь отъ непогоды въ длинныхъ досчатыхъ кибишкахъ или фурахъ, похожихъ на маленькіе домики. Чашашъ и писашъ они не умѣютъ и говорятъ языкомъ опличнымъ отъ Англійскаго. Полагаютъ, что первое Цыганское семейство прибыло въ Англію изъ Египта.

24 числа въ 12 $\frac{1}{2}$ часовъ по полудни парадъ вышелъ въ проливъ Pas de Calais; вѣтеръ поспешенно усиливался и качалъ насъ, какъ въ колыбели; волны прыгали черезъ палубу. Въ пристань Кале мы вошли въ 5 часовъ.

Маршрутъ 25 и 26 числа во Франціи и Бельгіи: *Гравелинъ, Дюнкирхенъ, Фуриъ, Остенде, Бригге, Гентъ и Аlostъ.*

27 и 28 пробылъ я въ Брюсселѣ. Лучшія зданія здѣсь соборъ, дворецъ, ратуша и шеатръ. Въ соборѣ есть очень хорошія Гобелены картины и рѣзная каеэдра, поддерживаемая Смертію и Архиспрашигомъ, поражающимъ діавола. Королевская фамилія живетъ въ здѣшнемъ дворцѣ только шесть мѣсяцевъ осеннихъ и зимнихъ, а прочіе шесть прово-

дѣлѣ въ Гагѣ. Пропивъ дворца въ паркѣ примѣчательна статуя Маріи Магдалины, лежащей на скалѣ и читающей книгу. Въ музеѣ есть хорошая картинная галлерей и минералогическій кабинетъ. Послѣдній недавно обогащенъ превосходнымъ собраніемъ Русскихъ минераловъ, подаренныхъ городу Ея Императорскимъ Высочествомъ, Наслѣдною Принцессою Анною Павловною. Готическое зданіе рапуши оплчается высокимъ шпиемъ, составленнымъ изъ башенокъ. Пропивъ рапуши на той же площади стоить старый королевскій домъ съ надписью: *A peste, fame belloque libera nos, Maria pacis. Hic votum pacis publicae Elisabeth consecravit, m. e.* Отъ мора, глада и войны свободи насъ, подательница мира Марія. Сіе зданіе сооружено Елисаветою по обѣщанію о общественномъ мирѣ. На часахъ написано: *Patriae sit aurea quaevis, m. e.* да будетъ каждый часъ для опечесства золотымъ. Первыи здѣшній кофейный домъ *Mille colonnes*, обыкновенный пріютъ политическихъ выходцевъ изъ Франціи и другихъ странъ, имѣетъ оплчное устройство и украшенія.

29 выѣхавъ изъ Брисселя въ 4 часа утра, мы прибыли въ *Атенѳ* (Aix la chapelle) въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ по полудни.

30 *гисла*. Дворецъ, въ которомъ родился Карлъ Великій, обращенъ съ давнихъ временъ въ рапушу. Онъ построенъ былъ на мѣстѣ древней Римской крѣпости, отъ которой еще доселѣ уцѣлѣла одна башня. Въ одной изъ залъ рапуши, бывшей прежде проною, хранятся портреты всѣхъ посланниковъ, присутствовавшихъ на конгрессѣ 1748 года.

Соборная церковь, называемая *Минстерскою* (die Münster), первоначально построена еще Карломъ Великимъ и освящена въ 804 году Папою Львомъ III. По словамъ одной современной лѣтописи, при обрядѣ освященіи предназначалось быть 365 архіепископамъ и епископамъ; но когда къ полному числу недоставало двухъ, то на ихъ мѣстахъ явились два епископа Тонгрскіе, съ давняго времени умершіе и погребенные въ Масприхтѣ, которые и оставались, при совершеніи церемоніала, до самаго его окончанія.

Посреди церкви находятся гробница Карла Великаго съ надписью: *Carolo Magno*. Надъ гробницею виситъ огромное паникадило, имѣющее видъ короны изъ серебра и позолоченной мѣди; оно принесено въ даръ Фридрихомъ Великимъ и вмѣщаетъ въ себѣ до 48 свѣчъ.

Въ Минстерской церкви хранятся символы Германской имперіи: Евангеліе, мечъ Карла Великаго, часть земли, орошенной кровію Великомученика Стефана, нѣсколько другихъ принадлежностей и каменный шпонъ, на которомъ сажались императоры во время ихъ вѣчанія.

Здѣсь находятся также части разныхъ мощей и другія рѣдкости, какъ то: черепъ и часть руки Карла Великаго; охопниціи его рогъ изъ слоновой кости, обложенной золотомъ, съ надписью много разъ повшеренною: *Mein! ein!* Золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, съ частию животворящаго креста; поясъ Спасителя и вервие, которымъ онъ привязанъ былъ къ столбу, поясъ Пресвятой Богородицы; часть Аароновой вѣшви; крупицы манны, посланной

Иерархиямъ въ пущыни и сукно, на которомъ отсѣчена глава Іоанна Крестителя. Всѣ эти святыни хранятся въ роскошно украшенномъ ковчегѣ и показывающіеся народу только черезъ семь лѣтъ. Сія выставка, продолжающаяся 15 дней, въ средніе вѣки привлекала безчисленныя толпы богомольцевъ изъ всей Капюитеской Европы. По свидѣтельству современной лѣтописи, въ 1492 году исчислено было ихъ въ одинъ только день 142,000 и, по окончаніи церемоніи, вынуто было изъ кружекъ въ шотъ день 80,000 золотыхъ флориновъ.

Горячихъ минеральныхъ источниковъ въ Ахенѣ шестъ; три въ верхней части города и три въ нижней. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ скалы, внутри шакъ называемой Императорской бани, превосходитъ протіе какъ степенью жара, шакъ и количествомъ сѣры.

За городомъ въ предмѣстіи Буршейдѣ (Porcetum, Borcette) есть нѣсколько другихъ источниковъ, кошорые заключающъ въ себѣ большое количество углетворнаго газа и совсѣмъ не имѣющъ сѣры.

Ахенъ со времянъ Карла Великаго былъ вторымъ городомъ Нѣмецкой имперіи: *Sedes regni trans Alpes, caput omnium provinciarum et civitatum Galliae*. Въ немъ вѣчались на царство императоры домовъ Саксонскаго, Франконскаго, Швабскаго, Габсбургскаго и Люксембургскаго; но съ 1614 года, когда Спиннола изгналъ изъ него всѣ богатыя семейства протестантскія, онъ примѣнно началъ клониться къ паденію, которое вскорѣ довершено было внутренними безпокойствами, — слѣдствіемъ худаго управленія. Нынѣ считается въ немъ менѣе 30,000 жителей, между тѣмъ какъ въ 1367, было 19,826 гражданъ способныхъ къ вооруженію, сверхъ молодыхъ людей неженатыхъ.

Въ политическомъ мірѣ Ахенъ знаменитъ двумя мирными трактатами, заключенными 2 Мая 1668 года между Франціею и Испаніею и 18 Октября 1748 года между Франціею, Англіею и Нидерландами. Здѣсь же въ 1818 году былъ конгрессъ.

31 выѣхавъ изъ Ахена въ 7 часовъ утра, мы прибыли въ *Кельнъ* въ 3 часа по полудни. На мѣстѣ этого города прежде былъ укрѣпленный Римскій лагерь, обращенный Убі-

яли въ городъ (oppidum Ubiorum) и распространены при Императорѣ Клавдіѣ военнымъ поселеніемъ, которому онъ далъ прозваніе во имя своей супруги Агриппины, родившейся здѣсь во время похода опца ея Германика. На однихъ воротахъ, оставшихся опъ Римлянъ, видна доселѣ слѣдующая надпись: С. С. А. А. п. е. Colonia. Claudia. Agrippina. Augusta.

Въ средніе вѣки Кёльнъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ городовъ Ганзейскаго союза и могъ выставить до 30,000 ратниковъ. Въ то время находилось въ немъ 69 монастырей, 19 приходскихъ церквей и 49 каплицъ. Причиною упадка его силы и торговли были изувѣрство и необдуманныя распоряженія иѣспныхъ властей. Ими въ 1423 году, въ день Св. Вареломея, изгнаны изъ города всѣ Евреи и вскорѣ послѣ того, по случаю безпокойствъ между пкачами, сожжено 1700 спанковъ; въ 1618 году изгнано еще до 1400 протестантскихъ семействъ; съ ними удалились изъ города прежняя обширная его промышленность и дѣятельность. Вандалы Французской революціи нанесли Кёльну по-

слѣдній ударъ; ограбивъ сокровища и памятники художествъ, они уничтожили и здѣшній университетъ, прошивоборствовавшій распрощанію ихъ вольнодумства. Въ послѣдствіи, при Французскомъ правительствѣ, многіе монастыри и церкви были совсѣмъ разрушены, а другіе обращены въ магазины и фабрики.

Нынѣ въ Кёльнѣ всѣхъ домовъ считается 7400, всего народонаселенія Каполическаго 58,000, но Люперанъ не болѣе 600, Реформатовъ 700 и Евреевъ 200; шелковыхъ фабрикъ 16, а суконныхъ, составлявшихъ нѣкогда главную отрасль Кельнской промышленности, только 3. Число фабрикъ, на копорыхъ выдѣлывается *O de Колонъ*, значительно умножается; нынѣ считается ихъ 15, копоры выручаютъ ежегодно болѣе 300 тысячъ франковъ.

Примѣчательнѣйшее зданіе въ Кёльнѣ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ древняго Нѣмецкаго зодчества, есть здѣшній *Соборъ*. Своды его поддерживаются четырьмя рядами столбовъ и каждый рядъ заключаетъ ихъ въ себѣ по 25.

Сверхъ того семь колоннъ въ главномъ олтарѣ, прообразующія, какъ видно изъ надписи, семь столповъ, на которыхъ Премудрость создала себѣ домъ. Стѣны хора украшены великолѣпными шкаными картинами, рабочаными по рисункамъ Рубенса. По сторонамъ столбовъ уцѣляли 12 изваяній Апостоловъ, относимыя также къ числу изящныхъ памятниковъ древней Нѣмецкой скульптуры.

Въ одномъ изъ придѣловъ, за главнымъ олтаремъ, хранятся кости *трехъ Волхвовъ*, приходившихъ на поклоненіе Спасителю въ Вилеемѣ. Они были присланы въ даръ Кѣльнскому Архіепископу Рейнгольду Фридерикомъ I (изъ дому Гогеншпауфенскаго), по взятіи имъ и разрушеніи Милана. Гробница, въ которой они лежали, украшена была драгоценными камнями, жемчугомъ и 226 камнями Греческими и Римскими. Надпись, означавшая имена Волхвовъ: *Каспара, Мельхіора и Валтазара*, состояла изъ рубиновъ; золотыя вѣнцы на трехъ головахъ, каждый вѣсомъ въ 6 ливровъ, также осыпаны были алмазами и рубинами. Всѣ сіи сокровища со многи-

и другими погибли во время нашествия Французовъ въ 1794 году. Золотые вѣнцы нынѣ замѣнены простымъ вызолоченнымъ металломъ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Рубенса, *Распятіе Апостола Петра*, находящіяся въ церкви его имени. Правая рука Апостола уже пригвождена, лѣвую держишь палачъ; ноги съ нижнею часпю креста подняты въ верхъ; правая пригвождена, лѣвую двое держашъ, претій прибавляетъ; глаза обращены черезъ голову; уста полуотверсты; выраженіе лица разительное, спрашивное. Однимъ словомъ: въ художественномъ отношеніи эта картина есть совершенство, но въ эстетическомъ въ ней не соблюдено ни благородства, ни истины. Цѣль художника безъ сомнѣнія была удивить зрителей преодоленіемъ трудностей, и онъ подвергся непрощительной ошибкѣ, избравъ для удовлетворенія своему тщеславію одно изъ священныхъ лицъ нашей религіи и обезобразивъ его фантасмическимъ положеніемъ. Самое выраженіе боли спрадальца противоположно характеру Ученика Христова, про-

повѣдывавшаго терпѣніе и швердосшь духа въ спраданіяхъ.

* 1 Августа, н. с. Путешествіе по Рейну пребуемъ живописной кисти и поэзіи. Природа поставила здѣсь одну изъ галлерей своихъ прекрасныхъ ландшафтовъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки плынуся горные хребты, опоясанные лѣсами. Каждая группа горъ увѣнчана полуразвалившимися стѣнами и башнями древнихъ замковъ. О каждомъ замкѣ сохраняется въ народѣ сказка, перемѣшанная съ былью и небылицами, въ которой играютъ роль феи, гномы, драконы и другія спрашилща, — порожденія Нѣмецкой фантазіи.

Въ Кобленцѣ и Майнцѣ мы останавливались на самое короткое время. Въ первомъ, основанномъ еще Римлянами, къ старой крѣпости приспоеены три новые бастіона: Императора Александра, Короля Французскаго и Лорда Веллингтона; въ послѣднемъ прежде былъ укрѣпленный Римскій лагерь и потомъ построена Друзомъ Германикомъ крѣпость, названная *Magontiacum*. Въ 70 году отъ Рождества Христова поселился въ ней

22-й легионъ, участвовавшій при завоеваніи и разрушеніи Іерусалима. Съ нимъ прибылъ сюда епископъ Кресценцій, почитаемый первымъ проповѣдникомъ и распространителемъ Христіанской вѣры на берегахъ Рейна.

Въ *Майнцѣ*, въ XIII столѣтіи положено было первое основаніе могущественному и знаменитому союзу, извѣстному подъ именемъ *Ганзы*. Первоначальною его цѣлію было охраненіе торговли по Рейну отъ набѣговъ и грабежей разбойниковъ. Въ этомъ союзѣ, заключенномъ въ 1355 году, приняли участіе болѣе ста городовъ со многими князьями, графами и другими владѣльцами. Соединенными ихъ силами разрушены главные припоны разбойниковъ, эти неприступные висящіе на скалахъ замки, которые воображеніе просполоудиновъ населило разными страшными и отъ которыхъ нынѣ оспались однѣ развалины, одно простое украшеніе Рейнскихъ ландшафтовъ. Первая мысль въ составленію Ганзейскаго союза, въ которомъ столь значительно участвовалъ и нашъ Новгородъ, была подана простымъ гражданиномъ, *Арнольдомъ Вальподеномъ*.

Майнцъ въ XII столѣтіи былъ также главнымъ мѣстопребываніемъ поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Minnesänger. Въ XV столѣтіи прославили его изобрѣтатели и усовершенствователи книгопечатанія Гуттенбергъ, Фаустъ и Шефферъ, Изъ первыхъ опытовъ изобрѣпеннаго ими искусства сохранились въ здѣшней публичной библіотекѣ псалтирь 1459 года, біблія 1462, католиконъ (Le Catholicon) 1460 и множесство другихъ книгъ тогоже времени.

2—7 Августа. Въ Франкфуртѣ прежде всего бросается въ глаза образъ построения деревянныхъ спаричныхъ домовъ. Обыкновенно второй этажъ выдается надъ первымъ, а третій надъ вторымъ въ родѣ балкойовъ; самыя спѣны каждаго этажа, по мѣрѣ ихъ возвышенія, расширяются и образуютъ пирамиду, обращенную въ верхъ дномъ или верхомъ въ низъ.

Соборъ здѣшній, въ которомъ избирались императоры Римскіе, принадлежитъ къ памятникамъ древней Нѣмецкой архитектуры. На стѣнахъ разставлены ихъ гербы, покрытые шлемами. Въ Рѣмерѣ или ратушѣ по-

называется зала, въ которой они короновались. Потолокъ ея низкій, досчатый со сводомъ; передняя стѣна, обращенная къ рынку, косая; такъ что правый уголъ ея выдается далѣе, нежели лѣвый. Около 40 Императорскихъ поршпретовъ служатъ единственнѣмъ украшеніемъ этой прониой.

Въ *музеумѣ* есть копіи Рафаелевыхъ ложей и довольно богатое собраніе картинъ старой Нѣмецкой школы. Въ произведеніяхъ послѣдней еще видна печать католицизма; напр. Господь Саваоѣ представляется въ папской тиарѣ, Іосифъ Аримавей въ капуцинскомъ капшонѣ и п. п.

Публичныхъ монументовъ здѣсь нѣтъ, кромѣ воздвигнутаго королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II въ память Гессенцевъ, падшихъ здѣсь на приступѣ въ 1792 году. Этотъ памятникъ состоитъ изъ дикой скалы, на которой лежалъ шлемъ, голова овна и кожа Немейскаго льва, осыненные щипомъ.

Франкфуртъ былъ обнесенъ старыми стѣнами; Наполеонъ приказалъ ихъ срыть и на мѣсто ихъ развеспи сады съ рошицами,

цѣтшиками и фонтанами. Этого рода садоводства, распространенный Наполеономъ во многихъ Нѣмецкихъ городахъ, доставилъ имъ, кромѣ пріятныхъ гуляницъ, здоровую атмосферу.

Въ Франкфуртѣ есть еще для гулянья очень красивый островокъ съ садомъ на Майнѣ; а по вечерамъ, раза два въ недѣлю, отворяется *воксалъ*, который находится вблизи самого города. Ворота и большая зала, галлерей и бесѣдки,—все бываетъ унизано флажками и фонарями. Въ углубленіи сада усроена искусственная скала съ водопадомъ и фонтаномъ; надъ скалою горитъ звѣзда. Павильонъ, въ которомъ играютъ музыканты, также украшается разноцвѣтными огнями.

Прочіе вечера очень пріятно можно проводить въ *казино*, гдѣ есть залы для чтенія журналовъ, игорныя и билиардная. Чтобы имѣть свободный входъ въ *казино*, надобно имѣть рекомендацію одного изъ членовъ. Я былъ представленъ сюда *банкиромъ Гонпаролъ*, простымъ, крошечнымъ, добрымъ и самымъ услужливымъ изъ всѣхъ банкировъ,

съ которыми мнѣ случалось имѣть сношенія во время путешествія.

Оставляя Франкфуртъ, я вмѣняю себя въ удовольствіе сказать нѣсколько словъ и о здѣшней гостинницѣ *Благо Лебедя*, zum Weissen Schwanen. Это Аммоновъ (а для гастрономовъ мамоновъ) храмъ среди Нѣмецкихъ песчаныхъ степей. По опрятности комнатъ, по распорочности прислуги, по оплitchному устройству стола и по дешевизнѣ, она можетъ соперничествовать не только съ лучшими Лондонскими и Парижскими, но даже и съ Швейцарскими гостинницами.

Дорога изъ Франкфурта въ Лейпцигъ идетъ чрезъ Ганау, Фульду, Готу, Эрфуртъ и, минуя Веймаръ, чрезъ Наумбургъ и Люденъ. Между Гельнгаузенемъ и Ганау въ 1813 году князь Вреде съ честью выдержалъ нападеніе Наполеоново. Въ *Фульдѣ* примѣтельна церковь Св. Михаила, построенная, — какъ увѣряютъ, — по образцу Іерусалимской. Замокъ *Вартбургъ*, убѣжище Лютера и пещера Іонсона, начальника одной изъ масон-

сихъ ложъ Нѣмецкихъ, въ 1817 году 18 Октября былъ мѣстомъ собранія Нѣмецкихъ студентовъ. Онъ стоить при Эйзенахъ на горѣ и окруженъ лѣсомъ. Въ *Наумбургѣ* 28 Юля бываетъ ежегодно процессія въ память дѣшей, выпросившихъ пощаду городу у Гусиныхъ; Коцебу написалъ на этотъ случай прогашельную драму. Поле *Люценское*, ровное и только изрѣдка осѣненное деревьями, прославлено двумя генеральными сраженіями, данными здѣсь въ 1632 и въ 1813 году.

Извѣстно, что Густавъ Адольфъ Великій лишился здѣсь жизни. На помъ мѣстѣ, гдѣ было найдено его тѣло, покрытое семью ранами, поставленъ небольшой монументъ. Въ память сраженія 1813 года, называемаго иначе битвою при Гросъ-Гершенѣ, неподалеку отъ этой деревни воздвигнуть Королемъ Прускимъ прекрасный; желѣзный обелискъ, увѣнчанный знаменіемъ вѣры, крестомъ.

Наполеонъ, какъ извѣстно, себѣ присвоилъ побѣду подъ Люценомъ. Онъ основался на томъ, что союзники отступили отъ Люцена за Эльбу. Французскіе писатели, а

съ ними и нѣкоторые другіе иностраннныя, повторивъ въ своихъ сочиненіяхъ содержаніе бюллетеней Наполеоновыхъ, не приняли труда изслѣдовать, когда произведено союзниками отступленіе, по какимъ расчетамъ и для какихъ видовъ. Придворство, хвастовство и явная ложь Французскихъ вѣсповщиковъ не спорятъ и опроверженія; довольно замѣлить, что Французы подъ Люцекомъ не выиграли ни шагу земли и ни одного орудія, а союзники опияли у нихъ пять пушекъ, завладѣли важною по своему положенію деревнею *Большимъ Гершеномъ* и провели ночь гораздо впереди ихъ мѣстъ, откуда они выступили по утру.

Одно изъ самыхъ важныхъ покушеній Наполеона было разорвать и разсѣять наше лѣвое крыло; но и это покушеніе остановлено и уничтожено личными распоряженіями Государи Императора. Его Величество, какъ только замѣшилъ движеніе непріятельскаго корпуса, тотчасъ приказалъ поставивъ противъ него 40 пушечную батарею и самъ наблюдалъ за дѣйствіемъ этихъ орудій, стоя

подъ градохъ пуль, до пѣхъ поръ, пока не-
пріятель принужденъ былъ отступить.

При столь очевидныхъ преимуществахъ союзниковъ, намъ остается только жалѣть, что планъ битвы, начертанный графомъ Витгенштейномъ, предводительствовавшимъ въ этомъ сраженіи союзными войсками, не во всѣхъ частяхъ былъ выполненъ надлежащимъ образомъ. Главное упущеніе произошло отъ самого маловажнаго и почти ничтожнаго обстоятельство. Одинъ изъ чиновниковъ главной кварширы Блюхера, ночью наканунѣ сраженія, получивши пакетъ съ распоряженіями главнокомандующаго, въ просонкахъ не читавши бумаги, положилъ ее подъ подушку; а когда проснулся и спать читалъ, то, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ, что эта бумага заключала диспозицію сраженія и что часъ, назначенный къ выступленію Прусскаго корпуса, давно уже прошелъ. Между тѣмъ Государь Императоръ и Король Пруссій, ночевавъ въ Борнѣ, прибыли часу въ четвертомъ утра въ Пегау и не найдя еще Прусаковъ, принуждены были очень долго ихъ дожидаться; такъ что ар-

мія випрошлась къ нападенію не въ шестомъ часу, какъ слѣдовало по диспозиціи, а уже въ одиннадцатомъ. Обвиняють также генерала Винценгероде въ томъ, что онъ не надлежащимъ образомъ употребилъ конницу, раздробивъ ее безъ всякой нужды на частии.

Въ планѣ графа Витгенштейна между прочимъ было предположено возобновить сраженіе на другой день; и онъ въ самомъ дѣлѣ, шомчасъ по окончаніи битвы 20 числа, еще не оставляя поля, занялся распоряженіями къ новому нападенію: но когда потребовалъ, чтобы орудія, бывшія въ дѣйствіи, пополнены были артиллерійскими снарядами изъ парка главной арміи; то генералъ, начальствовавшій артиллеріею, отвѣчалъ, что паркъ далеко отспалъ!... (*) Это непредвидѣнное обстоятельство, бывшее единственною причиною опиступленія союзниковъ за Эльбу, очень огорчило не только главнокомандующаго, но и самого

(*) Слѣдствія сін заимствованы изъ *Записокъ о походѣ 1813 года*, Генералъ-Маіора М. Давыдовскаго.

Императора; тѣмъ болѣе, что преимуще-
ства, приобретенныя союзниками въ сраже-
ніи 20 числа, ручались и за будущіе ихъ успѣ-
хи. Пришомъ же Французскія войска уже
всѣ введены были въ дѣйствіе; всѣ болѣе
или менѣе были разспроены и, какъ въ по-
слѣдствіи открылось, ночью опшступили на
значительное разспояніе; между тѣмъ какъ
союзники, кошорые провели ночь на полѣ
сраженія, имѣли еще свѣжій корпусъ графа
Милорадовича. Мы уже не говоримъ о вос-
шоргѣ, какимъ одушевлены были въ то вре-
мя войска союзныя: о довѣренности Русскихъ
къ своему полководцу, уже много разъ увѣ-
чанному лаврами, — и о соревнованіи Пруса-
ковъ, горѣвшихъ желаніемъ искупить цѣною
своей жизни честь и свободу своего опе-
чества.

9—10 числа, н. с. Въ Лейпцигѣ есть спа-
ринная крѣпость *Pleissenburg*, построенная
по образцу прежней Миланской; на одной изъ
башенъ ея помѣщается обсерваторія. Здѣш-
ній университетъ основанъ еще въ 1409 го-
ду, по случаю переселенія сюда многихъ сту-
деншовъ изъ Праги. Церковь его, называемая

Paulinum, известна тѣмъ, что въ ней Лютеръ проповѣдывалъ свое ученіе. Изъ прочихъ церквей примѣчательна Св. Николая, украшенная внутри хорошою колоннадою и картинами оплечнаго художника *Эзера* (*Oeser*).

Въ Лейпцигѣ ежегодно бывають ярмонки: въ новый годъ, въ Пасху и въ день Св. Михаила. Иностранныхъ купцевъ, приѣзжающихъ на ярмонки, — какъ видно изъ особаго изданнаго здѣсь адресъ-календаря, — счашаеся около 1100; въ томъ числѣ однихъ книгопродавцевъ отъ 260 до 290. Съ нѣкотораго времени открыта здѣсь подлѣ университета биржа, исключительно для книжной торговли.

Дорогія надѣлія и всѣ предмѣны роскоши, въ продолженіе ярмонокъ, помѣщаются преимущественно въ домѣ и на дворѣ *Ауербаха*. Дворъ сей, названный такъ по имени своего зодчаго, врача Ауербахскаго, бываетъ въ то время обыкновеннымъ мѣстомъ собранія высшаго общества.

Память *Геллерта* почтена здѣсь тремя монументами: въ саду университетскомъ,

въ церкви Св. Іоанна и на общемъ кладбищѣ. Сверхъ сего воздвигнутъ ему же и *Сулцеру* памятникъ въ саду Рейха, работы Эзера.

Разныхъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, библіотекъ, ботаническихъ садовъ и кабинетовъ натуральной исторіи, рѣдкостей и художествъ здѣсь столько, сколько досташочно было бы и для обширной столицы.

Для гулянья есть здѣсь бульвары, сады съ ресторациями (садъ *Рейхеля* съ банями), огороды *Кампе* и книгопродавца *Реймеса* съ кухнею и очень красивая роща *Розенталь*.

Вошъ и славное поле прехднейшей битвы 4, 6 и 7 Октября 1813 года. Въ этой битвѣ званіе главнокомандующаго союзныхъ войскъ носилъ Австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ: но всѣ важнѣйшія распоряженія происходили непосредственно отъ Императора Александра.

Армія непріятельская расположена была около Лейпцига полукружіемъ, по сторонамъ дороги, ведущей въ Дрезденъ; войска союзныя, сиюю прошивъ непріятелей, образовали дру-

гое обширѣйшее полукружіе. Императоръ Александръ въ первый день сраженія, т. е. 4 числа, находился близъ Госсы, а Наполеонъ у Мейсдорфа; только шреверстное пространство раздѣляло двухъ соперниковъ, пришедшихъ на этихъ равнинахъ рѣшить судьбу царствъ и народовъ.

Русскіе первые начали сраженіе нападеніемъ на Вахау въ 10 часу утра. До полудня обѣ стороны на всѣхъ линіяхъ сражались съ равнымъ упорствомъ, безъ примѣрныхъ преимуществъ; но въ 1 часу сосредоточенные Наполеономъ пѣхотные корпуса маршала Виктора и генерала Лористона, конница подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата и двѣ дивизіи гвардіи съ 150 орудіями высыпали изъ Вахау и, прорвавъ корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго, быстро неслись къ Госсѣ, гдѣ находился Государь. Казалось, Наполеонъ уже держалъ въ своихъ рукахъ побѣду; онъ послалъ въ Лейпцигъ извѣстить о ней короля Саксонскаго и приказалъ звонить въ колокола во всѣхъ церквахъ города.

Государь уже споялъ подь непріятельскими выспрылами; ядра падали вокругъ его. Князь Шварценбергъ и прочіе генералы упрашивали Его Величество удалиться; но Императоръ въ эти рѣшительныя минушы, сохраняя все свойственное Ему величіе духа и хладнокровіе, — не оставляя мѣста, даетъ слѣдующія приказанія: 1) выдвинуть тяжёлую конницу къ разобращенному центру; 2) ротъ артиллеріи подвинуться впередъ и 3) двинуть резервную артиллерію, бывшую подь командою генерала Сухожанета.

Черезъ двѣ минушы 112 Русскихъ орудій уже спояли въ спрую противъ 150 Французскихъ. Двѣ грозныя шучи уперлись одна въ другую; небо дымилось огнь ихъ облаковъ; земля колебалась огнь ихъ молній и грома. Черезъ полтора часа этой ужасной канонады Русскія орудія взяли перевѣсъ; Французскія опспушили. Роковой часъ Наполеона пробилъ—и звонъ колоколовъ, возвъщавшій о его минушномъ поржествѣ въ Лейпцигѣ, превратился въ погребальный.

5-го числа въ продолженіе всего дня былъ проливной дождь. Войска какъ союзныя,

такъ и Французскія спояли подъ ружьемъ, почти безъ всякаго дѣйствія; но съ наступленіемъ ночи послѣднія отступили къ Лейпцигу. 6-го числа новая битва загорѣлась съ ранняго утра. Императоръ Александръ, подвигаясь съ войсками поспѣшенно впередъ, остановился наконецъ на помѣ возвышенномъ мѣстѣ у Мейсдорфа, на кошоромъ пробылъ въ первый день сраженія Наполеонъ. Нѣмцы называли эту высокую холмомъ монарховъ *Monarchenhügel*.

Лейпцигъ взяли 7 числа Русскими, съ кошорыми находился въ то время одинъ только корпусъ Бюлова. Потери, претерпѣнныя Французами въ три дни этой битвы, почти неизмѣрны. Изъ 170,000, бывшихъ на полѣ сраженія, переведено за рѣку Салу только 90,000. Убито 1 маршалъ, 4 генерала, 20,000 нижнихъ чиновъ; ранено два маршала и множество генераловъ, офицеровъ и рядовыхъ. Въ плѣнъ взяты король Саксонскій, два корпусные начальника (*Ренье и Лористонъ*), 20 дивизионныхъ и бригадныхъ генераловъ и около 40,000 нижнихъ чиновъ, полагая въ томъ числѣ и 20,000 раненыхъ, находившихся

въ Лейпцигѣ. Со стороны союзниковъ убито и ранено 21 генералъ, 1800 офицеровъ и 45 тысячъ нижнихъ чиновъ; въ томъ числѣ 300 Шведовъ, 8,000 Австрійцевъ, 15,000 Прусаковъ и 22 000 Русскихъ!.. (*) Эти цифры могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ на всѣ хвастливыя рѣчи нашихъ сосѣдей Нѣмцевъ, приписывающихъ все себѣ и опшимающихъ все у Русскихъ въ великомъ подвигѣ возстановленія царствъ и народовъ Европы. Добрые Нѣмцы, лежавшіе ницъ передъ Наполеономъ и поднятые на ноги Русскими, не шуя гонимы увѣряя всѣхъ и каждого, что они сами встали, а что всего забавнѣе, будто бы и сама Россія одному только ихъ возстанію обязана своимъ спасеніемъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Отъ чего происходитъ такое непонятное хвастовство?—Отъ того, что всякой долгъ тяжель, а долгъ признательности есть самый тяжелый, который можетъ быть выполненъ только людьми съ великою душою.

(*) Подробности этой знаменитой битвы, названной Нѣмцами битвою народовъ, *Völkerschlacht*, превосходно изложены въ *Запискахъ о походѣ 1813 года*, Генералъ-Маіора М. Данилевскаго.

ДРЕЗДЕНЪ, 31 Июля.
12 Августа.

Видъ Дрездена. Внутренность города. Церкви. Палата королевскихъ сокровищъ. Палата Японская; Китайскіе и Дрезденскіе фарфоры. Картинная галлерей.

Съ Мейссенской дороги Дрезденъ показывается во всемъ своемъ блескѣ. Рѣка Эльба съ бѣгущими судами, длинный мостъ съ арками, Капюлическая церковь, дворцовая башня, садъ и терраса Брюлева, церкви Пресвятой Богородицы и Св. Креста—все это представляетъ картину самую прелестную.

Внутренность города довольно соотношится съ пышностью его наружности. Улицы широки, чисты и вымощены тротуарами; дома очень опрятны, выстроены въ линію,

Часть IV.

14

съ пшью или шестью эшажами, и выкрашены сѣрою, желтою и зеленою краскою. Посреди горюда, который почти весь на лѣвомъ берегу Эльбы, есть очень хорошая площадь, называемая новою, и другая площадь Вициллиева, загроможденная рынками.

На новой площади стоитъ *церковь Пресвятой Богородицы* съ колоннами и башенками; внутренность ея круглая съ двумя рядами ложъ; олтарь, представляющій моленіе Иисуса, есть твореніе скульптора Фейга.

Придворная церковь Св. Софіи есть памятникъ древности; она ничего не заключаетъ въ себѣ достопримѣчательнаго, кромѣ поршретовъ Люперайскихъ проповѣдниковъ, которые выставлены по всѣмъ сторонамъ въѣсто иконой. Какое смѣшеніе предразсудковъ! Люперане почитаютъ за грѣхъ украсити храмъ изображеніями Апостоловъ и мучениковъ, утвердившихъ вѣру, изображеніями Богородицы и страстей Христовыхъ; и между тѣмъ выставляютъ поршреты такихъ людей, которые прославились не столько епругостію жизни и свяпостію, сколько краснорѣчіемъ или Богословскими преніями

прошивъ Каполиковъ. Кромѣ сихъ двухъ протестантскихъ церквей есть еще двѣ: *Св. Креста* съ высокою башнею и *Св. Анны*; но самая великолѣпная церковь въ Дрезденѣ есть *Католическая*. Снаружи она украшена колоннами и множествомъ статуй, извлеченныхъ изъ фарфора; внутри, кромѣ многихъ фресковъ, достойны примѣчанія запрестольная картина Менгсова, представляющая Вознесеніе Господне, и огромный органъ, устроенный Зильберманомъ. Къ этому присоединяются два оркестра инструментальной и голосовой музыки. Въ праздники и въ дни воскресные присутствуютъ здѣсь вся королевская фамилія. Извѣстно, что Саксонцы почти всѣ исповѣдуютъ вѣру протестантскую, а король и дворъ католическую.

Въ Дрезденѣ столько собрано рѣдкостей, столько едва ли разсыпано въ цѣлой Германіи. Я начну краткій мой отчетъ объ нихъ съ *Палаты королевскихъ сокровищъ*. Первая зала заключаетъ статуи и группы, сдѣланныя изъ бронзы въ маломъ видѣ; во второй представлены статуи и группы костяныя, извлеченныя Дрезденскими художниками. Въ третьей

выкованные изъ серебра и золота вазы, стаканы, ложки и блюда; въ четвертой и пятой множество издѣлій изъ минераловъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Между прочими достопримѣчательны разные поршеты мозаическіе, и одинъ превосходный *портретъ Петра Великаго*, писанный на эмали. Шестая зала наполнена королевскими утварями, и можно сказать, единственными по великолѣпію и пышности. Короны, скипетры, мечи и шпоры не осыпаны, но обременены драгоцѣнными камнями. Цѣлые креслы, звѣзды и эполеты брилліантовые, сафирные, рубиновые; алмазъ желтый и алмазъ зеленый, можетъ быть, единственные въ своемъ родѣ. Великій Моголь на тронѣ подъ балдахиномъ; процессія Индѣйцевъ, которые идутъ въ шаперъ, несутъ сокровища и падаютъ ницъ на ступени лѣстницы, — все это превосходно. Глаза разбѣгаются во всѣ стороны залы, вездѣ видать драгоцѣнности и наконецъ ощущаютъ утомленіе отъ перелива воды и разноцвѣтныхъ огней, играющихъ въ камняхъ. Директоръ, который показывалъ намъ эти сокровища,

вища, постепенно приходилъ въ восторгъ; въ шонъ его примѣнно было щещеславіе; и, кажепся, всякой разъ онъ хотѣлъ намъ сказать: Кто счастливѣе моего короля въ цѣломъ мірѣ?... Въ самомъ дѣлѣ это сокровища Моголовы или Крезовы; но, къ несчастію, и участь новаго Креза нѣсколько была похожа на участь древняго. Извѣстна исторія Фридриха Августа, взятаго въ плѣнъ союзными войсками во время Лейпцигскаго сраженія.

Палата Японская заключаетъ сокровища другого рода. Въ десяти залахъ разспавлены антики Египетскіе, Греческіе и Римскіе. Между ними достойны примѣчанія нѣсколько бюстовъ съ мраморными головами и съ алебастровыми цвѣшными погами; два аплепа и двѣ Венеры, вырытые въ Геркуланѣ. Аплепы, такъ какъ и два борца изъ невольниковъ, предспавлены въ одинакомъ положеніи и вѣроятно имѣли одно назначеніе; ш. е. они спояли или въ какомъ нибудь амфинеатрѣ или сферегли входъ черпаговъ какого нибудь вельможи.

Палата Японская получила названіе свое отъ весьма рѣдкаго собранія фарфоровъ, вывезенныхъ Голландцами изъ Японіи для Августа II, курфюрста Саксонскаго и короля Польскаго. Здѣсь есть множество большихъ вазъ, похожихъ формою на Этрусскія; спашуи, группы, пшпцы и чешвероногія. Одна зала наполнена также фарфорами *Китайскими*; какъ то вазами, тарелками, чайными чашками и блюдами, которыя вѣроятно служили сперва моделью Саксонской фабрикѣ, а потомъ распространились и въ другихъ частяхъ Европы. Есть чайники, обвитые розовыми или другими цвѣтами, очень искусно сдѣланными изъ фарфора; есть также чайники въ видѣ пшпцъ и другихъ живописныхъ. Многіе украшены позолотою и тонкими узорами; краска какъ на Японскихъ, такъ и на Китайскихъ фарфорахъ, по большій части синяя; фигуры человѣческія на первыхъ представлены лучше, нежели на послѣднихъ; ландшафты довольно хороши на обоихъ. Такъ работали Японцы и Китайцы за сто лѣтъ передъ симъ; но также точно они работаютъ и теперь. Живопись и

шяніе ихъ остановились на одной степени, и, кажется, долго еще останутся недвижимыми. Китайцы и Японцы суть Египтяне нашего времени; можетъ быть, когда нибудь и они примутъ Европейскій вкусъ въ свои произведенія и будутъ его уродовать своею фантазіею.

Дрезденскіе фарфоры, расположенные по времени, показываютъ быспрый ходъ въ усовершенствованіи формъ и ваянія; со всѣмъ тѣмъ еще примѣтенъ большой промежутокъ между ними и Севрскими фарфорами, и особливо въ отношеніи живописи. Въ числѣ послѣднихъ достопримѣчательны здѣсь три большія вазы, изъ которыхъ одна представляетъ въ золотомъ барельефѣ поржество Александра Македонскаго, другая Наполеона подлѣ раненаго солдата послѣ Ватрамской битвы, третья встрѣчу Наполеона съ раненымъ Австрійскимъ или Русскимъ воиномъ, передъ которымъ онъ снялъ шляпу и сказалъ: „Nonneur au courage malheureux!“ (Почтеніе злополучной доблести).

Въ числѣ рѣдкостей показываютъ въ Японской палатѣ ковры Японцевъ, сдѣлан-

ные изъ яркихъ разноцвѣтныхъ перьевъ, и ковры шпанные въ Голландіи по рисункамъ Рафаелевымъ. Сѣмъ послѣдніе представляютъ предметы изъ исторіи Новаго Завѣта. Оригиналы ихъ находящся въ Англіи.

Здѣшняя *Картинная галлерей* открывается ежедневно для публики въ девять часовъ и запирается въ двѣнадцать. Мушны и женщины — артисты въ это время громоздящся на подмосткахъ, малюють изящныя произведенія великихъ художниковъ и выводящъ изъ шершнїа поспшителей, заслоня имъ свѣтъ и линію зрѣнїа. Въ числѣ 1300 картинъ, которыя разставлены въ сей галлерей, находится собраніе сѣа самыхъ лучшихъ произведеній Италїанской школы, купленныхъ у Моденскаго Герцога. Почетное мѣсто въ этомъ собраніи принадлежищъ *Нотѣ Корреджіевой*. Младенецъ Іисусъ божественнымъ свѣтомъ озаряещъ лице держащей его Св. Дѣвы, двухъ паспуховъ, женщину и группу Ангеловъ, оспановившихся съ изумленіемъ вокругъ капишелей колоннъ. Съ перваго раза я не могъ понять сего ве-

ликаго шворенія; улыбка паспуховъ и женщины показала мнѣ нѣсколько грубою. Но эша улыбка есть выраженіе простосердечнаго (naïf) удивленія.

Амуръ Менесовъ есть швореніе самой Граціи. Въ лѣвой рукѣ держитъ онъ оселокъ; правою пробуешь выточенную стрѣлу, прислонивъ остріе къ мышцѣ: въ глазахъ, поднятыхъ въ верхъ, видны какое-то болѣзненное чувство, шомность и сладострастіе.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА (*).

Въ продолженіе недѣли, я приходилъ смотрѣть на нее каждое утро и каждый разъ усердно молился, чтобы Господь Богъ послалъ мнѣ твердую вѣру и младенческое сердце, способное принять благодать видѣнія.

И молишва недостойнаго услышана...
Шаперъ небесный распоргся; таинственный,

(*) Въ одно изъ моихъ посѣщеній Дрезденской галлерей, я съ полчаса смотрѣлъ на голову младенца—Спасителя; и вдругъ мнѣ живо представилось, что одинъ изъ его локоновъ поднялся какъ бы отъ дуновенія вѣтра и опять опустился. Я объяснялъ это явленіе или обольщеніемъ зора, ослабѣвшаго отъ излишняго напряженія, или дѣйствіемъ свѣта, измѣнившагося, можетъ быть, отъ легкаго облака; со всѣмъ тѣмъ, какъ явленіе въ первый разъ мною испытанное, оно произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я до сихъ поръ вижу эту одушевленную Божественную голову.

невечерній свѣтъ разлился до предѣловъ земли. Идущая по высотамъ, Божія Матерь спокойно и непримѣнно приближается; на рукахъ Ея сѣдитъ, съ величіемъ Вседержителя, предвѣчный Младенецъ; за нею изъ глубокой синевы неба слѣдуютъ легіоны Серафимовъ: впереди, срѣщаютъ Ее колѣнопреклоненный Св. Сикстъ и Великая Мученица Варвара.—Быстрый, молніеносный взоръ Бога — Младенца проникъ въ мою внутреннюю и обнялъ всѣ мои помыслы. Я содрогся и съ признаніемъ своего ничтожества палъ передъ нимъ. Побѣдиши, вѣгда судиши ти!...

Пресвятая Дѣва! Будь Ты моимъ заступленіемъ.—Нужно ли Ему мое славословіе? Исполни меня такими же свѣплыми мыслями, какія возносишь къ тебѣ сей задумчивый младенецъ—Ангелъ.—Нужна ли молитва моя? Дай мнѣ источникъ такихъ же жаркихъ слезъ, какія проливаетъ сей святой Спарецъ. Созиди во мнѣ сердце чистое, чтобы Твой Всемогуцій Сынъ не отпринулъ меня отъ лица Своего въ страшный день судный.

Но шаперъ горній закрылся. Я стою
опять на землѣ, съ однимъ воспоминаніемъ
объ очаровательномъ раѣ небесномъ. Передо
мною оспался одинъ изъ Ангеловъ, съ устре-
мленнымъ на меня испытующимъ взоромъ;
имя ему *Рафаилъ*. Онъ какъ бы говоритъ
мнѣ:,, Иди съ миромъ; ты видѣлъ пайну недо-
ступную браннымъ очамъ, но открывшую на
одно мгновеніе душѣ твоей, для того, что-
бы она на землѣ знала о небѣ.“

БАСТАЙ ⁷/₁₉ Августа.

Въ деревнѣ Лаумѣ я взялъ съ собою проводника, а наемную коляску отпустилъ прямо въ *Бастай*. По каменной лѣспницѣ, изсѣченной въ скалѣ, мы спустились въ оврагъ, называемый *Walter-grund*. Высокіе утесы поднялись надъ нами съ обѣихъ сторонъ, какъ два ряда каменныхъ домовъ. Одни изъ нихъ голые и дикіе, другіе покрыты деревьями; одни стоятъ въ отвѣсной линіи, другіе повисли надъ водомоиною, которая во время полои воды и сильныхъ дождей, не омывается, но роетъ ихъ подошву. Съ самаго начала привлекла мое вниманіе одна надпись, изображенная на срединѣ высокой скалы чопкими буквами: *Auerswald und Scherwig 1811 31 mai*. Ауерсвальдъ былъ форшмей-

стеръ; хотѣлъ оставить потомству свое имя и во многихъ мѣстахъ писалъ его, спускаясь по канатамъ въ самыя бездны. Такъ сильно пицеславіе человѣческое!

Нѣсколько далѣе изображенъ на камнѣ черный крестъ и имя несчастнаго Каспера Циглера, который въ 1806 году 16 Декабря упалъ здѣсь съ вершины скалы и разшибся. Ряды утесовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходится такъ близко, что боками своими почти касаются одни другихъ. Въ одномъ изъ такихъ ущелій увязъ огромный камень, сорвавшійся съ вершины, и образовалъ такъ называемыя воропа долины Вальперовой (Thoor in Walter-grund). За воропами слѣдуетъ каменный домъ (Stein-haus), котораго вершина очень походитъ на крышу дома. Большая часть утесовъ имѣютъ свои особенныя имена, которыя они получаютъ или отъ сходства съ извѣстными предметами или отъ затѣйливаго воображенія здѣшнихъ старожитовъ. Самый достопримѣчательный утесъ въ этой долинѣ—*Чертова кухня*. Надобно согнуться дугою, чинобъ пролезть въ нее съвозъ узкое окно; но внутри она

имѣетъ видъ полукружія, открышаго съ верху и съ боку.

Съ долиною *Вальтеровою* соединяется другая долина или другой оврагъ, называемый *Schorn-grund*, которые оба вмѣстѣ образуютъ преріи оврагъ *Otto walter-grund*. Мы поворотили влѣво, т. е. въ *Schorn-grund*. Вода оставила здѣсь страшные слѣды своего свирѣпства; многіе изъ утесовъ упали; многіе пробиты, просверлены. Одна изъ горъ раздѣлилась на пять частей по числу слоевъ, изъ которыхъ она составлена, и которые получили видъ пятиobeliskovъ. Здѣсь находится другой черныи крестъ, начертанныи на скалѣ и имя *Августа Геблера*, упавшаго здѣсь въ 1692 году 25 Генваря.

Вышедши изъ оврага, мы встрѣтили тѣнистую рощицу и поляну, засѣянную пшеницей. Подлѣ дороги стоимъ каменный столъ съ скамейками, на которомъ часто обѣдалъ, какъ говорятъ, *Августъ II*. Черезъ нѣскольکو минутъ показался *Бастай*.

Собственно эшимъ именемъ называется утесъ, ошдѣлившійся на нѣскольکو футовъ ошъ горы и повисшій двумя или тремя са-

женями на воздухъ. Вершина его обнесена желѣзными перилами и вымощена плитами, которые закрываютъ и самую разсѣлину. Съ этого каменнаго балкона, устроеннаго природою, представляется видъ обширный, великолѣпный, разнообразный. Голова кружится и перяется въ круженіи, когда смотришь на пропасть, разверзающуюся подъ ногами на тысячу футовъ. При самой подошвѣ горы печетъ рѣка Эльба, покрытая лодками и спрутами. Встрѣчая со стороны Баспая непрерывно ряды утесовъ, она безпрестанно уклоняется влѣво; и образуетъ дугу или полукружіе. За Эльбою простирается лугъ съ холмиками, рощами и деревьями. Вдали видны горы и скалы, составляющія *Саксонскую Швейцарію*.

Во всей этой карвинѣ, ничего нѣтъ общаго съ видами Альпійскими; она имѣетъ нѣчто свое, особенное, какъ бы сошворенная художникомъ другой школы. Наибольше замѣчательно образованіе многихъ горъ, разсѣянныхъ на пространствѣ долинъ. Здѣсь не видно ни цѣпей, ни хребтовъ. Каждая гора поднимается отдѣльно въ видѣ кургана и

каждая увѣнчана скалами, какъ бы зубчатою короною. Прежде всего оспанавливается взоръ на *Кенигштейнъ*, занимающемъ правую сторону на первомъ планѣ. Онъ состоитъ изъ трехъ часней: изъ горы, покрытой зеленью и поднимающейся въ видѣ кургана или пирамиды; изъ скалъ, параллельно сползающихъ на вершинѣ горы, и изъ крѣпости съ зубчатыми стѣнами и башнями, висящими на скалахъ. Такимъ образомъ *Кенигштейнъ* (ш. е. Королевскій камень) имѣетъ сходство съ королевскою короною, съ папскою піарою или съ вѣнцемъ Цибеллы. Крѣпость эта почитается неприступною; потому что ущесы, на которыхъ она построена, возвышаются надъ поверхностью Эльбы на 950 оновъ или на 1187 аршинъ. Достойнъ примѣчанія въ ней колодезь, имѣющій 586 оновъ глубины и наполненный всегда водою чистою, свѣшлою и здоровою. Непріателю нѣтъ никакихъ средствъ ни перерыть, ни завалить его; отъ того что никакое ядро не въ состояніи достигнуть до этой чрезвычайной высоты.

По лѣвую сторону отъ *Кенигштейна* стоитъ *Лиліенштейнъ*. Эта гора совершенно

похожа на первую и какъ бы нарочно поставлена для симметріи съ нею. Между ними видна претія, называемая *Фалкенштейнъ*. Она спомпъ на впоромъ плаиъ и также увъичана скалами. Нъсколько далъе тянупся цъли большаго и малаго Вертемберга, сиъговыхъ (Шнейбергъ) и другихъ горъ Саксонской Швейцаріи.

Подлъ самаго Вастая, по лъвую опъ него сторону, есть огромный и какъ бы бездонный оврагъ, окруженный утесами дикаго цвъща. Почти всъ они имъюпъ видъ домовъ или башенъ, простирающихся въ глубину на тысячу футовъ. Камни, изъ которыхъ они построены, по большой части квадрапные; а фасадъ и бока параллельные, и какъ бы съ намъреніемъ обсъченныя по опвъсу руками художниковъ. Такого роду формы легко могли служить первоначальнымъ образцемъ зодчества, если оно когда либо подражало природъ.

Одинъ изъ эпихъ утесовъ выдается въ самый оврагъ; каменные спупени, изсъченныя по бокамъ его, ведутъ на самую крышу

или вершину. Я стоялъ одинъ посреди
эпихъ ужасныхъ зданій; глубокая тиши-
на царствовала вокругъ меня; чувство
благоговѣннѣя наполняло поспешенно мою ду-
шу. Не помню, о чемъ я думалъ въ эти
минуты и о комъ вопрошалъ эти скалы;
но гармоническая музыка, раздавшаяся на
высотѣ Бастая, вывела меня изъ задум-
чивости. Мнѣ казалось, что это была
хоръ Ангеловъ Гайденовыхъ, пѣвшихъ въ
умилениі: „Хвалите его горы и холмы! Te
saxa loquuntur!“

ДРЕЗДЕНЬ, $\frac{8}{30}$ Августа.

БРЮЛЕВЪ БЕЛЬВЕДЕРЪ ИЛИ ТЕРРАСА. МѢДНАЯ ГОЛГОДА НА МОСТУ.
ПАМЯТНИКЪ ГЕНЕРАЛУ МОРО.

Дрезденъ обязанъ многими своими украшеніями князю Н. Г. Репнину, который послѣ войны 1813 года осѣживался здѣсь въ званіи военнаго губернатора Саксоніи. Бельведеръ Брюля, лежащій на лѣвомъ берегу Эльбы, получилъ съ того времени совсѣмъ новый видъ. Каменная огромная лѣстница, состоящая изъ сорока широкихъ ступеней, ведетъ въ бульваръ, осѣненный липами, пересекаемый дорожками и раздѣленный нѣсколькими уступами. Подъ тѣнью деревьевъ, составляющихъ рощонду бельведера и передъ

кофейнымъ домоу разспавлены сполы и спулы для гуляющихъ, которые приходятъ сюда передъ захожденіемъ солнца попоплять въ чашахъ дневныхъ заботы или наслаждаются зрѣлищемъ великолѣпнѣйшихъ карпинъ вечера. Отсюда видны часпъ Каполической церкви,—длинный мостъ, лежащій на 10 аркахъ,—нѣсколько узорчатыхъ садовъ, — зеленые холмы,—разрисованные огнями небеса и опускающееся со всею пышностію своею за высокіе тополи, вечернее солнце.

Надъ двумя главными арками моста, которые взорваны были Французами во время отступленія и вскорѣ послѣ того возобновлены, по повелѣнію Императора Александра, сооруженъ очень хорошій памятникъ. Онъ состоишь изъ мѣднаго утеса или Голговы, на которой лежишь золотой шаръ и водруженъ крестъ съ распятіемъ Спасителя. Изъ надписи его, начертанной золотыми буквами, вы узнаете здѣсь слѣды народа, все разрушающаго и пареніе Ангела благоспи, возобновляющаго все разрушенное :

„Galli dejecerunt mart. XXVII. MDCCCXIII;
„Alexander I restituit die natali XXIV decem.
MDCCCXIII.“

Галлы разрушили Марша 27, 1813;
Александръ I возстановилъ, въ день сво-
его рожденія, 24 Декабря 1813.

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ го-
рода, на возвышенномъ мѣстѣ, стоить жер-
твенникъ или надгробный камень, осѣнен-
ный шреля липами. На немъ лежишь мечъ,
обвишый лавромъ и накрытый мѣднымъ
шлемомъ. На камнѣ начертана слѣдующая
надпись: „Моро палъ здѣсь подлѣ Алексан-
дра 27 Августа 1813 года; Moreau der held
fiel hier an der seite Alexanders den XXVII
August. MDCCCXIII. Какія воспоминанія!..

Съ эшаго мѣста видно все поле, на ко-
торомъ происходило сраженіе, и весь городъ
со всѣми его окрестностями. Моро былъ
пораженъ ядромъ подлѣ Австрійской баша-
реи, въ самое то время, когда упрасиваль

Императора Александра удалишься отъ этого опаснаго мѣста. Ядро оторвало правую ногу Моро, пролетѣло сквозь лошадей, вырвало лѣвую икру и повредило колѣно. Едва онъ опомнился, произнесъ слѣдующія слова: „Я погибаю; но какъ пріятно умирашь за правое дѣло и въ глазахъ столь Великаго Монарха!“

Преводникъ мой указалъ мнѣ лугъ, на которомъ были устроены Французскія батареи. Онъ упицанъ кровію неуспавшихъ; на ихъ могилахъ волнуется жажда и земледлецъ проводишь плугъ свой въ мирѣ.

БЕРЛИНЪ, 1826 года, Августа

Части города. Разряды жителей. Королевскій замокъ. Липовая улица. Бранденбургскія ворота. Публичныя памятники. Площадь и улица Императора Александра. Учрежденія для призванія вѣднѣхъ. Благотворительныя общества Еврейскія. Академія наукъ. Академія художествъ. Университетъ и прочія учебныя заведенія. Шарлоттенбургъ: храмъ и мавзолей надъ гробомъ королевы Луизы. Готическій памятникъ народу и войскамъ на Крейцбергѣ. Рыбачій праздникъ въ Стралау.

Прямая и кратчайшая дорога изъ Дрездена въ Берлинъ идетъ черезъ города и станціи: Гроссенеайнъ, Эльстервердъ (гдѣ Прусская таможня), Добрилугъ, Сонненвальдъ, Лукау, Гольсенъ, Барутъ и Миттенвальдъ. Только на двухъ или на трехъ станціяхъ есть шоссе; на всѣхъ прочихъ глубокіе пески, кочки,

лѣсъ, пни, колоды и даже цѣлое большое озеро, черезъ которое надобно переправляться въ бродѣ. Въ дорогѣ мы пробыли ровно 33 часа, хотя всего счищается въ ней только 23 мил.

Берлинъ расположенъ по берегамъ рѣки Спре, раздѣляющейся здѣсь на нѣсколько рукавовъ и каналовъ. Онъ обведенъ стѣною и имѣетъ въ окружности не болѣе 14 верстъ; но внутри заключаетъ пять особыхъ городовъ или частей, называемыхъ городами, какъ то: I, собственно *Берлинъ*, II, *Кёльнъ*, старый и новый, III, *Фридрихъ-Вердеръ*, IV *Нейштадтъ* (Dorotheestadt) и V, *Фридрихштадтъ*. Къ первому, охватывающемуся отъ прочихъ рѣкою, прилегаютъ три предмѣстія: Королевское, Спандауское и Спралавское; ко второму одно, называемое городкомъ Луизы *Louisenstadt*. Всѣ сии части, по полицейскому управленію, раздѣляются на 24 округа, заключающіе въ себѣ 133 улицы, 91 переулокъ, 22 площади и рынка, 34 моста, 27 церквей и болѣе 7000 домовъ.

Жителей въ *Берлинъ* безъ гарнизона въ 1810 году считалось 155,070, а въ 1821 году

178,800 (*). Они дѣлятся на пять классовъ: I) всѣ лица, пользующіяся высшими правами и состоящія въ вѣдѣніи Верхней юстиціи-палаты; II) граждане Нѣмецкаго происхожденія, занимающіеся торговлею и ремеслами и подчиненные градскому Королевскому суду; III) колонія Французская; IV) колонія Богемская; и V) Евреи, которымъ дано право покупатьъ землю, строить дома и заводить фабрики. Ими населено здѣсь нѣсколько улицъ.

Огромнѣйшее и великолѣпнѣйшее зданіе въ Кѣльнѣ, на самомъ берегу рѣки, есть *Королевскій замокъ*, построенный по проекту знаменитаго художника Шлюпера. Онъ имѣетъ въ длину 61 сажень и 3 футовъ, въ ширину 39 сажень и 3 футовъ и въ вышину 14 саж. и 3 футовъ. Съ одной стороны его находится родъ рынка и господинаго двора, съ другой парадная площадь или королевскій садъ (*der Lustgarten*) съ каштановыми и полевыми аллеями.

(*) По вѣдомостямъ 1832 года въ Берлинъ считалось уже 230,000 жителей.

Отъ этой площади черезъ новый городъ или Нейшпадтъ, до самыхъ Бранденбургскихъ воротъ простирается извѣстная Липовая улица: *Unter den Linden*, осыпанная шестью рядами высокихъ и густыхъ липъ, съ двумя по сторонамъ мостовыми для ѣзды въ экипажахъ. Улица эта украшена многими хорошими зданіями; примѣчательнѣйшія изъ нихъ при самомъ входѣ въ нее съ правой стороны: арсеналъ, университетъ и академія наукъ и художествъ; съ лѣвой: Королевскій дворецъ, опера и библіотека съ надписью на фронзонѣ: *Nutrimetum spiritus* (пища духовная).

Бранденбургскія ворота, ведущія въ паркъ, построены г. Лангансомъ въ 1790 году, по образцу Афинскаго Пропилея. Они состоятъ изъ 12 большихъ и 18 малыхъ колоннъ, съ пятью опверстіями. На воротахъ представлена Слава въ торжественной колесницѣ, везомой чепырьмя конями; она похищена была Наполеономъ въ 1806 году и, по завоёваніи союзными войсками Парижа, въ 1816 возвращена на прежнее свое мѣсто.

Конная колоссальная статуя великаго курфюрста Фридриха, вылитая въ 1703 году и стоящая на Большомъ мосту, соединяющемъ Берлинъ съ Кёльномъ, починается однимъ изъ изящнѣйшихъ произведеній Шлюшера и ваятельнаго искусства. На Вильгельмовой площади также поставлено пять мраморныхъ изваяній пяти генераловъ семилѣтней войны: *Шверина, Сейдлица, Кейта, Виттерфельда и Цитена*, работы художника *Шадова*. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ новое произведеніе Рауха, бронзовая статуя генерала *Блюхера*, поставленная только въ прошедшемъ мѣсяцѣ Іюнь, въ Липовой улицѣ, подлѣ Королевскаго дворца. Герой, представленный въ гусарскомъ костюмѣ, вынимаетъ изъ ноженъ мечъ за свободу отечества и лице его дышетъ благороднымъ негодованіемъ.

Въ Королевскомъ предмѣстіи есть еще площадь и улица, украшенныя безсмертнымъ именемъ Императора Александра. Удивительны судьбы этого Государа! Подобно исполину — солнцу, — протекши путь отъ востока до запада, онъ собралъ

искреннія благословенія и союзниковъ и непріятелей.

Берлинъ представляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ карпинъ благоустройства гражданскаго. Здѣсь никогда не видно шумныхъ и буйныхъ скопищъ черни, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и, что всего примѣчательнѣе, почти совсѣмъ не слышно о бродяжествѣ, воровствѣ и другихъ порокахъ и преступленіяхъ, раждаемыхъ нищетою и праздносію.

Для призрѣнія нищихъ приняты здѣсь правительствомъ всѣ возможныя мѣры: есть особый домъ для инвалидовъ и очень много спранныпримныхъ домовъ, госпиталей и богадѣленъ для шариковъ, вдовыхъ женщинъ и сиротъ. Одно огромное зданіе, подлѣ Силезскихъ воротъ, исключительно назначено для помѣщенія 280 бѣдныхъ семействъ, съ платою отъ нихъ за наемъ помѣщенія отъ 4 до 8 палеровъ въ годъ. Сверхъ того нѣскольکو тысячъ бѣдныхъ во всякое время снабжаются безденежно изъ казеннаго дровянаго магазина дровами и шурфомъ.

Между благошворительными заведеніями замѣчательны въ Берлинѣ *страховыя вдовы*

кассы: одна общая для женщинъ всѣхъ сословій, другая исключительно для офицерскихъ женъ.. Какъ шѣ, такъ и другія пользуются пансіонами послѣ смерти своихъ мужей, по мѣрѣ денежныхъ вкладовъ, дѣлаемыхъ послѣдними при жизни. Въ пользу *пасторскихъ и учительскихъ вдовъ*, открыты почти при всѣхъ церквахъ частныя сберегательныя общества и кассы. Каждый членъ этихъ обществъ вноситъ единовременно или платитъ ежегодно определенную сумму. Многія изъ вдовъ помѣщаются въ нарочно устроенныхъ для нихъ домахъ, и не только сами обезпечены содержаніемъ, но и дѣтямъ ихъ выдаются денежные пособія, — мальчикамъ при вступленіи ихъ въ университетъ, а дѣвцамъ при выходѣ ихъ въ замужество. Наконецъ есть особыя кассы для содержанія бѣдныхъ пасторовъ и учителей и даже для содержанія кандидатовъ духовнаго званія, до вступленія ихъ въ должность.

Сверхъ сего есть еще 14 *благотворительныхъ обществъ Еврейскихъ*; изъ нихъ одно надѣляетъ бѣдныхъ дѣвицъ приданымъ, дру-

гое выдаетъ ежемѣсячно-бѣднымъ студентамъ опредѣленные пансіоны. Два общесѣва приняли на себя обязанность дѣлать пособія бѣднымъ, безъ различія ихъ религій, не исключая и Евреевъ, оставившихъ Иудейскую вѣру;—рѣдкій примѣръ вѣроотвержимости!

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ въ Берлинѣ состояніе просвѣщенія. Предметъ сей столь обширенъ, что подробное раскрытіе его никакъ не могло бы вмѣститься въ тѣсныя рамки дневныхъ памятныхъ записокъ; и пошому я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ на одни первостепенныя учебныя словія и учебныя заведенія.

Берлинская *Академія наукъ* и словесности, основанная въ 1700 году знаменитымъ *Лейбницемъ* и прославленная въ послѣдствіи *Эйлеромъ*, дѣлится нынѣ на четыре класса: *Физическій*, *Математическій*, *Философій* *умозрительной* и *Филологій* и *Исторіи*. Члены избираются большинствомъ голосовъ и утверждаются Королемъ. Они пользуются правомъ давать публичныя лекціи въ университетѣ и, при изданіи ученыхъ сочиненій, освобождаются отъ цензуры. Обыкновенныя ихъ

собранія бывають по чепвергамъ въ 4 часа, а публичныя при раза въ годъ: 1) 24 Января, въ день рожденія Фридриха II; 2) въ день рожденія нынѣ царствующаго Короля и 3) 3 Июля, въ день рожденія барона Лейбница, перваго президента Академіи.

Кромѣ Академіи наукъ, въ Берлинѣ естѣ и *Академія художествъ*, помѣщенная вмѣстѣ съ нею въ одномъ зданіи. Въ послѣдней, сверхъ практическихъ уроковъ ваянія, архитектуръ, гравированія и живописи, преподаются теорія искусствъ, археологія, искусство сочинять и группировать фигуры, рисованіе съ натуры, анатомическое и черченіе картъ. Выставка художественныхъ произведеній обыкновенно бываетъ черезъ два года и продолжается 4 и 5 недѣль.

Естѣ еще особая *Академія архитектуры*, въ которой между прочимъ учатся постройкѣ экономическихъ зданій, шоссе, мостовъ, зданій въ водѣ и нивелированію.

Берлинскій *Университетъ* естѣ младшій почти изъ всѣхъ существующихъ въ Германіи; но онъ уже пріобрѣлъ первенство передъ многими изъ нихъ, по богатству учеб-

ныхъ пособій, по обширности преподаваемыхъ въ немъ наукъ и вообще по устройству управленія. Профессоры и студены его дѣлятся на четыре факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій. Послѣдній есть самый обширнѣйшій, заключающъ въ себѣ чистую и прикладную математику, естественную исторію, филологію, статистику и исторію политическую.

Всѣхъ профессоровъ или кафедръ, еще при самомъ открытіи университета въ 1812 году, считалось, по Богословскому факультету 5, по Юридическому 8, по Медицинскому 15 и по Философскому 32. Курсы ихъ полугодовые: зимніе и лѣтніе. Первые начинаются въ понедѣльникъ, послѣ 14 Октября, и оканчиваются въ субботу послѣ 20 Марта; послѣдніе открываются въ первый понедѣльникъ послѣ 8 Апрѣля и закрываются въ первую субботу послѣ 17 Августа. Гонораріи (плата за курсъ) назначаются самими профессорами и стоятъ однѣ по 3, 5 и 8 талеровъ (тальеръ— $92\frac{2}{3}$ коп. серебромъ), другія по 2, по 3

и даже по 4 Фридрихсдора (Фридрихсдоръ 503 коп. серебр.).

Университетъ помѣщается во дворцѣ принца Генриха, брата Фридриха великаго. Какъ симъ помѣщеніемъ, такъ и богатствомъ своихъ музеевъ, кабинетовъ и картинныхъ галлерей, онъ преимущественно обязанъ щедростямъ своего основателя, нынѣ царствующаго Короля. Знаменистая *Джюстинианова* галлерей, пріобрѣтенная въ Римѣ и находившаяся нѣсколько времени въ королевскомъ замкѣ, также подарена университету. *Минералогическій* кабинетъ его, принадлежавшій прежде горному департаменту, состоитъ изъ двухъ коллекцій: систематической и топографической; въ первой разные роды и виды минераловъ расположены въ порядкѣ систематическомъ; во второй они дѣлятся по народамъ, какъ то: 1) Прусскіе, 2) вообще Нѣмецкіе; 3) Русскіе; 4) Англійскіе; 5) Шведскіе; 6) Норвежскіе. Въ *Геологической* кабинетѣ примѣчательно собраніе Сибирскихъ птицъ, принадлежавшее знаменитому нашему Палласу. Здѣсь же находятся два большіе верблюда и пара огромныхъ спроусовъ,

аргусъ, камелопардъ, перчатки изъ раковинныхъ волоконъ и проч.

Сверхъ сего есть въ Берлинѣ Академія Военная, особая Артиллерійская, Академія Медикохирургическая, ветеринарная школа съ богатою коллекціею скелетовъ живописныхъ, и подковъ, нѣсколько коллекцій со многими низшими школами и пансіонами, институтъ Луизинъ для образованія наставницъ; институтъ слѣпыхъ, королевская школа глухонемыхъ, разные ученые общества и академіи пѣнія и верховой ѣзды.

Любимыя гулянья Берлинскихъ гражданъ въ Нейштадтѣ подъ тѣнью липъ (Unter den Linden) и въ паркѣ, находящемся подлѣ самыхъ воротъ Бранденбургскихъ. Пролегающее черезъ паркъ шоссе ведетъ въ *Шарлоттенбургъ*, небольшой городокъ съ королевскимъ дворцомъ, верспахъ въ пяти отъ столицы. Дворецъ сей окруженъ садомъ, въ которомъ еще Королемъ Фридрихомъ II выстроены оранжерея, театръ, бельведеръ и особенное зданіе для ловли рыбы, во вкусъ Готическомъ и Ошайтскомъ. Садъ заключаетъ два острова: на одномъ изъ нихъ

бюстъ покойной *Королевы Луизы*, на другомъ павильонѣ или храмѣ, въ которомъ она погребена. Передъ храмомъ маленькая площадка, украшенная бѣлыми розами и лиліями, и осыненная соснами, кипарисами и плакучими ивами. Фасадъ его состоитъ изъ портика съ четырьмя колоннами Дорическаго ордена, на семи гранизовыхъ ступеняхъ. Внутренность дѣлится на двѣ половины; на верхнюю и нижнюю. Въ первой, отдѣляющейся отъ послѣдней колоннадою и устроенной надъ гробовымъ зашворомъ, поставленъ прекрасный мраморный мавзолей, работанный въ Римѣ Берлинскимъ ваятелемъ *Раухомъ*. Онъ представляетъ Королеву лежащую на софѣ. Этотъ памятникъ сдѣланъ для Прусаковъ почти предметомъ благоговѣнія. Никто изъ нихъ не можетъ вспомнить равнодушно о своей Государынѣ и, слушая о добродѣтеляхъ и качествахъ, украсившихъ ея душу, нельзя не раздѣлить съ ними ихъ скорби и умиленія.

За воротами *Потсдамскими* есть много дачъ съ Англійскими садами. Здѣсь же находится *ботаническій садъ*, принадлежащій Академіи наукъ. Онъ открытъ для публики два

раза въ недѣлю: весною и лѣтомъ по пятницамъ и воскресеньямъ отъ 2 до 7 часовъ вечера, а осенью и зимою по субботамъ и воскресеньямъ отъ 8 до 12 часовъ утра.

За *Гальскими* ворохами, на одномъ изъ холмовъ, на которомъ въ 1813 году происходило сраженіе съ Французами, недавно воздвигнутъ, въ честь Прусскихъ и союзныхъ войскъ, огромный и прекрасный памятникъ изъ желѣза, въ видѣ Готическаго храма. Въ нишахъ его, съ наружной стороны, предспавлены побѣды: при *Гросс-Гершенѣ* или *Люценѣ*, воинъ въ лавровомъ вѣнкѣ; при *Лейпцигѣ*, геній, держащій щитъ съ гербами Русскимъ, Прусскимъ и Австрійскимъ; подъ *Парижемъ* Побѣда, возвращающая Бранденбургскую колесницу съ конями и держащая въ лѣвой рукѣ оливную вѣтвь; при *Бельгелансѣ* Миръ съ оливною вѣтвью въ лѣвой рукѣ и указывающій правою на небо. На фронтонѣ монумента есть надпись, въ которой сказано, что Король посвящаетъ его народу, жертвовавшему достояніемъ и кровію для опечества.

Въ *Спиралау* я былъ въ самый рыбачій праздникъ 24 Августа. Въ этотъ день, слѣдующъ древнему обычаю, рыболовы закидываютъ три топи: первую для магистрата, вторую для себя, третью для приходскаго священника. Лугъ на правомъ берегу рѣки весь усыянъ шапками; рѣка покрыта шляпками; кофейные дома и шинки наполнены народомъ; вездѣ гремитъ музыка и красивыя Нѣмочки кружатъ въ вальсахъ своихъ амуровъ. Говорятъ, что изъ *Спиралау* прекрасный видъ на Берлинъ, и въ особенности при заходѣ солнца; но за облаками пещаной пыли ничего не видно. Пыль и жары, продолжающіеся уже нѣсколько дней между 24 и 26 градусами, задушаютъ атмосферу.

БРЕСЛАВЛЬ, $\frac{20 \text{ Августа}}{1 \text{ Сентября}}$

Отъ Берлина до *Бреславля* счисляется $44\frac{3}{4}$ Нѣмецкой мили; шоссе очень хорошее, дилижансъ покойный; маршрутъ: *Франкфуртъ на Одеръ*, *Кроссенъ*, *Грюнберъ*, *Полк-вицъ*, *Любенъ*, и *Неймаркпъ*. Въ дорогъ пробыли мы 42 часа.

Бреславскій *Университетъ*, основанный въ 1811 году, помѣщается въ Леопольдовомъ дворцѣ (*Aula Leopoldina*). Ведущія въ него лѣспницы украшены историческими картинами, аллегоріями и гербами королевской фамиліи. При *Университетѣ* есть небольшой кабинетъ натуральной исторіи и богатая библіотека, содержащая въ себѣ до 100,000 книгъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Библія

на Киптайскомъ языкѣ; Киптайскій лексиконъ, изданный по приказанію Наполеона; книга Удскаго короля ипр.

Всѣхъ жителей считается здѣсь болѣе 70,000; въ числѣ зданій, украшающихъ городъ, оплмчаются Августинская церковь, епископскій домъ, казармы, таможня и биржевая зала, роскошно украшенная люстрами и канделябрами.

Въ Лондонѣ съ 9 часовъ вечера спорожа ходишь по улицамъ и поюшь: Ten clock.... Въ Дрезденѣ шрубяшь въ трубу и сказываюшь, сколько пробило часовъ; въ Берлинѣ свистяишь на флейтъ и кричаишь, который часъ; въ Бреславлѣ послѣ каждаго часа шрубачъ играеишь на шрубѣ, споя на башнѣ Рапуши.

Съ эшой башни въ ясный день открываюишь всѣ опдаленныя окреспности, и между прочимъ видны горы *Шнеекоппе* и *Зобтенбергъ*, Послѣдняя, называемая по Славянски Собошскою горою, опстоишь опъ Бреславля на 5 миль. На ней въ древности, 23 Іюня вечеромъ, на канунѣ праздника Св. Іоанна Крестишеля, зажигаиши *собошки* или огни. Достойно

примѣчанія, что въ Богеміи до сихъ поръ прогоняють скопину черезъ соборки, для предохраненія оныхъ чародѣйства. У насъ во многихъ селеніяхъ Малороссіи и Великороссійскихъ Губерній также сохраняется это обыкновеніе, во время скопскаго падежа.

К Р А К О В Ъ.

Маршрутъ оуъ Бреславлѣ до Кракова:
Олау (съ красными на церквахъ главами),
Бригѣ, *Оппельнѣ*, *Грос-Стрелицѣ*, *Тостѣ* съ
развалинами замка, *Глейвицѣ* и *Мысловитѣ*.
Вся эта дорога, на пространствѣ 36 миль,
немоощная и самая безпокойная; diligensы
или рыдваны безъ ресоръ; гостиницы нѣтъ;

въ Жидовскихъ корчмахъ нельзя найти ни обѣда, ни завтрака; однимъ словомъ: при дня этого переѣзда были для насъ самыми сухими сочельниками. Встрѣчаемыя на дорогѣ Каполическія процессіи еще напоминаютъ владычество Рима; но одежда жишелей, сприжка волосъ ихъ и самое построеніе домовъ уже показываютъ, что мы въ Славянской Европѣ. Изъ Мысловича, небольшого городка, отдѣляемаго только одною рѣкою отъ Русской Польши, уже видны разѣзды нашихъ Козаковъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ СОСТОЯНІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ СЪ
СОСТОЯНІЕМЪ ЕГО ВЪ ПРОЧИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЕВРОПЫ.

Въ путевыхъ запискахъ моихъ я неоднократно упоминалъ о превращенныхъ понятіяхъ иностранцевъ о Россіи. Оспаривая безъ вниманія всѣ ихъ шутки и клеветы, происходящія отъ невѣдѣнія или злословія и опровергаемыя собственною ихъ нелѣпостію, я намѣренъ представить здѣсь одинъ образчикъ спанистическихъ соображеній о степени просвѣщенія Русскаго народа, помѣщенныхъ недавно въ извѣстномъ журналѣ: *Revue Germanique*, въ отчетѣ о всемірномъ просвѣщеніи. Сии соображенія переданы были одною изъ Русскихъ газетъ и нашей публикѣ,

но безъ опроверженій. Я, напропівъ, почти шаю молчаніе наше совсѣмъ неумѣстнымъ въ такомъ случаѣ, когда разсматривается вопросъ о снепеніи умственныхъ и нравственныхъ силъ нашего общества и когда самая извѣстность иностраннаго журнала и рѣшительный тонъ его уже досматриваютъ, чтобы поколебать не только всѣхъ любознательныхъ и благонамѣренныхъ иностранцевъ, но и многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, легко увлекаемыхъ блескомъ чужеземной учености. На сей разъ Нѣмецкіе журналисты выступили пропіву насъ съ фалангою цифръ; мы также пропіву поставимъ имъ ополченіе, состоящее изъ цифръ; данныя должны быть объясняемы и опровергаемы только данными.

Исчисленія Нѣмцевъ заключаются въ слѣдующемъ:

Число угащителей:

Во Франціи 1 на 21 жишел.

Въ Англіи, по вѣдомостямъ

1830 года 1 — 11 —

А по рапортамъ 1831 года

уже 1 — 7 —

Въ Австріи и Бельгіи . . .	1	на 10	жишел.
Въ Пруссіи, Даніи и Швеціи	1	— 7	—
Въ Царствѣ Польскомъ . .	1	— 100	—
Въ Герцогствѣ Познанскомъ	1	— 50	—
А въ Россіи	1	на 700!	...

Недочетъ, прискорбный для всѣхъ Русскихъ! Изъ него можно заключить, что Россія съ XVII столѣтія еще ни на шагъ не подалась впередъ, по части просвѣщенія; ибо мы увѣрены, что по одному изъ 700 учились у насъ еще и до Петра Великаго.

Прежде всего надлежитъ знать, на чемъ ученые Нѣмцы основали свои выкладки о состояніи просвѣщенія въ Россіи. Далеко ходить за справками не нужно. Раскроемъ изданный С. П. Бургскою Академіею Наукъ на языкахъ Русскомъ и Нѣмецкомъ *мѣсяцесловъ на 1835 годъ*; въ немъ на страницѣ 154-й показано число жителей въ Европейской Россіи 48,000,000; а на стр. 170-й означено число учащихъ по вѣдомству Министертва Народнаго Просвѣщенія: 70,566. Раздѣливъ первую сумму на послѣднюю, дѣйствительно получимъ знаменателя: 699, или, круглымъ чи-

сломя, 1-го учащагося на 700 жилищей. Вопрь въ чемъ и весь секретъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Вѣроятно они думали, что вѣдомость Русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія заключала въ себѣ все число учащихся въ обширной Россійской Имперіи. Опъ этой поропливости вкралась въ ихъ бухгалтерію небольшая ошибочка; ими пропущено: — бездѣлица! —

I. Всѣ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства Греко-Россійскаго исповѣданія; а въ нихъ учащихся, по вѣдомости 1831 года, 53,980, нынѣ же болѣе 60,000.

II. Всѣ военно-учебныя заведенія, подвѣдомственные особому совѣщу, морскаго вѣдомства и военныхъ кантонистовъ; а въ нихъ учащихся, со всѣми кантонистами; по вѣдомости 1831 года, 122,170.

III. Учебныя заведенія, подвѣдомственные Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, какъ то: С. П. Бургская, Московская и Виленская Медико-хирургическія Академіи и Виленская Римско-Каполическая Духовная Академія, Римско-Каполическія и Греко-Унишскія семинаріи и Г. У. уѣздныя училища, училища

Армяно-Грегоріянскаго духовенства, училища для дѣтей Канцелярскихъ служителей, Апшкарская школа и пансіоны при женскихъ Римско-Католическихъ и Греко-Унишскихъ монастыряхъ. Въ нихъ учащихся 5,200.

IV. Воспитательныя заведенія, состоящія
1) подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны,
2) подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Въ сихъ заведеніяхъ учащихся до 5,000.

V. Учебныя заведенія, подвѣдомственные Министерству Императорскаго Двора, какъ то: Академія Художествъ и школы по вѣдомству Департамента Удѣловъ: Землемѣрское училище при Департаментѣ Удѣловъ, Главныя Удѣльныя училища въ Красномъ Селѣ и въ Москвѣ, Земледѣльческое въ С. П. Бургѣ, два училища при Пешергофскихъ фабрикахъ, гранитной и бумажной, и 35 вновь открытыхъ сельскихъ удѣльныхъ училищъ; въ нихъ учащихся не менѣе 2,000.

VI. Учебныя заведенія, состоящія подъ разными вѣдомствами, какъ то: Практическая Коммерческая Академія въ Москвѣ, Горный Кадетскій Корпусъ, Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, Кондукторская школа, Лѣсной институтъ со школою Межевщиковъ, училище Гражданскихъ Инженеровъ, Практическій Технологическій институтъ, Судостроительное училище и училище Торговаго Мореплаванія, Земледѣльческая школа при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, Рисовальная школа Графа Спрога-нова, нѣсколько другихъ художественныхъ и техническихъ школъ, училище при домѣ Призрѣнія Сиротъ, Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ и проч... Въ нихъ учащихся можно положить примѣрно до 2,000.

VII. Лекарскихъ учениковъ и приготавливаемыхъ въ фельдшера при военныхъ госпиталяхъ и по приказамъ общественнаго призрѣнія также можно положить 2,000.

И того всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи 268,200.

Теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Изъ вышеозначеннаго оп-

чета Нѣмцевъ о всемірномъ просвѣщеніи оп-
ыывается, что число учащихся въ высшихъ
учебныхъ заведеніяхъ содержится къ числу
учениковъ низшихъ школъ:

Въ Австріи, какъ	1 : 38.
— Англіи, —	1 : 44.
— Пруссіи, —	1 : 56.
— Голландіи —	1 : 93.
— Норвегіи —	1 : 140.
— Даніи —	1 : 171.

Въ Россіи къ высшимъ учебнымъ заведе-
ніямъ должны быть опнесены: 6 универси-
тетовъ, 1 Главный Педагогическій инспи-
тутъ, 3 лица, 65 гимназій, 3 Духовныя
академіи, 41 семинарія, 20 Военныхъ корпу-
совъ и другихъ высшихъ училищъ, 13 изъ
учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ Вы-
сочайшимъ покровительствомъ Императрицы
Александры Ѳеодоровны, 3 Медико-хи-
рургическія академіи, 1 Духовная Римско-ка-
толическая академія, 13 Римско-католиче-
скихъ семинарій и 2 Греко-униинскихъ, 1 ака-
демія Художествъ, 10 Техническихъ учебныхъ
заведеній и изъ 504 пансіоновъ около 40, въ
Часть IV. 17

копорхъ преподающа курсы, соотвѣпству-
ющіе гимназическимъ. Учащихся въ сихъ за-
веденіяхъ около 60,000, или почти $\frac{1}{4}$ всей
суммы воспитывающихся въ публичныхъ
училищахъ.

Что касается до самыхъ низшихъ или
приходскихъ и народныхъ училищъ, ихъ у
насъ очень мало, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ
и совсѣмъ нѣтъ: напр. Въ Казанской губерніи:

1 Универ., 1 гимн., 12 уѣздн., 6 приход.
Въ Слободско-Украинской:

1 Универ.	1 гимн.	11 уѣздн.	8 прих.
Въ Черниг.	3	—	14 — 3 —
— Полтав.	1	—	15 — 2 —
— Новгор.	1	—	9 — 0 —
— Арханг.	1	—	6 — 0 —
— Астрах.	1	—	0 — 0 —

Въ Закавказ.

управленіи 1 — 10. — 0 —

Эта разительная несоразмѣрность между
нашими высшими училищами и низшими, со-
всѣмъ не соотвѣпствующая пропорціямъ
Европейскимъ, невольно приводитъ насъ къ
вопросу: откуда и какъ наполняются первыя.
Если въ государствахъ, издавна славящихся

своимъ просвѣщеніемъ, надобно нѣсколько десятишковъ и даже сопенъ для приготоуленія одного воспитанника къ ученію высшему, классическому; по какимъ чудомъ въ Россіи доспаетъ прехъ или чепырехъ единиць для доспигенія той же цѣли?

Вопросъ сей опчаспи уже разрѣшенъ въ вышеозначенной спашѣ о всемірномъ просвѣщеніи. Въ ней, по официальной вѣдомости 1829 года, въ Швеціи причипаетса только 1 учащійся на 157 жипелей; но Нѣмецкіе ученые, замѣпивъ, что Шведскіе креспяне въ мѣстахъ, опдаленныхъ опъ городовъ, сами учащъ дѣшей своихъ грамопъ, посщавили всѣхъ ихъ въ общій счепъ и положили одного учащагоса на 7 жипелей. Не понятно, опъ чего одно и тоже воспитаніе, при одинакихъ поводахъ и степени, принятое во вниманіе въ Швеціи, оставлено безъ уваженія въ Россіи. Кпо же изъ насъ болѣе или менѣе не обязанъ сему воспитанію своимъ первоначальнымъ образованіемъ? Дѣпи свящепно и церковнослужипелей нашихъ всѣ безъ исключенія учащся чпенію, писъму, а иногда и начальнымъ правиламъ языка и ариеметикъ,

*

въ домахъ опцевъ своихъ. Дѣти дворянъ не только начинаютъ, но часто и оканчиваютъ свое образованіе также въ домахъ своихъ родителей. Для прочихъ сословій у насъ есть множество частныхъ или домашнихъ школъ, еще не приведенныхъ въ извѣстность и училищными начальствами, и содержимыхъ обыкновенно священно и церковно служителями или особыми такъ называемыми *мастерами*. Короче сказать: наше домашнее воспитаніе, вынужденное обстоятельствомъ и утвержденное обычаемъ, уже вошло въ систему общаго воспитанія. Подобно сему послѣднему, оно состоитъ подъ покровительствомъ Правительства, которое, для большаго его совершенствованія, учредило даже особый классъ наставниковъ, съ правами, равняющими ихъ служеніе съ государственною службою.

Главное затрудненіе состоитъ въ исчисленіи всѣхъ учащихся дома или частныхъ образомъ. Не имѣя возможности опредѣлить ихъ съ точностію, мы впрочемъ не много бы ошиблись, если бы, для опысканія средняго вѣроятнаго числа ихъ, приняли ту же пропорцію между ними и учащимися въ публич-

ныхъ заведеніяхъ, какая показана выше между учениками низшихъ школъ и воспитанниками высшихъ училищъ. Такимъ образомъ, помноживъ сумму учащихся въ публичныхъ заведеніяхъ: 268,200 на 3, получимъ итогъ учащихся дома: 804,600; а сложивъ сію послѣднюю сумму съ первою, получимъ число всѣхъ учащихся въ Россіи: 1,072,800.

Но чтобы не быть поражену симъ исчисленіемъ, которое съ перваго взгляда можетъ показаться слишкомъ преувеличеннымъ, — разсмотримъ состояніе просвѣщенія въ Россіи порознь, въ каждомъ сословіи.

Начнемъ съ *Духовенства*, какъ класса, исключительно посвященнаго ученію. Всего Духовенства Греко-Россійскаго, по таблицахъ г. Зябловскаго, только 210,000, но г. спаписпикъ, вѣроятно считающій здѣсь однихъ цѣпашныхъ Духовныхъ; ибо, по его же показанію, всѣхъ православныхъ церквей въ Россіи 27,081; при нихъ, по цѣпашному положенію, священно и церковно-служителей 118,406, на лицо 98,740, а съ женскимъ поломъ должно быть около 200,000. У нихъ дѣшней старшаго возраста, отъ 10 до 20

лѣтъ, обучающихся въ публичныхъ заведеніяхъ, 60,000 и столькоже женскаго пола; въ младшемъ возрастѣ, подверженномъ большей смертности, но выигрывающемъ въ приращеніи лицъ посредствомъ рожденій, также можно положить 60,000 мужскаго и столькоже женскаго пола. Прибавивъ къ сему 40,000 преспартыхъ, вдовъ и заштатныхъ, получимъ всего 480,000 лицъ духовнаго званія. Изъ нихъ въ училищахъ, старшаго возраста 60,000; малолѣтнихъ, учащихся дома, $\frac{1}{3}$ всей ихъ суммы или 20,000 и $\frac{1}{3}$ учащихся женскаго пола въ обоихъ возрастахъ или 40,000; и того всѣхъ учащихся духовнаго званія 120,000, которые содержатся ко всему числу Духовенства, какъ 1 къ 4 или по 1-му учащемуся на 4 лица. Эта пропорція учащихся къ народонаселенію, можетъ быть, единственная не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ, поясняется во *первыхъ* тѣмъ, что наши Духовные учащія всѣ *ex professo* или по самому долгу своего званія; во *вторыхъ*,—что періодъ ихъ ученія продолжительнѣе, нежели прочихъ сословій, и во *третьихъ*, что по окончаніи ученія, они немедленно

вспупаютъ въ должность и припомъ священно-служители не иначе, какъ женившіе еще прежде посвященія въ сей санъ.

Дворянства всего счисляется 225,000. Въ этомъ классѣ, какъ высшемъ между всѣми народными сословіями, учаия дѣши обоего пола, всѣ безъ исключенія; и потому для него можно взять ту же пропорцію, какая принята редакторами сравнительнаго обозрѣнія всемірнаго просвѣщенія для Соединенныхъ Штатовъ, именно по 1 учащемуся на 5 лицъ, а всѣхъ обоего пола 45,000.

Служаще и отставные составляютъ особый классъ, простирающійся, по показанію г. Зябловскаго, до 750,000. Полагая между ними по крайней мѣрѣ по 1 учащемуся на 7, такъ какъ въ Пруссіи и Швеціи, получимъ всѣхъ учащихся обоего пола 107,000.

Всѣхъ *Купцовъ* по 7 ревизіи 1816 года было 77,283 души; нынѣ съ приращеніемъ родившихся и вновь вступившихъ въ сіе сословіе, должно быть обоего пола 200,000. Изъ нихъ дѣши мужескаго пола всѣ учатся, женскаго большая часть. Вообще, судя по быспрому распространенію между купеческимъ, въ по-

сладнее время, не только первоначального, но и высшего образованія, мы можем положить и въ этомъ сословіи 7-ю часть учащихся, а всѣхъ обоего пола 27,000.

Мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ и посадскихъ жителей, исключая купцовъ, духовенство и дворянство, въ настоящее время должно быть около 5,000,000 ().* Между ними можно положить и учащагося на чепыре семейства или на 20 лицъ; а всѣхъ учащихся 250,000.

При семъ не надобно перяты изъ виду *дворянскихъ людей* и прочихъ крѣпостныхъ и вольныхъ служителей, которыхъ всѣхъ на 1 миллионъ дворянства и служащихъ должно быть по крайней мѣрѣ 3 миллиона. Изъ нихъ боль-

(*) Г. Зябловскій полагаетъ однихъ городскихъ жителей 5 мил., не считая жителей посадовъ и мѣстечекъ. Сихъ послѣднихъ въ Виленской губерніи 191, въ Волынской 151, въ Подольской 108. Въ Полтавской губерніи всѣхъ мѣстечекъ 76; но изъ нихъ въ Бѣликахъ 14,602 душъ жителей, въ Новыхъ Сенжарахъ 13,722; въ Рышетиловкѣ 11,522; въ Старыхъ Сенжарахъ 10,190 и т. д. По другимъ губерніямъ въ Бердичевъ Житомирскаго уѣзда 22,152; въ Косовкѣ Черниговскаго уѣзда 11,336; въ Шкловѣ Могилевскаго уѣзда 9,019.

шая часть съ дѣлсива готовятся въ камердинеры, въ управители, въ конторщики, въ писари и даже въ арписшы, художники и спряпчіе. У многихъ помѣщиковъ устроены для нихъ особыя домашнія школы. Мы не ошибемся, положивъ между ними 1-го учащагося на 15 человекъ: что составишь всего 200,000.

Всего *войска* съ женами и малолѣтными, по вычисленіямъ г. Зябловскаго, — 1,200,000. Изъ нихъ учащихся однихъ кантонисповъ, по вѣдомости 1831 года, 116,000.

Остается классъ народа самый многосложный и разнообразный: *крестьяне*, копорыхъ, по различію ихъ племень, нарѣчій, исповѣданій, обычаевъ и по самому положенію обитаемыхъ ими странъ, очень трудно подвести подъ одно общее положеніе. Всѣхъ ихъ должно быть не менѣе 42,000,000; но одни изъ нихъ едва въ состояніи представить по 1-му учащемуся на 500; другіе же, какъ то: подгородные, промышленники, торговые, удѣльные и нѣкоторыхъ вельможъ, немногимъ отспающъ отъ образованности

городскихъ жителей (*). Избравъ для нихъ пропорцію среднюю: 1 на 200, получимъ всѣхъ учащихся изъ этого класса: 210,000.

И того всѣхъ учащихся въ Россіи:

Духовныхъ	120,000
Дворянъ	45,000
Дѣтей чиновниковъ	107,000
Купцовъ	27,000
Городскихъ жителей	250,000
Дворовыхъ	200,000
Кантонистовъ	116,000
Крестьянъ	210,000

Всего 1.075,000

Исключивъ изъ этой суммы 268,200 воспитанниковъ публичныхъ учебныхъ заведеній, получимъ число учащихся частнымъ образомъ 806,800.—По первому способу исчисления, по которому число воспитанниковъ публичныхъ заведеній умножалось на 3, оказалось учащихся дома 804,600, а всѣхъ уча-

(*) Есть губерніи, на пр. Ярославская и Владимірская, въ которыхъ довольно значительная часть крестьянъ грамотные.

щихся въ Россіи 1,072,800; разницу составляютъ только 2,200. Слѣдовательно въ Россіи причисляется не по 1-му учащемуся на 700 народонаселенія, какъ угодно было положить ученымъ Нѣмцамъ, а по 1-му на 48 жителей; и припомъ считая здѣсь народонаселеніе не одной Европейской Россіи 48,000,000, а вообще всей Имперіи, простирающееся до 52,000,000.

Изъ сихъ вычисленій открывается, что Россія, по самому числу учащихся, стоитъ не только въ ряду прочихъ Европейскихъ государствъ, но еще и выше многихъ изъ нихъ; потому что и между ними въ *Сардиніи* причисляется только 1 учащійся на 70 жителей, въ *Португаліи* 1 на 80, въ *Голландіи* 1 на 82, въ *Польшѣ* 1 на 100, на *Ионическихъ островахъ* 1 на 104, въ *Греческомъ королевствѣ* 1 на 116, въ *Тосканѣ* 1 на 206.

Наши вычисленія о степени просвѣщенія разныхъ народныхъ сословій въ Россіи многіе покажутся преувеличенными и невѣроятными; но Россія тѣмъ и отличается отъ прочихъ Европейскихъ государствъ, что когда идешь дѣло объ успѣхахъ ея въ просвѣщеніи,

въ ней все кажется невѣроятнымъ. Одинъ добросовѣстный наблюдатель изъ Французовъ, г. Шопень, жившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, сказалъ въ одномъ сочиненіи: „Кто не видалъ Россіи въ продолженіе десяти лѣтъ, тотъ уже не узнаетъ ея ни въ какомъ отношеніи; такъ быспро растетъ она и въ физическихъ и нравственныхъ силахъ!“ — Къ сожалѣнію, затопъ растетъ ея для самихъ насъ менѣе, нежели для кого нибудь, бываетъ замѣтенъ; и именно по тому, что онъ совершается передъ нашими глазами.

Русская газета въ вышеозначенной статьѣ о Европейскомъ просвѣщеніи, опдаетъ въ немъ преимущество Пруссіи передъ всѣми государствами. Замѣтивъ, что въ Пруссіи находится одно учебное заведеніе на 560. жителей и одинъ ученикъ на 7 жителей, она дѣлаетъ ей слѣдующее метафорическое привѣтствіе: „Склоняемъ чело и благоговѣемъ!“ — Въ подобныхъ обозрѣніяхъ, кажется, не надобно терять изъ виду и причинъ, движущихъ или замедляющихъ просвѣщеніе. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ протестантскихъ государствахъ,

нижшій классъ народа учиться грамотѣ не столько по собственному побужденію, сколько по необходимости, возлагаемой на нихъ законами церковными и гражданскими. У протестантовъ незнающіе грамоты и псалмопѣнія, составляющаго всю основу ихъ Богослуженія, не допускаются къ трапезѣ причащенія, а слѣдовательно и не признаются членами церкви; незнаніе грамоты служитъ имъ препятствіемъ даже и ко вступленію въ бракъ; а это обстоятельство совсѣмъ не маловажное.

У насъ учатся по долгу своего званія только три или четыре сословія: духовенство, дворянство, купечество и кантонисты; и мы видѣли, какъ высоко возрасла между ними пропорція учащихся; именно какъ 1 къ 10, 7, 5 и даже 4, — пропорція, передъ которою, послѣ челопреклоненія передъ иноплеменнымъ народомъ, уже ничего не остается, какъ развѣ, по изреченію перваго нашего друкаря Іоанна Θεодорова сына з Москвы, — *раболюпно метаніе до лица земаго умиленно сѣтворити.*

Что касается до степени просвѣщенія нашихъ и иностранныхъ крестьянъ, въ этомъ

нѣтъ между ними почти никакой разницы. Преимущество послѣднихъ состоитъ только въ томъ, что, кромѣ молитвъ, псалмовъ и сказокъ, они читаютъ еще какую нибудь газету; преимущество совсѣмъ незавидное. Кто бывалъ во Франціи, тому извѣстно, съ какою жадностію тамошніе ремесленники плаваютъ послѣднее су за ластящій имъ листокъ, чтобы, по прочтеніи его, убить остальную часть дня въ шумныхъ толкахъ о приписаніяхъ, дѣлаемыхъ имъ, по ихъ мнѣнію, правительствомъ.

Вопросъ: что полезно для благоденствія государственнаго: образованіе ли всей массы народа, или преимущественно высшихъ и среднихъ сословій,—есть вопросъ весьма важный, политическій. Французскіе политики держатся перваго начала, полагая, что удобнее управлять черною образованною, нежели помраченною невѣжествомъ. Австрія и Англія, кажется, слѣдуютъ началу прошивному, бывъ убѣждены, можетъ быть опытомъ, что и необузданный классъ черни легко управляется, когда есть въ государствѣ люди, способные держать бразды правленія. Самой Пруссіи

принадлежитъ честь не за повсемѣстное распространеніе просвѣщенія во всѣхъ сословіяхъ народныхъ, а за направленіе, данное сему распространенію, или за пригопшвленіе и образованіе сословіи, изъ среды которыхъ должны вышли генералы, полковники, ученые, государственные сановники и всѣ чины для разныхъ отраслей правленія. Этимъ она обязана преимущественно нынѣ царствующему Королю, который, учредивъ нѣсколько новыхъ университетовъ и академій и устроивъ порядокъ во всѣхъ старыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ истиннымъ талантамъ всѣ возможные способы къ просвѣщенію.

Разсмапривая въ этомъ отношеніи Европейскія государства, мы увидимъ, что число учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ содержится къ народонаселенію:

Въ Пруссіи	какъ	і	къ	464	жищел.
— Австріи	—	і	—	600	—
— Англіи	—	і	—	800	—
— Швеціи	—	і	—	892	—
— Португалліи	—	і	—	1440	—
— Даніи	—	і	—	1493	—

Въ Россіи, раздѣливъ на 60 ш. учащихся въ высшихъ училищахъ, 52 милліона всего народонаселенія, получимъ знаменателя 866; а раздѣливъ на то же число воспитанниковъ только 48 милліоновъ одного Европейскаго народонаселенія, получимъ одного учащагося на 800, также какъ и въ Англіи. И вопрь право Россіи на пишло просвѣщеннаго Европейскаго Государства.

Присемъ замѣшимъ, что число высшихъ училищъ въ Россіи въ послѣднее тридцатилѣтіе болѣе, нежели удвоилось; число учащихся въ нихъ умножилось болѣе, нежели въ чепыре раза; число среднихъ и нисшихъ училищъ возрасло въ десятиъ разъ. Намъ нѣтъ нужды прибѣгать здѣсь къ общимъ мѣстамъ и иперболамъ, въ оправданіе Россіи противъ клеветъ и порицаній оглашенныхъ враговъ ея; чуждые всякаго самохвальства, мы удовольствуемся указаніемъ на учебныя заведенія, открытыя въ одно послѣднее пятилѣтіе (до 1835 г.) при нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ. Въ одно это пятилѣтіе вновь учреждены: Главный Педагогическій инспитущъ, университетъ Св. Владиміра, нѣ-

сколько лицеевъ и гимназій; Военная академія при Главномъ Штабѣ, Виленская Медико-хирургическая академія и Римско-каполическая Духовная академія въ Вильнѣ; Александровскій корпусъ, Практическій Технологическій институтъ, институтъ Восточныхъ языковъ въ Одессѣ, тамъ же особенное Еврейское училище, училище Гражданскихъ Инженеровъ при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія, 12 училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, институтъ для образованія переводчиковъ съ Калмыцкаго языка, Аудиторіатская школа при С. П. Бургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ и Фельдшерскія школы при больницахъ Приказовъ общественнаго призрѣнія, Московское Дворцовое Архитектурное училище, училище Торговаго Мореплаванія при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли; училищное отдѣленіе при Симферопольской гимназій для образованія Татарскихъ учителей изъ природныхъ Татарскихъ дѣтей; особая школа Межевщиковъ при Лѣсномъ институтѣ; 35 открыто и 36 предполагено

сельскихъ удѣльныхъ училищъ и множествъ другихъ училищъ, среднихъ и низшихъ. По вѣдомостямъ одного Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ 1832 году приходскихъ училищъ и пансіоновъ было 886, а въ 1833-мъ число ихъ возрасло уже до 1090; всѣхъ учебныхъ заведеній въ 1834 году было 1544, въ 1835-мъ 1682, въ 1836-мъ 1744. Учащихся по вѣдомству сего министерства было въ 1834 году 78,096, въ 1835-мъ 85,707, въ 1836-мъ 91,800. Мы умалчиваемъ здѣсь о преобразованіи всѣхъ университетовъ и гимназій, о распространеніи учебныхъ предметовъ, объ улучшеніи методовъ и обо всѣхъ мѣрахъ, исполненныхъ и предпринимаемыхъ для обезпеченія состоянія наставниковъ,—не на счетъ учащихся, какъ въ другихъ государствахъ, а исключительно на счетъ казны. Все это не есть ли рѣдкій и единственный феноменъ въ исторіи просвѣщенія?—Вопшъ гдѣ всѣмъ истиннымъ цѣнителямъ просвѣщенія надлежитъ преклонить главы свои!..

Пояснивъ такимъ образомъ дѣло, затупанное Нѣмецкими журналистами, я не могу пройти молчаніемъ и другаго весьма примѣ-

чашельнаго мнѣнія иностранцевъ о образованности Россіи. Между тѣмъ какъ ученые Нѣмцы, съ помощію своей семисотной фаланги, усиливались отпихнуть насъ въ Азію, къ кочевымъ народамъ или въ шемныя Камчадалскія юрты,—извѣстный Французскій публицистъ и оракулъ полишики *Прадтѣ* нешупиа предсказываетъ какое-то всеобщее, повальное переселеніе Русскихъ на западъ Европы. Напуганный походами нашихъ войскъ въ 1813 и 1814 году, онъ воображаетъ всю Россію какимъ-то подвижнымъ спаномъ, а Польшу ея авангардомъ. „И эшомъ воинственный народъ,—продолжаетъ Прадтѣ,—узнавъ однажды всѣ выгоды и преимущесства нашего климата и природы, не замедлитъ оставитъ свой суровый сѣверъ, чѣнобы приидни снова въ наши благословенные края и основатъся въ нихъ навсегда. Нынѣ (въ 1824 году) удерживаетъ его одна воля миролюбиваго Монарха; но правители перемѣняются, а духъ народа остается неизмѣннымъ.“

Остановись, лже-пророкъ полишикъ, и скажи намъ, есть ли у тебя отечество, или но крайней мѣрѣ родной край, и чувствовалъ

ли ты когда нибудь трепеть сердца, благословляя его?.. За чѣмъ же ты хочешь отнимать у насъ это святое чувство? Можемъ ли мы оставить мѣста нашего младенчества и возраста, небесныхъ испытаній и нашей славы? Оставимъ спрану, прозванную испари Свяшою Русью? Можемъ ли перенести съ собою памятки нашей вѣры и залогъ нашего благоденствія — наши святыни? Можемъ ли сказать опцамъ нашимъ, почивающимъ въ могилахъ: „встаньте и идите за нами?“— Умрѣте же вашъ напрасный страхъ, жадкіе мечшашели и знайте, что Россія, по одному маговемію своего Самодержавія, можешь двинуться и на западъ и на югъ и на востокъ; — но не для того, чтобы разлитъ пошопомъ или пожаромъ, а единственно для охраненія пищины, порядка, власпей и престоловъ, угрожаемыхъ власполюбіемъ или крамолами и безначаліемъ. Вопъ высокое назначеніе Россіи, ея образованности и просвѣщенія, ея силъ вещеспвенныхъ и нравспвенныхъ!

Конецъ IV-й и послѣдней части.

ОПЕЧАТКИ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

страницы.	строк.	Напечатано:	Исправить:
39	18	этого	этого
72	9	—	—
100	26	—	—
79	5	Дѣйствующія ихъ лица	Дѣйствующія лица
85	12	въ Англіи	въ Англію
115	7	Меньвиль Фодоръ	Менвьель Фодоръ
171	10	перемѣняются	перемѣняются
177	4	небольшую	небольшію
185	1	находятся	находится
239	14	ученыя заведенія	учебныя заведенія

